

№ 6 Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1968

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

К 150-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

П. Г. Пустовойт. Великий художник слова	3
Ф. Г. Бирюков. Настоящая русская речь	10
М. Б. Борисова. Слово в драматургии Тургенева	17
М. С. Гуреева. Не обряд прощания, а формула духовного возрождения	22
Ю. Л. Об одном сравнении в романе «Накануне»	25
В. П. Вомперский. Слово шуршать в рассказе «Бежин луг»	26
Н. Леонтьевский. Русский язык Полины Виардо	29

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. М. Богуславский. В защиту делового штампа	33
Т. С. Коготкова. Читатели о диалектных ошибках	38
В. Н. Сергеев. Памятник Минину и Пожарскому — памятник архитектуры	42
Д. И. Буторин. Сочетание существительных с числительным полтора	44

УДАРЕНИЕ

В. Л. Воронцова. Острота и острота	47
Л. И. Ройзензон. Тутovníк или тутóвник?	51

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Ю. М. Костинский. Иерихон футбольных трибун 52

ОРФОГРАФИЯ

Р. В. Макарова. Нужно ли менять русскую азбуку? 60
С. И. Зинин. Орфографические словари русского языка 64

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИИ

В. К. Л. Палац и перст 70
В. В. Веселитский. Орган, организм, организация, органический 73
И. А. Попов. Туземец 79
З. М. Петрова. Дым отечества 82

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

С. Р. Варшавский. Легенда о топоре 85

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. И. Базилевич. Федор Иванович Буслаев 90
Е. Н. Этерлей. Любители русской словесности 97

КОНСУЛЬТАЦИИ

В. А. Плотникова-Робинсон. Нумерация склонений существи-
тельных 103

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» 106

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1968 год 117

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

К 150-ЛЕТИЮ
И. С.

ТУРГЕНЕ-

ШЕ-

ВА

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК СЛОВА

Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого.

М. ГОРЬКИЙ.

В сокровищницу русского литературного языка И. С. Тургенев внес величайший вклад. Оценить его по-настоящему можно, только вспомнив, хотя бы в общих чертах, как шло развитие русского литературного языка.

Еще в эпоху Киевской Руси существовали светские и церковно-книжные стили древнерусского литературного языка. На смену им в эпоху становления Московского государства пришли новые стили, значительно обогатилась лексика и фразеология литературного языка.

Новый этап был связан с возникновением русского классицизма. Теория «трех штилей» строго регламентировала развитие языка, употребление тех или иных лексических пластов определялось жанром произведения (церковно-славянизмы предназначались для «высоких» жанров, простые речения—

для «низких» и т. п.). Язык литературы классицизма представлял собой некую сферу условности, в которой преобладали абстрактные значения слов.

Следующий этап развития русского литературного языка отражен в литературе сентиментализма и романтизма (в творчестве Карамзина, Батюшкова, Жуковского и других). Выдвинув на первый план так называемые «средние» жанры, Карамзин предлагал заменить «словенскую речь» разговорным языком дворянского салона. Это освобождало речь от «высокого парения» и в какой-то мере приближало ее к живому общению. И все же прогресс был весьма относительен, ибо разговорный язык салона — достойное ограниченно-го круга привилегированных лиц и сословий — был далек от речи народа. В литературе карамзинисты выдвигали на первый план индивидуальное сознание и чувство. Индивидуальность же в их понимании должна была соответствовать весьма определенному, прочно установившемуся идеалу добродетели. Поэтому пригодным для литературного языка признавалось только то, что отвечало постоянному эталону — идеалу сентиментальной «души». Например, в язык художественных произведений допускались «пичужечки», «миртовые рощи», «розмарины», «лилейные руки» и изгонялись «парни», «мужики» и прочие «низкие» слова, которые резали тонкий и нежный слух поборников стиля «элеганс». Карамзинистами даже составлялись списки «смешных» провинциальных слов, которые в литературе, по их мнению, употреблять не следовало. Литературный язык должен был приравниваться к разговорному языку светского общества, но это общество говорило по-французски, употребляло много заимствованных слов. Поэтому Карамзин призывал писателей к изобретательству в языке, к выдумыванию многих слов и выражений.

Развитие русского литературного языка в XIX веке можно проследить по произведениям реалистическим. Писатели-реалисты, и в частности Пушкин, рассматривали личность как проявление истории народа, а язык — как воплощение этой истории в слове. Слово для Пушкина приобретает национально-исторический смысл. Если в русский язык попадает какое-либо иностранное или церковнославянское слово и существует в нем, приобретает «права гражданства», оно становится русским словом, но лишь в той мере, в какой реально и исторически оправдано. При Пушкине и после него прикрепление лексики к определенному жанру стало несущественным. Важно, чтобы слово стояло на своем месте, соответствовало теме, передавало ту идею, которую писатель хочет выразить.

Пушкин был непосредственным предшественником Тургенева не только в литературной тематике, но и в языке. В речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину Тургенев сказал: «Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением». Тургенев находил в языке Пушкина «все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник».

Роль Пушкина в истории русского литературного языка поистине огромна. Он не придумывал новые слова и формы, не стремился количественно увеличить русский лексикон. Но он решительно и смело уничтожил искусственные перегородки между различными пластами русского словаря, освободил слово от закрепощения его тем или иным жанром и жанровой теорией, открыл путь свободного пользования любой лексикой, обусловленной темой и содержанием художественного произведения.

История русского литературного языка в послепушкинскую эпоху состояла в том, что принципы Пушкина развивались и конкретизировались, а также значительно расширялась сфера использования в художественной литературе самой различной лексики. Этот процесс протекал не так гладко и

прямолинейно, как иногда изображают. Уже начиная с 20-х годов XIX века (то есть с периода расцвета творчества Пушкина), на протяжении десятилетий шли споры о языке и стиле: пересматривалось отношение к церковно-книжной языковой культуре, остро встал вопрос о взаимодействии между литературным языком и территориальными и профессиональными диалектами, возникла проблема использования в художественной литературе различных стилей просторечия, а также западноевропейских заимствований. Когда в 30-х годах широко развернулась деятельность философских и политических кружков (Станкевича, Герцена и Огарева), назрел вопрос о введении в художественные произведения отвлеченной лексики, элементов философской, политической и научной терминологии. Этому способствовали публицистические и критические статьи В. Г. Белинского (в которых великолепно сочеталась новая научная терминология с образностью), а также философские и художественные произведения А. И. Герцена.

Активное участие в полемике о языке и стиле в 30—50-х годах принял и Тургенев, творчество которого ознаменовало новый этап развития русского литературного языка. Унаследовав пушкинскую неприязнь ко всякого рода вычурностям и условностям в языке, риторическим прикрасам и длиннотам, Тургенев резко критикует высокопарный стиль Кукольника, нарочитую архаизацию Фета, романтические украшения в повестях и рассказах Марлинского. Так, в письме к С. Т. Аксакову от 5 июля 1853 года Тургенев упрекает Фета в том, что тот «употребляет не только устарелые слова, каковы: „перси“ и т. д., но даже небывалые слова вроде: „заводи“ (завиток), „ухание“ (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что „ухание“ так же дико для слуха, как, например, „получие“ от благополучия» (Русские писатели о языке. Л., 1954).

Тургенев зло высмеивает искусственную выспренность стиля Марлинского, иронизирует над его холодной, фейерверчной музой. В рассказе «Стук... стук... стук!» писатель замечает, что «герои à la Марлинский попадались везде, особенно в провинции и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком; в обществе держались сумрачно, сдержанно — „с бурей в душе и пламенем в крови“, как лейтенант Белозор „Фрегата Надежды“, что «женские сердца „пожигались“ ими и что про них тогда сложилось прозвище: „Фатальный“» (И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 8. М., 1956).

Витиеватую романтическую фразеологию 30-х годов Тургенев развенчивает и в романе «Дворянское гнездо». Восторженный студент Михалевич, «Демосфен полтавский» сравнивает себя «с птицей небесной», «с лилией долины», говорит, что «он очистился в горниле бед» или «волны жизни упали на мою грудь» и т. п. Не менее едко Тургенев иронизирует и над романтическим стилем речи Шубина в «Накануне»: «У меня на сердце теперь такая нежность...», «она (природа.— П. П.) будит в нас потребность любви и не в силах удовлетворить ее. Она нас тихо гонит в другие, живые объятия...».

Но, выступая против выспренной романтики стилей своих современников, Тургенев, тем не менее, высоко ценил романтику

Лермонтова, относился с большим уважением к его гражданскому пафосу, особому «ораторскому» стилю, восходящему к гражданской поэзии Пушкина и декабристов. Он даже стремился подражать Лермонтову не только в юношеской поэме «Степо», но и в прекрасной поэме «Разговор», которая нравилась Белинскому. Значительно позднее, в романах 50—60-х годов, Тургенев усвоит от Лермонтова-реалиста аналитическую манеру письма, склонность к определительным конструкциям с двойными и тройными эпитетами, к большим предложениям со сложным синтаксисом.

Тургенев многому учился и у Гоголя. Такие его произведения, как поэма «Помещик», повесть «Пётушков», большинство рассказов и очерков «Записок охотника», написаны в духе «натуральной школы», здесь гоголевские элементы в художественной ткани преобладают. Гоголь смотрел на язык прежде всего как на живописное средство. Он считал, что, кроме общенародной, общеупотребительной лексики, в художественное произведение должны входить и различные территориально-диалектные, фольклорные и профессиональные элементы, придающие повествованию особый колорит. Тургенев следовал этому требованию Гоголя.

Достаточно прочитать «Записки охотника», чтобы убедиться, как Тургенев дорожил диалектной лексикой, бережно к ней относился и умело вводил в литературный обиход. На фоне литературного языка автора в «Записках охотника» заискрилась сочная орловская речь. В отличие от Даля и Горбунова, которые стремились к буквальному копированию «мужицкого лексикона», в отличие от Григоровича, который, подделываясь под народную речь, создавал стилизации, Тургенев устремлял различные диалектные слова и выражения в качестве важнейшего характерологического средства, помогающего процессу индивидуализации персонажей. Например, Хорь употребляет слова: *вестимо*, *набольший*, *отродясь*, в устах Ермолая вполне естественны выражения: «Право-ся, «чай, все хвораешь?». Деревенские мальчики Илюша и Костя в рассказе «Бежин луг» говорят: *понялственно*, *пересыпают* свою речь диалектными словами *рольня*, *лисовщики*, *казюли*, к которым Тургенев даже дает пояснения. Диалектизмы вкраплены в авторскую речь, но так искусно, что читатель, замечает только общую картину, органическое единство того и другого. Некоторые местные слова и выражения Тургенев вводит для того, чтобы расширить представление читателя о языковых особенностях орловщины: майер — ‘густой тростник’, бучило — ‘глубокая яма с весенней водой’, сугибель — ‘крутой поворот в овраге’, верх — ‘овраг’ и т. д. С той же целью и в строгом соответствии с темой «Записок охотника» употребляется и профессиональная лексика и фразеология: поршок — ‘молодой перепел’, порскать — ‘криком и хлопаньем арапника выставлять зверя в поле’, цыркать (о ястребе), живот (в значении — ‘домашнее животное, лошадь’).

Все эти диалектизмы и профессионализмы в очерках и рассказах Тургенева художественно оправданы и гармонически взаимо-

действуют с основной стихией литературного языка, представленной в речи автора. Например, в рассказе «Бежин луг» (сразу после слов Павла о Тришке) читаем: «Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновенье... Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари».

Сторонникам «дистиллированной» речи не нравились некоторые народные слова и выражения, употребляемые в рассказах Тургенева, например: гляделки, прошамшил, шпынять, дрыхнуть, зашибал маненько, живальей, лядащий, притулился,— но писатель все-таки вводил эту лексику в свои произведения.

Крупнейший стилист, Тургенев понимал, что литературный язык должен постоянно пополняться живыми, новыми словами, рожденными в народном сознании и отражающими характерные особенности местности, обычая, типа.

Вслед за Крыловым и Пушкиным Тургенев значительно расширил пределы употребления и функции просторечия. У него просторечие превращается из средства речевой характеристики определенных героев в достояние всей системы литературного языка. В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка» (М., 1934) писал, что просторечные новообразования сначала употреблялись только в «простонародных» диалогах, а затем стали появляться и в авторской речи.

Особенно ясной становится судьба просторечия при сопоставлении романов «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети».

В «Дворянском гнезде» просторечные слова и выражения в устах Марфы Тимофеевны — яркое средство, такое же, как в устах Марьи Дмитриевны французские изречения. Некоторые исследователи даже называют этот пласт лексики, употребляемый Марфой Тимофеевной, старинным усадебным просторечием и делают это не без основания. Грубоватые словечки, вроде *обтрепались*, *глаза выгарашил*, придают речи Марфы Тимофеевны оттенок какой-то старомодности.

Совсем иное в «Отцах и детях». Здесь просторечие втянуто в систему литературного языка и перестает быть характерологическим средством одного или нескольких героев. Здесь не только Базаров говорит: сказывал, махнем-ка, вишь, прокатимся, поболтаемся, в переделке была, шлялись, напичкан, улизнуть, рассырошиться, дудки,— но и представители либерального лагеря пользуются этой экспрессивной лексической категорией. Николай Петрович говорит: подсобляйте; Павел Петрович: хватъ, утомонился, бишь, прихватить, торчать (о Базарове), околею; Василий Иванович Базаров: почеломкаемся, верть назад, вино... подгуляло, отдал меня. Более того, просторечные слова и выражения встречаются и в авторской речи: мужички... обтерханные, не потакал им,

таскался за ней повсюду, Ситников... затрепал на славу, потащился в город, толчется в Петербурге, якшается со студентами.

Довольно часто встречаются в произведениях Тургенева слова, заимствованные из различных западноевропейских языков: дилетант, гипотеза, метафизика, система, демократ, либерал, нигилизм, принципы, скептицизм, парламентаризм. Эта лексика получает распространение в романах Тургенева не случайно. Как раз в период 30—60-х годов в России развивается журналистика, появляются публицистические стили, разговорный словарь интеллигенции обогащается научной и политической терминологией. Тургенев как художник, реалистически отражающий жизнь, «заставлял» своих героев говорить современным языком.

С другой стороны, писатель резко отрицательно относился к французомании и англоманству, к намеренному щеголянию иностранными словечками. В романе «Отцы и дети» он высмеял помещичье-сословный лексикон аристократов Павла Петровича Кирсанова, Матвея Ильича Колязина, а в романе «Новь» в отрицательном свете изобразил реакционера Калломейцева, злоупотреблявшего иностранными словами и видевшего в этом особое «грансенъорство». Речь Павла Петровича Кирсанова, преклоняющегося перед западной культурой, насыщена иностранными изречениями, нередко искусственно перемешанными с русскими словами и выражениями: «Я нахожу, что Аркадий *s'est dégoûrdi*» (стал развязен); «Это был минутный *vertige*» (головокружение).

Разгадав истинную сущность Павла Петровича, Базаров сражает своего оппонента его же оружием: в XXIV главе романа на французское изречение Кирсанова Базаров отвечает латинским, заметив при этом: «Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни». Но латинские слова и выражения в устах Базарова — необходимая принадлежность языка научного, характерная для естествоведника-медика терминология (жука он называет *dytiscus marginatus*, мускул — *vastus externus*).

Итак, иностранная лексика в произведениях Тургенева употребляется в двух целях: и как средство обогащения нашего словаря, и для осмеяния шаблонов, дежурных украшательств речи различных высокопоставленных особ. В этом Тургенев пошел вслед за Пушкиным и Гоголем. Они признавали употребление иностранных слов, обозначающих предметы и понятия, для которых нет подходящих выражений в родном языке («Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет»), и, напротив, боролись с французоманией в речи («манкировала контрвизитом» или «инкомодите в виде горошинки на правой ноге» у Гоголя).

Тургенев умел придать русскому языку необыкновенную гибкость и выразительность. Он создал особую манеру лирического повествования с разветвленной системой художественных определений: бедные, бледные, бессильные руки; потемневшая, благовонная, уединенная комната; споксйное, изнеженное, избалованное существо.

Специфика употребления Тургеневым эпитетов может быть прослежена в романе «Отцы и дети». Здесь сразу видно, что писатель избегает резких, кричащих эпитетов. Для передачи «обычных» человеческих чувств Тургенев часто сочетает отвлеченные понятия: холодный ужас, изнеженная небрежность, изящное смирение, раздражительная свежесть, злобная унылость, леденящая вежливость и т. п. Когда писателю необходимо выразить свое отрицательное отношение к герою, он прибегает к неожиданным сатирическим определениям, весьма удаленным по значению от определяемых ими слов: «будет с него *губернского фимиама*», «*прилизанное лицо*», «*благонамереннейше-застегнутый вицмундир*». В описаниях природы Тургенев стремится передать тончайшие оттенки. Он достигает этого главным образом с помощью сложных определений: бледно-ясная лазурь, бледно-золотые пятна света, шумливо-сухая трава.

Тургенев прекрасно понимал, что русская народная речь проста и могуча, как и русская природа. Он писал: «В самой природе нет ничего ухищренного и мудреного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает; в самых своих прихотах она добродушна. Все поэты с истинными и сильными талантами не становились в „позитуру“ пред лицом природы; ...великими и простыми словами передавали они ее простоту и величие...».

Как поэт «с истинным и сильным талантом» Тургенев никогда не становился в «позитуру» перед природой. Он обрисовывал ее простыми и ясными линиями. Опираясь на традиции устного поэтического творчества народа, именно из природы, окружающей человека, Тургенев черпал большинство сравнений и метафор: «Дворовые мальчишки бегали за дохтуром, *как собачонки*», «Люди, *что деревья в лесу*», «Мысли *зароились* в голове», «Гордость *поднялась на дыбы*».

Тургенев великолепно владел всей палитрой общенародного языка, но никогда искусственно не подделывался под народный говор. Он писал: «В наших глазах тот заслуживает это название (народного писателя. — П. П.), кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом».

Сам Тургенев несомненно был таким писателем. Он всегда черпал силы в настоящей, большой любви к Родине, в горячей вере в русский народ, в глубокой привязанности к родной природе и к великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку».

В статье «По поведи „Отцов и детей“» Тургенев оставил молодым литераторам замечательный завет: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в челе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!».

П. Г. ПУСТОВОЙТ

НАСТОЯЩАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ

И С. Тургенев о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова сказал так: «Слог его мне чрезвычайно правится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательны».

Таков слог и самого Тургенева, в частности — «Записок охотника».

«Записки охотника»... Едва ли мы задумываемся над тем, как прозаично это заглавие. Сколько промелькнуло на страницах журналов и прочих изданий «записок», «путевых заметок», «блокнотов», «дорожных очерков». Тургеневская книга — собственно, того же жанра. Это снимки с натуры, непосредственное, непринужденное повествование о самом обыденном, что мог увидеть охотник в орловской и калужской крепостной деревне. И хотя давно минуло то время, рассказы живут, волнуют. Над тайной очарования тургеневской прозы и хочется поразмыслить.

Чтобы художественное произведение было принято и осталось в памяти не одного поколения, оно должно содержать глубокую, значимую мысль, необходимую людям правду, настроенность, совпадающую со сложной стихией народных чувств и выраженную образным, точным и эмоциональным словом.

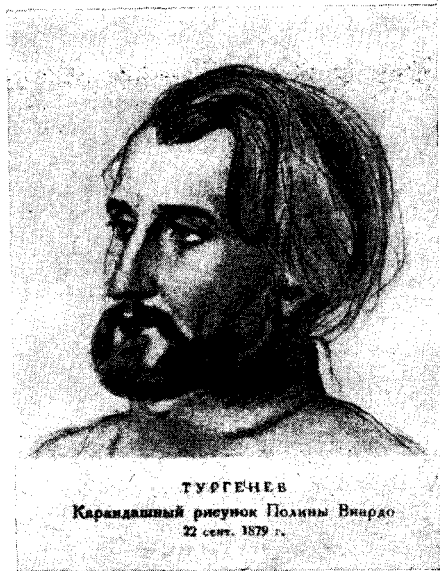
«Записки охотника» заняли особое место в истории литературы и художественной стилистики: они в какой-то мере обозначили поворот, новое в общественном сознании. Это были годы, когда Белинский требовал, чтобы литература заинтересовалась участью угнетенных классов, объективно представила бы мужика как личность — его ум, сердце, страсти, склонности, и связывал это с духом времени, развитием цивилизации, просвещения и гуманности. Тургенев и совершил свое «хождение в народ», побывал в закопченных избах, ночевал в сараях, на сеновалах, под открытым небом и всюду встречался с людьми на увлекательном пути исследователя народной жизни. Он посмотрел на крестьянскую Русь внимательным, заинтересованным, любящим взглядом — и много увидел, открыл для искусства. Чудесным словом художника-реалиста, проникновенного лирика Тургенев поведал о том, как талантлив, умен, честен, душевен, благообразен русский крестьянин и как замучен и задавлен он дикими условиями крепостного существования.

«ЗАПИСКИ

ОХОТНИКА»

Писатель создал галерею деревенских типов, выдвинув на первый план образы труженников. Это умный и деловой Хорь в окружении своих детей — рослых красавцев, поэтически впечатлительные натуры — Калиныч, Касьян, суровый и честный Бирюк, талантливый певец Яшка-Турок, Арина с ее загубленной судьбой, несчастная Лукерья, отвергнутая развращенным лакеем Акулина, трогательные и непосредственные ребята из «Бежина луга». Тургенев проявляет необычное для того времени внимание к внешности крепостного мужика:

ТУРГЕНЕВ
Карандашный рисунок Полины Виардо
22 сент. 1879 г.

Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо.

Или взглянем на Арину:

Ей было на вид лет тридцать; худое и бледное лицо еще хранило следы красоты замечательной; особенно понравились мне глаза, большие и грустные.

А вот лесник Бирюк:

Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза.

На стиле «Записок охотника» отпечаток особого мировоззрения и жизненного опыта трудового народа. Мы любуемся тургеневским описанием природы — тонкостью обозначений зрительных восприятий, цвета, запаха, нас захватывает многокрасочность изображенной им флоры и фауны. А ведь это соответствовало прежде всего впечатлениям крестьянина, влюбленного в деревенские зори, в звучный и радостный мир земного бытия, во всю, как выразился М. Горький в статье о Пришвине, биосферу, окружающую сельского жителя и поэтически воспринятую им. И совсем не случайно классические тургеневские пейзажи сюжетно связаны с образами крестьян. Посмотрите, как «вписывается» в картину природы Касьян с Красивой Мечи.

Я глядел на него. Листья слабо колебались в вышине, и их жидко-зеленоватые тени тихо скользили взад и вперед по его тлещу телу, кое-как закутанному в темный армяк, по его маленькому лицу... Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака — и вот вдруг все это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем, — все заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее, трепещущее лепетанье, похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу, и как будто вместе с ними, медлительной вереницей, проходят по душе счастливые воспоминания, и все вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше, и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну, и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины...

И как естественно после этого описания прозвучало недоумение Касьяна — поэта в душе, «юродивого», хранителя первозданной красоты мира:

— Барин, а барин! — промолвил вдруг Касьян своим звучным голосом.

Я с удивлением приподнялся; до сих пор он едва отвечал на мои вопросы, а то вдруг сам заговорил.

— Что тебе? — спросил я.

— Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для поехи своей убил.

— Да ведь ты сам, небось, гусей или куриц, например, ешь?

— Та птица богом определенная для человека, а коростель — птица вольная, лесная. И не он один: много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — божья благодать — да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов.

Также невозможно отделить Бирюка от страшной, но по-своему красивой грозовой ночи, Акулину (Свидание) — от березовой рощи и полевых цветов и трав, ребят (Бежин луг) — от летней ночи, полной таинственности, запахов, и такой прекрасной, когда звезды на небе роятся, как божьи пчелки.

Несомненно с миром сельских наблюдений, крестьянской культурой, созданной вековым опытом трудовой жизни и взаимодействия с природой, связана богатая тургеневская лексика, точные и яркие обозначения, мелодия фразы. Конечно, повествовательная речь писателя вобрала книжную традицию, опыт великих стилистов и словолюбов. Но это нисколько не противоречит тому, что существенная основа ее — в превосходном знании живой речи народа. Если бы Тургенев, предположим, смотрел на явления глазами Полутыкина или Пеночкина — людей очень далеких от психологии тружеников и лишенных национальной почвы, он не дал бы таких изображений:

Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней. Их статные, могучие стволы великолепно чернели из золотистой прозрачной зелени орешников и рябин; поднимаясь выше, строились на ясной лазури и там уже раскидывали шатром свои широкие узлова-

тые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистом носились под неподвижными верхушками, пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев черного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги; внизу, в кустах, чирикали и пели малиновки, чижи и пеночки; зяблики проворно бегали по дорожкам; белая прокрадывалась вдоль опушки, осторожно «костыляя»; краснобурая белка резво прыгала от дерева к дереву и вдруг садилась, поднявши хвост над головой. В траве, около высоких муравейников, под легкой тенью вырезных красивых листьев папоротника, цвели фиалки и ландыши, росли сыроежки, волчанки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайках, между широкими кустами, алела земляника... А что в лесу за тень была! В самый жар, в полдень — ночь наступая: тишина, запах, свежесть...

И это не только в изображении природы. Народная основа тургеневской речи везде и во всем:

Кузя, наездник, мастер своего дела, проехал раза три мимо нас по улице. Хорошо бежит лошади, не сбивается, задом не подбрасывает, ногу выносит свободно, хвост отделяет и «держит», редкомах... Баклага правил лошадьми... и как правил! Сквозь сережку бы проехал, разбойник! Гнедые пристяжные, маленькие, живые, черноглазые, черноногие, так и горят, так и поджимаются; свистни только — пропали! Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, знай головой помахивает да гордо щурится... Хорошо! Хоть бы царю Ивану Васильевичу в светлый праздник прокатиться.

Тургенев — мастер детали, броского штриха. Вот пример из рассказа «Бирюк». От лесника сбежала жена, оставив двенадцатилетнюю дочь и грудного ребенка. Когда заговорили об этом между собой хозяин и охотник, «девочка потупилась». А потом рассказчик еще раз внимательно посмотрит на нее:

Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

Как мало потребовалось слов, чтобы с такой силой изобразить трагическую ситуацию!

Тонкая наблюдательность, подробнейшая детализация событий очень существенны и тогда, когда Тургенев шутит, иронизирует, издевается, бичует. Рассказчик и кучер едут на охоту. Сломалась ось телеги. Охотник спрашивает, что делать.

Кучер мой сперва уперся коленом в плечо коренной, тряхнул раза два дугой, поправил седелку, потом опять пролез под поводом пристяжной и, толкнув ее мимоходом в морду, подошел к колесу — подошел и, не спуская с него взора, медленно достал из-под полы кафтана тавлинку, медленно вытащил за ремешок крышку, медленно всунул в тавлинку своих два толстых пальца (и два-то едва в ней уместились), помял-помял табак, перекошил заранее нос, понюхал с расстановкой, сопровождая каждый прием продолжительным кряхтением, и, быстро щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился в глубокое раздумье.

И когда Тургенев изображает всеобщий испуг в деревне Шиполовке при появлении там барина Пеночкина, или французского кухню Полутыкина, или хозяйственные затей Еремея Лукича (Чертопханов и Недопюскин), которые кончились неудачей и потому приказано было перепороть за колдовство всех старых баб на деревне, — удивительная зоркость помогает ему создать сати-

рические образы глубокого обобщения. Мы помним знаменитые: «Отчего вино не нагрето?», «Насчет Федора... распорядиться», «Чюки-чюки-чюк!». Тургенев заметит, как при появлении сановника «все общество отправилось в столовую, тузами вперед», как «земский выпучил глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался», как «купцы с мучительным напряжением пили чай».

Писателя восхищает звучание, напевность «простой, умной речи русского мужика»:

Странный старичок говорил очень протяжно. Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого,— он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен... Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза (Насьян с Красивой Мечи).

В речи Насьяна, Лукерьи, Кости из «Бежина луга», исполненной чувств и вдохновения, Тургеневу дорог поэтический склад, красота и могущество фольклорной стихии: «А месяц-то светил сильно, так сильно, явственно светит месяц — все, братцы мои, видно».

Писатель высоко ценит меткость и незаменимость народных выражений. Кучер говорит: «Ось сломалась» и добавит: «перегорела», то есть истерлась на ходу. Крепостной Влас, вернувшийся из города от барина ни с чем, горюет: «Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит». О крупной лошади говорят, что она «широка», «печь-печью, хоть выспись». Или такие выражения: конь «тут на поводу», зато другой «шагом идет — как в руках несет; рысью — что в зыбке качает, а поскачет, так и ветру за ним не угнаться»; «Затормошили меня, словно зайца на угонках»; «Осень всключет, а как весна захочет»; «Шапку оземь»; он «поперек себя толще»; «наизнанку антихриста выворочу». Лукерья рассказывает о приснившейся женщине: «...а она вдруг верть — да прямо ко мне».

Тургенев прислушивался к названиям мест, именам, прозвищам, кличкам животных — здесь открывалась ему область народного словотворчества. Поэтично звучат: Бежин луг, Парахинские кусты, Малиновая вода, Красивая Мечь, Синдевская роща, Чаплыгино. В других случаях меткие названия говорят о бедственном положении крестьян, отрицательных качествах людей: река Гнилотерка, село Худобубново; участок назвали Дубовщиной, потому что он был отнят у соседей дубинами; несуразному человеку из дворовых дали кличку Оболдуй, помещицу прозвали Стрыганихой. Характерологически мотивированы имена тунеядцев: Полутыкин, Зверков, Мардарий Аполлонович Стегунов, Хряк-Хруперский, Колтун-Бобура.

Тургенев дорожит каждым народным словом, даже если оно узко диалектное. Он заметит, что сплошные массы кустов в Орловской губернии называют площадями, низкие кусты — мелочами, лес — заказом, густой тростник, разросшийся по краям и в середине прудов и озер — майером, крутой поворот в овраге — сугибелью, оставшуюся от весеннего половодья на все лето воду —

бучилом. Змей называют козюлями. Если заброшенный человек где-то приютился жить, говорят: притулился. Одинокого называют бирюком. Стремясь к точному воссозданию речи крестьян, Тургенев вводит в диалоги такие слова, как: напой, пуцай, напужались, понятствено, хоша, хичная, откентелева (откуда), подь сюда, покажь, неча сказать, необнаковенный, удоблетворю, лотошил, вострая девка, очинна хорошо, карахтер, черево (в смысле — тело), понеча, спортить, чапля.

Это не значит, что Тургенев принимал все, что слышал. Например, он замечает: «Орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов». Тонкое языковое чутье, высокий эстетический вкус помогли ему опереться на то, что составляет силу языка, — емкие, содержательные слова, обладающие наибольшей изобразительностью.

Он скажет: «Словно взлетая, поднимается могучее светило»; «Солнце так и било с синего потемневшего неба»; «Золотисто-желтый луч ворвется вдруг, заструится длинным потоком, ударит по полям...»; «Осенью вальдшнепы часто держатся в старинных липовых садах»; «Далеко в поле гуськом торчат драхвы»; «Могучий темно-гнедой конь так и взвился всеми ногами на воздух». Или: «Машу всю поводило, как бересту на огне»; «окончательно „доехал“, как говорится, Чертопханова следующий случай»; в Орловской губернии «изба лепится к избе, крыши закиданы соломой», а в Калужской «избы стоят вольней и прямей, ...плегень на задворках не разметан, не зовет в гости всякую прохожую свинью»; «Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побезка их напоминает ухарскую походку бойкого полового»; «Раненый белая... жалобно закричал в зубах рассовавшегося пса».

Тургенева не смущают такие слова и обороты в авторской речи, как: крехтанье кур, поплелся рысцой — трюхи-трюхи, стоговал ось, выщупывать дно озера.

Ему ненавистна речь манерная, фальшивая, грубая, изуродованная безвкусицей, дурной привычкой коверкать и обесмысливать слова. Он чутко прислушивался не только к тому, какие произносят слова, но и как их произносят. Бывший камердинер Владимир в рассказе «Льгов» «говорил, ни дать, ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников». Генерал Хвалынский (Два помещика) особенным даром красноречия не владел, перед высшими безмолвствовал, — иронизирует автор. Разговаривая с равными себе людьми и нечиновными, даже слова иначе произносит и не говорит, например: «Благодарю, Павел Васильич», или: «Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч», а: «Боллдарю, Палл Асилич» или: «Па-жалте сюда, Михал Ваныч». С людьми же, стоящими на низших ступенях общества, он обходится еще страннее: вовсе на них не глядит и, прежде чем объяснит им свое желание или отдаст приказ, несколько раз сряду, с озабоченным и мечтательным видом, повторит: «Как тебя зовут?.. как тебя зовут?», ударяя необыкновенно резко на первом слове «как», а остальные произносятся очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела.

С низшими

держит речи отрывистые и резкие, употребляя выраженья, подобные следующим: «Это, однако, вы пу-стя-ки говорите», или: «Я, наконец, вынужденным нахожусь, милосый сдарь мой, вам поставить на вид», или: «Наконец вы должны, однакоже, знать, с кем имеете дело» и пр.

Люди типа Беневоленского, дилетанты в искусстве, настоящие дубины, вымазанные медом.. никогда не называют Рафаэля — Рафаэлем, Корреджио — Корреджием: «Божественный Савио, неподражаемый де Аллегрис», — говорят они, и говорят непременно на б. Всякий домо-рощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талант величают они гением, или, правильнее, «хэнием»: спнее небо Италии, южный лимон, душистые пары берегов Бренты не сходят у них с языка. «Эх, Ваня, Ваня», или: «Эх, Саша, Саша», — с чувством говорят они друг другу, — на юг бы нам, на юг... ведь мы с тобою греки душою, древние греки!»

Сановник из рассказа «Гамлет Щигровского уезда», «вероятно, ради важности, иногда изменял общепринятые ударения слов» (говорил *ибб* вместо *ибо* и произносил иногда более животом, чем губами).

Отставной поручик Хлопаков

в продолжение года, иногда двух, употребляет постоянно одно и то же выражение, кстати и некстати, выражение нисколько не забавное, но которое, бог знает почему, всех смешит. Лет восемь тому назад он на каждом шагу говорил: «Мое вам почитание, покорнейше благодарствую», и тогдашние его покровители всякий раз помирали со смеху и заставляли его повторять «мое почитание»; потом он стал употреблять довольно сложное выражение: «Нет, уж это вы того, кескес», — это вышло выходит», и с тем же блистательным успехом; года два спустя придумал новую прибаутку: «Не ву горяче па, человек божий, обшит бараньей кожей» и т. д. И что же! эти, как видите, вовсе незатейливые словечки его кормят, поят и одевают.

Потом он потешал «общество» словечком: «рррракалиооон!». А другой из этого «общества» обращается так:

— Че-о-эк, э, трубку, — произнес в галстух какой-то господин высокого роста, с правильным лицом и благороднейшей осанкой, — по всем признакам шулер.

Тургенев высмеял пустозвонство помещичьего публициста Хряка-Хруперского, статья которого о пользе нравственности в крестьянском быту начиналась так: «Усугубленными попечениями сердобольного начальства достигнута наконец возвышенная, каждому истинному чаду отечества драгоценная мечта» (Чертопханов п Недопуския). Еремей Чертопханов заставил своих крестьян выучить эту статью наизусть. С иронией рассказывает писатель о том, как помещица Лоснякова завела в усадьбе обычай сочинять приказы по всем нормам канцелярского делопроизводства, а чиновник из Петербурга Штоппель в издевательской беседе с Недопускиным «выражался языком нестерпимо чистым, бойким и правильным».

Вот откуда, по мнению Тургенева, грозила опасность великому, свободному, правдивому языку русского народа. И он ревниво оберегал «наш прекрасный язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предпшественниками».

Ф. Г. БИРЮКОВ

СЛОВО *в драма* *тургии* и.с. Тургенева

Богатство и поэтичность, гибкость и чарующее волшебство русского языка, проникновенно воспетые Тургеневым, нашли в его творчестве совершенное воплощение и развитие. Язык драматургии Тургенева продолжает лучшие традиции художественной стилистики первой половины XIX века. Из всех великих предшественников писателю ближе всех Пушкин; его реализм, простота, народность определили художественную систему Тургенева-драматурга. Большое влияние на язык пьес Тургенева оказала и драматургия Гоголя и прежде всего свойственная ей глубина индивидуальной и социальной характерности речи персонажей.

И все-таки можно сказать, что пьесы Тургенева знаменуют собою начало нового драматургического течения, нового этапа русского сценического искусства. Созданные в период 1843—1852 годов десять пьес Тургенева обладают при всем различии их жанров некоторыми общими чертами стиля.

Ставя в центре внимания проблему социального неравенства, социальной борьбы, общественной пассивности «лишних людей»,

Тургенев разрешает конфликты своих пьес в острых и сложных столкновениях характеров, дает глубокий психологический анализ поведения героев.

Исследователи неоднократно отмечали такие черты психологизма Тургенева, как скрытый характер сюжета, острую напряженность сцен — объяснений героев, отказ от театральной условности в развитии действия, реалистическое отражение бытовой речи, исполненной глубокого внутреннего драматизма.

Однако новаторство Тургенева в еще большей степени проявляется в языковой организации диалога. Тонкие, сложные, подчас противоречивые чувства героев раскрываются в напряженной, скрытой борьбе психологий, в скрещении тайных стимулов, в недоговоренности, намеках, иносказаниях, многозначительных умолчаниях. Определяющей чертой такого диалога становится принцип смысловой глубины слова, динамики его превращений.

Многозначность слова, связующего реплики, присуща разговорно-диалогической речи, но эта реальная черта диалога в тургеневской драме глубоко своеобразна.

Особое художественное использование значения слова лежит в основе тургеневского принципа драмы — подтекста (впоследствии он станет определяющим в драматургии Чехова).

Слово в диалоге воспринимается не только как выражение мысли говорящего, оно как бы дополняется предшествующим психологическим, социальным опытом, подчиняется особым законам ассоциаций, оказывается в новом ряду представлений и понятий. Причем это второе толкование не расшифровывается, но существует в виде скрытого содержания (подтекста). Толчок к такому восприятию слова может быть дан в ремарке или при помощи паузы (в тексте — многоточием).

В пьесе «Где тонко, там и рвется» Горский, собравшись воспрепятствовать браку Веры со Станицыным, сам поддается ее очарованию. Однако он не может решиться связать свою жизнь с Верой, колеблется, страдает от неопределенности, непостоянства своих чувств, интригует и, наконец, оказывается посрамленным простотой, естественностью, цельностью натуры Веры. Своеобразное восприятие слова определяет структуру диалога в финале пьесы:

Горский. Видите, какой дождь полил... Что в самом деле, сложа руки сидеть...

Станицын. Я готов... А вы, Вера Николаевна?

Вера (которая все это время оставалась почти неподвижною). Я тоже...
готова.

Станицын. Ну и прекрасно!

(Здесь и далее курсив мой.— М. В.).

Ни лексические связи слова, ни содержание контекста в приведенном диалоге не дают основания для особого смысла слова во второй реплике — *готова*, но пауза — многоточие — служит толчком к многозначительным ассоциациям, заставляет воспринимать

слово в связи со всеми мыслями и переживаниями Веры. Сцена эта происходит в финале драмы, когда Вера, понявшая эгоистический душевный склад Горского, оскорбленная его непостоянством, умствованиями, решает связать свою судьбу с преданным ей, искренним и простым Станицыным. Горский, по-своему страдающий от этого, старается за внешней живостью и возбуждением скрыть горечь и сожаление. Он собирается «дирижировать» предстоящим развлечением. Именно участие в развлечении и подразумевает слово *готов* у Станицына. В восприятии Веры содержание слова *готова* преобразуется на основе ассоциаций со всей сложной психологической коллизией: оно подразумевает решение Веры порвать с Горским и связать свою судьбу со Станицыным.

Наиболее удачно диалог с подтекстом Тургенев строит в драме «Месяц в деревне». Персонажи ее вовлечены в еще более острые психологические конфликты, сложные взаимоотношения. Наталья Петровна, жена помещика Ислаева, увлечена молодым студентом Беляевым, приехавшим в их имение. Страдающая среди морально ущербных людей своего социального круга, Наталья Петровна видит в Беляеве душевное здоровье и силу, свободу от условностей ее среды. Эта ситуация осложняется еще и ее отношениями с приятелем мужа Ракитиным, любящим Наталью Петровну.

Чувства героев проявляются в недомолвках, скрытых намеках, они не всегда ясны самим героям, часто мучительны для них. Разноплановая цепь понятий получает большую художественную выразительность.

Вот диалог из 1-го действия, когда зарождающееся чувство к Беляеву тревожит, мучит, волнует Наталью Петровну и все происходящее она воспринимает сквозь призму своих настроений.

Ракитин. Вы знаете, я несколько дней провел у Кривицыных... Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Все *другое* можно... но скука нет.

Наталья Петровна (поглядев на него). А *другое* все можно?

Ракитин (помолчав немного). Я думаю.

В первой реплике Ракитина *другое* имело широкий, безотносительный к ситуации смысл. Для Натальи Петровны за словом *другое* скрывается ее отношение к Беляеву, а Ракитин под этим словом подразумевает свою любовь к Наталье Петровне.

Восприятие слова героями часто связано с изменением его значения. Например («Месяц в деревне»):

Вера. Я никак не могла ожидать... Наталья Петровна... Впрочем, я ее завидую. Извините меня и вы... Сегодня поутру я была глупым ребенком, а теперь... (Останавливается).

Беляев. Еще ничего *не решено*, Вера Александровна... Я, может быть, останусь.

Вера (печально). Вы говорите, ничего *не решено*, Алексей Николаич... Нет, все *решено*, все кончено. Вот вы как со мной теперь; а помните, еще вчера в саду...

Не решено в реплике Беляева относится к отъезду. Для Веры эти слова связаны с неувловимой прелестью недавних отношений с Беляевым, разрушенных жестоким и коварным вторжением Натальи Петровны.

Смысловая глубина слова, динамика превращений лежит и в основе второго типа диалогов с подтекстом — диалогов, основанных на так называемой «аллюзии». Здесь слово воспринимается в ином, новом смысловом плане в силу того, что в предыдущей реплике, помимо прямого, явного, оно имело скрытый, связанный с ситуацией смысл, содержало «аллюзию», легкий намек.

Ракитин (подходит к Наталье Петровне. Она ему протягивает руку. Он тотчас ее пожимает). Наконец, мы одни... Наталья Петровна, скажите мне, что с вами?

Наталья Петровна. Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте.

(Ракитин садится подле нее).

С кем этого не случается? Ходят же по небу тучки. Что вы на меня так глядите?

Ракитин. Я гляжу на вас. Я счастлив.

Наталья Петровна (улыбается ему в ответ). Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду!

(Ракитин встает и открывает окно).

Здравствуй ветер. (Смеется). Он словно ждал случая ворваться... (Оглядываясь). Как он завладел всей комнатой... Теперь его не выгонишь...

Ракитин. Вы сами теперь мягки и тихи, как вечер после грозы.

Наталья Петровна (задумчиво повторяя последние слова). После грозы... Да разве была гроза?

Ракитин (качая головой). Собиралась.

Наталья Петровна. В самом деле? (Глядя на него, после небольшого молчания). А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себе человека, добрее вас. Право.

Все объяснение строится на тонких иносказаниях. «Вечер после грозы» — это сравнение Ракитина важно как скрытый намек на угрожающую всем в доме бурю чувств и вытекающих отсюда последствий. Именно таков подтекст, воспринимаемый Натальей Петровной. Новое употребление слова *гроза* Ракитиным (оно подразумевается в ответной реплике) продолжает это ситуативное, иносказательное осмысление. Но суть намек в том и заключается, что новый смысл подтекста вовсе не исключает прямого толкования.

Диалог с намеком строится часто на сопоставлении разных значений глаголов, выражающих чувства и мысли.

Ракитин. Аркадий вас ищет... Признаюсь, я не ожидал найти вас здесь... но, проходя мимо...

Наталья Петровна (с улыбкой). Вы слышали наши голоса... Я встретила здесь Алексея Николаича... и имела с ним небольшое объяснение... Сегодня, видно, день объяснений, но теперь мы можем пойти домой... (Хочет идти в дверь коридора).

Ракитин (с некоторым волнением). Могу узнать... какое решение...

Наталья Петровна (притворяясь удивленной). Какое решение? ...И вас не понимаю.

Ракитин (долго помолчав, печально). В таком случае я все *понимаю*.

Сопоставление разных значений слов и фраз в драмах Тургенева — основа не только диалогов с подтекстом, но и полемических диалогов, где разные точки зрения скрещиваются в прямых высказываниях. Так построен, например, очень важный для развития конфликта диалог Натальи Петровны и Ракитина:

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Вы обижаетесь? Полноте, что за вздор! Я только хотела сказать, что мы оба с вами... слово: болезненный — вам не нравится... что мы оба *стары*, очень *стары*.

Р а к и т и н. Почему же *стары*? Я про себя этого не думаю.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ну, однако, послушайте; вот мы с вами теперь сидим здесь... может быть, на этой же самой скамейке, за четверть часа до нас, сидели... два точно молодые существа.

Р а к и т и н. Беляев и Верочка? Конечно, они моложе нас... между нами несколько лет *разницы*, вот и все... Но мы от этого еще не *старики*.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Между нами *разница* не в одних годах.

Р а к и т и н. А! Я понимаю... Вы завидуете их... *naïveté*, их свежести, невинности... словом, их глупости...

Диалог построен на перекрещивающейся многозначности сразу двух слов: *стары* и *разница*. *Старый* оказывается контекстным заменителем слова *болезненный* и передает значение 'изверившийся во всем, душевно усталый, изломанный, опустошенный'. Это значение не хочет воспринимать Ракин, возвращающий слово к его обычному смыслу. *Разница* также звучит в двух значениях: 'величина, являющаяся разностью между двумя величинами' и 'несходство, отличие'.

Приводимые до сих пор виды художественного использования смысловой двуплановости слова были основаны на многозначности, присущей системе языка. Но в диалоге Тургенева большую эстетическую активность получают и особые эмоционально-экспрессивные приращения смысла, рожденные ситуацией. Кроме понятийного, предметно-логического содержания, слово получает в контексте экспрессию, передающую эмоциональное состояние говорящего или оценку им предмета речи. Экспрессия слова, возникающая в контексте, создает в диалоге Тургенева особую психологическую остроту и напряженность. Интересно используется она в финале «Провинциалки».

Ловкая, изобретательная Дарья Ивановна оболыщает стареющего графа, светского волокиту, у которого она надеется добиться покровительства для мужа и таким образом попасть в Петербург. Волокитство графа кончается комически: опустившись на колени, он не в состоянии подняться и обращается за помощью к мужу Дарьи Ивановны. Несмотря на опасность потерять все свои «завоевания», Дарья Ивановна раздражается смехом — здоровое начало побеждает честолюбивые желания. Сцена завершается таким диалогом:

Д а р ь я И в а н о в н а. Граф, я заранее прошу у вас извиненья за *провинциальный* наш обед.

Г р а ф. Хорошо, хорошо... До свиданья в Петербурге, *провинциалка!*

Если в первой реплике *провинциальный* использовано в его прямом значении — ‘свойственный провинции’, то однокоренное слово во второй реплике окрашено особой экспрессией. Смысловые приращения носят здесь в целом иронический характер. Однако слово становится не просто антонимичным обычному значению — ‘наивно-простоватая’, но передает и восхищение старого графа и удивление его перед изворотливой находчивостью, остротой ума своей противницы в любовном поединке, оно содержит и укор и снисходительное прощение примирившегося с поражением волюнты.

Разнообразие форм двузначности в диалоге: разное смысловое содержание слова, сопоставленность общеязыковых значений и ситуативных, эмоциональных приращений смысла, сложность экспрессивной окраски — основа «тонких кружев» тургеневского диалога, который, по словам К. С. Станиславского, позволяет любоваться причудливыми узорами психологии любящих, страдающих и ревнующих сердец».

М. Б. БОРИСОВА,
доцент Саратовского университета

Не **ОБРЯД** прощания,

а **ФОРМУЛА**

Духовного возрождения

Научное истолкование крылатых слов — необходимое условие их правильного употребления в устной и письменной речи. Поэтому заслуживает одобрения публикация статьи Н. А. Еськовой в сборнике «Вопросы культуры речи» (VIII. М., 1967) о происхождении и смысле крылатого выражения

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал,—

непосредственным источником которого является роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

Н. А. Еськова утверждает, что су-

ществуют два разных понимания тургеневского двестишия, определяемые различным толкованием второй его части: «1) Двестишие понимается как „формула ренегатства“. Смысл второй части раскрывается так: „стал приверженцем того, что прежде отрицал“. 2) Двестишие понимается как „формула прощания“: человек навсегда расстается с тем, что было ему дорого. Смысл второй части: „отдал последний долг старым привязанностям“».

Отвечая на вопрос, какое из этих двух пониманий двестишия соответствует его источнику, Н. А. Еськова

приходит к выводу, что несомненно только второе. «Контекст „Дворянского гнезда“, — считает она, — совершенно не позволяет понять эти строки как „формулу ренегатства“».

По нашему мнению, вывод, сделанный Н. А. Еськовой, требует некоторого уточнения. Верно, конечно, что анализируемое двестишье не имеет в «Дворянском гнезде» значения «формулы ренегатства»; вместе с тем содержание романа показывает, что тургеневский смысл этого двестишья не имеет ничего общего с «формулой прощания».

Смысл крылатых выражений, как и некоторых других фразеологизмов, может изменяться в зависимости от контекста. Это полностью относится и к тургеневскому двестишью, которое является многозначным выражением. Примеры показывают, что оно может употребляться и употребляется в четырех значениях.

1. «Формула ренегатства», выражением которой чаще всего служит только первая строка двестишья (человек «сжег все, чему поклонялся», т. е. изменил своим взглядам, убеждениям, идеалам).

В таком виде это выражение неоднократно использовал В. И. Ленин для характеристики идейного и политического предательства. Так, например, разоблачая ренегатство Парвуса, который изменил рабочему классу и с начала первой мировой войны стал шовинистом, В. И. Ленин писал: «Он защищает немецких оппортунистов с невероятно наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся; он «забыл» о борьбе революционного и оппортунистического течений и об их истории в международной социал-демократии» (Полное собрание сочинений. Т. 27, стр. 82). В. И. Ленин отмечал, что журнал Парвуса «Колокол» — орган

ренегатства и грязного лакейства в Германии» (там же, стр. 83).

2. «Формула прощания», смысл которой раскрыт в статье Н. А. Еськовой.

3. «Формула непоследовательности и противоречивости во взглядах и суждениях человека». Пример употребления тургеневского двестишья в этом смысле дает М. Лифшиц в статье «В мире эстетики» («Новый мир», 1964, № 2), который так характеризует непоследовательность и противоречивость суждений В. Разумного: «На каждой странице своих трудов он сжигает то, чему вчера поклонялся, и поклоняется тому, что вчера сжигал».

Н. А. Еськова считает, что М. Лифшиц употребляет тургеневское двестишье как «формулу ренегатства». На самом деле, ни о каком ренегатстве в статье М. Лифшица речь не идет. В ней М. Лифшиц критикует В. Разумного не за ренегатство, а за путаницу и непоследовательность.

4. «Формула духовного возрождения»: человек, переживший духовную драму, охладевший и равнодушный, разуверившийся в своих идеалах, в новых условиях духовно обновляется, в нем пробуждаются мысли, чувства и желания, с которыми он когда-то расстался. По нашему мнению, тургеневское двестишье употребляется в романе «Дворянское гнездо» именно в этом смысле. Правильность этого вывода подтверждает все содержание романа, анализ событий, происходивших в жизни его героев (Лаврецкого и Михалевича), их действий, мыслей и переживаний, в связи с которыми они произносят это двестишье.

В одном из эпизодов романа описывается приезд к Лаврецкому его товарища по университету Михалевича. Беседуя с Лаврецким, Михалевич говорит: «Что касается меня, я во многом изменился, брат: волны

жизни упали на мою грудь,— кто бишь это сказал? — хотя в важном, в существенном я не изменился; я по-прежнему верю в добро, в истину; но я не только верю,— я верую теперь, да — я верую, верую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; в них поэзии нет, но есть правда. Я тебе прочту мою последнюю пиесу; в ней я выразил самые задушевные мои убеждения». Затем Михалевич прочитал свое стихотворение, которое заканчивалось так:

Новым чувствам всем сердцем отдался,

Как ребенок, душою я стал:
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

Роман не содержит достаточных данных о духовной эволюции Михалевича. Можно предположить, что в университете Михалевич был восторженным молодым человеком, поклонником возвышенных идей, верил в «истину и добро». Но под ударами жизненных невзгод он, видимо, разочаровался в своих идеалах («сжег все, чему поклонялся»). Затем в его взглядах произошел перелом, он снова стал верить в добро и справедливость, и не просто верить, а веровать (вновь поклонился тому, что когда-то сжег). Из содержания четверостишия видно, что Михалевич во многом изменился, но эти изменения не коснулись главного и существенного: он по-прежнему верен своим старым идеалам, причем убеждения его стали более глубокими. Если раньше он просто верил, то теперь — верует. Михалевич прямо говорит, что он отдался новым чувствам и душа его чиста, как душа ребенка. Таким образом, в стихах Михалевича сказано не о прощании, а о духовном обновлении.

Возможно, что в устах Михалевича эти строки — всего лишь «красивая»

фраза. Не случайно в романе упоминается, что Лаврецкого «раздражала всегда готовая, постоянно-кипучая восторженность московского студента».

Поэтою необходимо выяснить, какое содержание приобретает двустороннее у Лаврецкого. Чтобы правильно понять это, нужно учитывать духовную драму, пережитую Лаврецким, и те обстоятельства, в связи с которыми он произносит две последние строки из стихотворения Михалевича.

Лаврецкому изменяет горячо любимая жена. «Он обезумел... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена... Он стал очень равнодушен ко всему». Только через четыре года после разрыва с женой Лаврецкий почувствовал себя в силах возвратиться на родину. Он считает себя отжившим человеком и говорит, что его прошлое все выжжено, что он находится в состоянии «мирного оцепенения» и чувствует себя на самом дне реки.

Но вот Лаврецкий встречает Лизу. Между ними начинается сближение, о котором в романе сказано так: «Случается иногда, что два уже знакомых, но не близких друг другу человека внезапно и быстро сближаются в течение нескольких мгновений, и сознание этого сближения тотчас выражается в их взглядах, в их дружжелюбных и тихих усмешках, в самых их движениях».

Оценивая свои отношения с Лизой, Лаврецкий думает: «Я говорю с ней, словно я не отживший человек». Однажды вечером Лаврецкий провожает Лизу домой. «Ему было хорошо: он несся по спокойной ночной теплыни, не спуская глаз с доброго молодого лица, слушая молодой и в шепоте звеневший голос, говоривший простые, добрые вещи; он и не заметил, как проехал полдороги». Простившись с Лизой, Лаврецкий отпра-

вился домой. «Обаяние летней ночи охватило его... Лаврецкий наслаждался и радовался своему наслаждению. „Ну, мы еще проживем,— думал он,— не совсем еще нас заела...“. Он не договорил, кто или что... Потом он стал думать о Лизе... Он долго ехал, понуриив голову, потом выпрямился, медленно произнес:

И я сжег все, чему поклонялся, Поклонился всему, что сжигал... — но тотчас же ударил лошадь хлыстом и скакал вплоть до дому».

Вскоре Лаврецкий окончательно убеждается в том, что полюбил Лизу. «Он любил не как мальчик, не к лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувства возбуждала; но любовь на всякий возраст имеет свои страдания,— и он испытал их вполне».

Из всего сказанного следует, что двуступишие в устах Лаврецкого не «формула прощания». Герой Тургенева произносит эти слова как формулу своего духовного возрождения, духовного обновления. В прошлом он был обманут, его мечты о любви и счастье потерпели крушение. И Лав-

рецкий «сжег все, чему поклонялся...». После встречи с Лизой в его чувствах, мыслях и настроении произошел перелом. В сердце Лаврецкого пробуждается новая любовь. Он снова стал поклоняться тому, от чего когда-то вынужден был отказаться («поклонился всему, что сжигал»). Любовь к Лизе не только возродила в душе Лаврецкого мечты о личном счастье, но и пробудила у него стремление к общественно-полезной деятельности. Сравнивая Лизу со своей женой, Лаврецкий говорит: «Но Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, строгий труд, и мы пошли бы оба вперед, к прекрасной цели».

Таков «тургеневский» смысл выражения, ставшего крылатым: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал».

М. С. ГУРЬЕВА,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

Об одном сравнении в романе «НАКАНУНЕ»

Роман «Накануне» начинается с описания двух молодых людей, лежащих на траве,— Шубина и Берсенева. О последнем, между прочим, говорится: «...неловкость сказывалась в самом положении его рук, его туловища, плотно охваченного коротким черным сюртучком, его длинных

ног с поднятыми коленями, *подобных задним ножкам стрекозы*».

Современному читателю такое сравнение может показаться неожиданным и неоправданным: ведь у стрекозы задние ноги не отличаются от четырех других и никак не напоминают сложенных ног лежащего на спине человека. Несомненно, что Тургенев подразумевал другое насекомое,— кузнечика.

Такое употребление слова *стрекоза* было присуще не одному Тургеневу. В. А. Плотникова-Робинсон в статье «Стрекоза или кузнечик?» («Лексикографический сборник». Вып. III. М., 1958) установила, что в XVIII — начале XIX века слово

Слово ШУРШАТЬ в рассказе «Бежин луг»

В рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг», впервые опубликованном в журнале «Современник» в 1851 году, есть такое место:

Павел встал и взял в руки пустой котельчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Илюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережется.

— Да, остережется. Всяко бывает: он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Автор-рассказчик комментирует смысл последнего предложения: «Камыши точно, раздвигаясь, „шуршали“, как говорится у нас».

стрекоза различно употреблялось в научном и разговорном языке. Как термин энтомологов оно соответствовало одному насекомому, тому, которое и сейчас называется стрекозой, но в живом языке оно могло обозначать и стрекозу и кузнечика. Исследовательница показала, что в русской художественной литературе употребление слова *стрекоза* в значении 'кузнечик', 'кобылка' встречается вплоть до середины XIX века. Наиболее известный случай — в басне Крылова «Стрекоза и муравей» (1800), где стрекоза ведет себя, как кузнечик, — прыгает и поет.

В числе примеров, тщательно подобранных В. А. Плотниковой-Робинсон, приведенная фраза из «Накануне», однако, отсутствует, так же как и строки из «Мцыри» Лермонтова:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель...
Послышалась!

где явно подразумевается стрекозотанец кузнечика.

Весьма вероятно, что образ стрекозы со сложенными длинными задними ногами возник в сознании Тургенева благодаря крыловской «попрыгунье». Басни Крылова писатель хорошо знал с детских лет и уже в самом раннем из дошедших до нас писем, написанном в 12-летнем возрасте, цитировал одну из них — «Ларчик». Цитаты из Крылова встречаются и в последующих его письмах, например, в письмах к А. И. Герцену от 4 (16) января 1857 года, к Е. И. Рагозину от 5 (17) мая 1877 года.

Ю. Л.

Интересно отметить, что этой фразы нет в черновой рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Она появляется лишь в цензурной рукописи «Записок охотника», но в иной редакции: «Камыши точно „шуршали“ (как говорится у нас), раздвигаясь». Обращая внимание читателя на необычный, по мысли автора характер употребления слова *шуршать*, Тургенев берет этот глагол в кавычки и заканчивает фразу вводным предложением «как говорится у нас», указывающим на источник сообщения.

Но где именно «у нас»? В Орловской губернии? В средней полосе России? В Чернском уезде Тульской губернии, где происходит действие рассказа? Вопрос этот далеко не праздный. В течение многих десятилетий считалось, что глагол *шуршать* — орловский, т. е. диалектный, поскольку Тургенев по рождению орловец и в «Записках охотника» есть много южнорусских диалектизмов (некоторые современники даже упрекали Тургенева в том, что он пишет «по-орловски, а не по-русски»).

К. А. Федин писал в статье «О мастерстве» в 1951 году: «...В период уже богато развитого литературного языка, скажем, в XIX веке, после Пушкина, общерусский словарь обильно пополнялся областным материалом. Удачно произведенное где-нибудь в глубине России меткое слово распространялось, завоевывало всеобщее признание, становилось употребительным, теряло свою местную приметку.

Замечателен такой пример.

Тургенев сто лет назад в „Бежином луге“ счел необходимым взять в кавычки глагол „шуршать“ и, кроме того, сделать к нему пояснительное добавление: „как говорится у нас“, то есть в наших местах, в Орловской губернии... Значит, в первой половине XIX века в русском литературном языке еще не было общепринятым выражение: „камыши шуршат“» (Писатель. Искусство. Время. М., 1961). Писатель Л. Я. Боровой также относит слово *шуршать* к числу областных, усвоенных литературным языком (Путь слова. Старое и новое в языке русской советской литературы. М., 1963; некоторые из примеров употребления глагола *шуршать* взяты нами из этой работы.— В. В.).

Конечно, указания писателей, подобные тургеневскому, очень важны, но, прежде чем стать надежным свидетельством для истории литературного языка, они должны тщательно проверяться. Замечание Тургенева «как говорится у нас» было принято на веру.

Между тем *шуршать* не относилось к числу орловских диалектизмов, это общерусский звукоподражательный непреходный глагол, свойственный бытовой, разговорной речи. До «Записок охотника» он не употреблялся в языке русской художественной литературы.

Шуршать происходит от суффиксального образования *шуркъ*, утраченного в наше время и возникшего в свою очередь от звукоподражательного *шур* (ср. также звукоподражательные *шар* в *шаркать*, *шер* в *шорог*, где *e* переходит в *o* под ударением перед твердым согласным и т. п.).

Шуршать относится к непродуктивному классу глаголов на *-ать*. Это достаточно древняя и широко распространенная в бытовой, разговорной речи группа (переходный глагол *шуршить* — «Перестать шуршить солону» — и глаголы *шурчать*, *шуркать*, образованные от звукоподражательного корня *шур*, — диалектизмы).

Важно отметить также и то, что слово *шуршать* использовалось в письменной речи и до Тургенева. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года его нет в словнике, но с его помощью раскрывается значение глагола *шершить*: 'производить шорох; шуршать'.

Этот факт примечателен во многих отношениях. Прежде всего следует сказать, что для составителей и редакторов словаря (редактировал слова на букву *ш* академик И. С. Кочетов, по рождению своему не орловец) глагол *шуршать* не был общепонятным, так как допустить, что при помощи диалектизма раскрывается смысл общенародного, общеупотребительного слова, — вещь практически невозможная в научной лексикографии. Тем более, что «Словарь церковнославянского и русского языка» имел архаический уклон и был не нормативным словарем 20—40-х годов XIX века, а «сокровищницей» русской лексики за разные периоды ее развития» (В. В. Виноградов. Толковые словари русского языка.— Сб. «Язык газеты». М., 1941).

В Словаре В. И. Даля также нет заголовочного слова *шуршать*, но оно присутствует в толковании (объяснении через синонимы) глагола *шелестить*: «Производить чем-либо шелест, шорох; шуркать, шуршать, шуметь, шелобить». В связи с этим нельзя считать правильным утверждение Л. Борового, который полагает, что «этого слова не знал еще и Даль» (Путь слова).

Таким образом, Тургенев сделал общерусский звукоподражательный глагол *шуршать* достоянием языка художественной литературы. Начиная со второй половины XIX века, это слово и его производные (отглагольное существительное *шуршание*, деепричастие *шурша*, причастие *шуршащий*) широко используются в различных жанрах прозы, поэзии, публицистики. Вот несколько иллюстраций: «Mariette встала и, сдерживая шуршащую шелковую юбку, вышла в заднюю часть ложи» (Л. Толстой. Воскресение); «Читатели разбирают газеты, и воцаряется гробовое молчание, по временам нарушаемое только шуршаньем переворачиваемых страниц» (Шелгунов. Очерки русской жизни); «Я слышу, как ползут огромные змеи, как они шуршат по траве» (Лесков. Легендарные характеры); «И у обеих ног шуршал гравий» (Чехов. У знакомых); «Мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы» (Бунин. Танька);

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.

БЛОК. Эхо

«Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалеку от Сережи в траве» (Фадеев. Молодая гвардия); «Она обняла меня и быстро, шурша платьем, пошла к выходу» (Паустовский. Повесть о жизни);

В каждой щели шуршит тараканья тоска.

ИСАКОВСКИЙ. Поэма ухода

Список примеров можно продолжить, но и без этого ясно, что диалектное слово не может так часто употребляться. В классической и современной литературе глагол *шуршать* с его производными входит в состав речевых средств реалистического повествования и служит средством создания поэтических аллитераций и речевых характеристик персонажей.

Кандидат филологических наук
В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Петербург. Глубокая осень 1843 года...

Уже несколько раз почитатели Итальянской оперы, открывшейся тогда после многолетнего перерыва, неистово рукоплескали на спектакле «Севильский цирюльник» Джованни Баттиста Рубини, исполнявшему партию Альмавивы, Антонио Тамбурини — Фигаро и артисту русской императорской оперы Осипу Петрову в партии дона Базилио... Уже несколько раз петербургские меломаны присутствовали и на уроке пения Розины, партию которой исполняла европейски известная двадцатидвухлетняя Полина Виардо. Урока этого, кажется, ждал весь Петербург и особенно — выпускник университета И. С. Тургенев, только что утвердившийся в звании коллежского секретаря, автор многих стихотворений, среди которых было «Утро туманное...».

Урок Розины Виардо вела на трех языках: «Серенаду» Шуберта она пела по-немецки; канцонетту хитаны (качучу) — на своем родном языке, испанском, и, наконец, песенку «Я

люблю тебя» — на французском, ставшем для певицы родным, поскольку она родилась в Париже. И вот на одном из спектаклей неожиданно для всех Виардо-Розина продолжала урок на четвертом языке... Она начала петь «Соловья» Алябьева, произнося слова А. Дельвига по-русски. Так Виардо стала первой иностранной певицей, исполнившей на родном языке композитора и поэта уже полюбившийся тогда всем романс.

«Соловей» было также первым словом, которое Виардо написала по-русски спустя два года в письме из Москвы, откуда она сообщала в Петербург известному музыкальному деятелю М. Ю. Вильгорскому о своем исполнении романса на концертах в Большом театре в апреле 1845 года. «Le Соловей en guise de surprise» («Соловей» как сюрприз), — закончила она перечень своей первой московской концертной программы.

Во второй сезон петербургской Итальянской оперы 1844—1845 года, появившись главным образом в тех

же партиях (Розина; Дездемона в «Отелло» Россини; Церлина в «Дон Жуане» Моцарта; Амина в «Сомнамбуле» Беллини и др.), Виардо в концертных выступлениях обратилась к музыке Глинки.

«Я ее ревностный почитатель», — писал М. И. Глинка еще в первый приезд Виардо в 1844 году. И почти обо всех «глинкинских» выступлениях певицы можно узнать со слов самого композитора, где бы он в то время ни находился, даже за границей. В письме из Парижа в Ельню он делился с матерью радостной вестью от петербургских друзей о том, что «m-me Viardot пела по-русски арию из „Руслана“: „О мой Ратмир“ в концерте [...] и произвела огромный эффект, так что ее заставили повторить» (М. Глинка. Письма и документы. Л., 1953).

Новое выступление Виардо — каватина Гориславы из оперы «Руслан и Людмила» — тоже имело громадный успех («Иллюстрация», 28 апреля 1845).

В свой третий итальянский сезон в Петербурге, весной 1846 года, Виардо заболела и вынуждена была вернуться в Париж. Оттуда она писала друзьям: «Кто может поручиться, что я, без опасности для себя и для Дирекции, подвергнусь четвертый раз сряду влиянию петербургской зимы [...] До последней минуты я питала надежду, что возвращусь в страну, которая была вторым моим отечеством, где я имею друзей более, нежели в какой-либо другой стране, в которой я испытала от всех сословий общества доказательства приверженности и уважения, возбудившие во мне вечную признательность».

Целых шесть лет не удавалось Виардо вернуться на петербургскую сцену. Осенью 1852 года она писала

М. Ю. Виейльгорскому: «По правде говоря, возвратиться в Россию — это моя мечта». Но лишь 3 января 1853 года мечта певицы осуществилась.

В этот приезд в Россию Виардо еще более расширила свой русский концертный репертуар. Глинка писал тогда своей сестре Л. И. Шестаковой: «...Виардо произвела ужаснейший восторг в моем трио „Ах не мне, бедному, сиротинушке“... она пела по-русски...».

От произведений М. И. Глинки Виардо обратилась к музыке А. Г. Рубинштейна. И в концерте 22 апреля 1853 года она спела под аккомпанемент композитора арию Зулимы из его оперы «Месть» («Хаджи-Абрек»). Но ее внимание теперь привлекло главным образом творчество А. С. Даргомыжского. Еще 9 апреля в зале дворянского собрания состоялся авторский вечер композитора с участием О. А. Петрова, пианистки М. Ф. Калерджи и др. Виардо исполнила в этом концерте по-русски «Безумная, я все еще его люблю» и «Душечка-девица, бояре идут...». Известный музыкальный критик и писатель Ф. М. Толстой (псевдоним Ростислав) писал в журнале «Северная пчела» (13 апреля 1853): «Кто поверит, что Виардо в совершенстве не владеет русским языком? Как отчетливо — ясно она выговаривает! Какое выражение придает она каждому слову [...] В романсе „Безумная, я все еще его люблю“, кто не расслышал слов? Кто не понял простого, не вычурного, но глубокого, истинного выражения этой музыкальной фразы! В песне „Душечка-девица“ — с какой русской сноровкой очаровательная наша певица произносит не хитросплетенные стихи».

А в одной из газет сообщалось, что Даргомыжский, по совету знамени-

той певицы и данному ей обещанию, напишет к будущему сезону «музыкальную сценку из русских нравов», в которой выступит и Полина Виардо. В том же 1853 году Виардо не раз выступала в Москве со своей концертной русской программой. Кроме того, по настоянию московской публики (и благодаря открытой уже к тому времени железной дороге Петербург — Москва) артистка выступила 28 апреля в последний раз. Один из этих концертов был примечателен тем, что на нем присутствовал Иван Сергеевич Тургенев.

Еще в первый приезд певицы в Петербург они познакомились и, как оказалось, — на всю жизнь.

В 1852 году И. С. Тургенев был посажен вначале под арест, а затем выслан в свое родовое имение Спаское-Лутовиново за некролог о Гоголе (причиной наказания были, безусловно, и «Записки охотника»). От-

туда-то знаменитый изгнанник и явился в Москву тайно, с чужим паспортом, во время приезда Виардо.

Снова прошло несколько лет, и в 1858 году Виардо писала М. Ю. Вильгорскому: «Какой было бы для меня радостью увидеть вновь мою дорогую русскую публику! Если бы это было возможно, я хотела бы поручить Вам передать ей мое приветствие и сказать, что я все еще люблю ее больше, чем всех других...».

Новый приезд певицы по многим причинам не мог состояться, а в 1863 году она совсем оставила сцену... Но в жизни Виардо наступил самый плодотворный русский сезон: она стала давать уроки и среди ее учениц преобладали русские. В. А. Чекуанова-Рубинштейн вспоминала, что Виардо часто упрекала ее за «итальянизацию русского языка».

Сочиняла Виардо романсы главным образом на слова русских поэтов. «Г-жа Виардо положила на музыку „Шепот, робкое дыханье“ и „Тихая звездная ночь“, — сообщал Тургенев в Россию в 1863 году автору этих стихотворений А. Фету. — С тех пор она еще прибавила „Я долго стоял неподвижно...“. Музыка прелесть как хороша и, бог даст, будет издана в нынешнем году в России». (Еще ранее Тургенев писал на музыку Виардо тексты-либретто «Последний колдун», «Людоед», «Слишком много жен».)

В 1864 году в Петербурге вышел в свет сборник под названием «Двенадцать стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиной Виардо-Гарсия» (на русском и немецком языках).

Виардо писала также романсы на слова Лермонтова, Кольцова, на стихи французских и немецких поэтов в переводе Тургенева, усилиями которого сборники и выходили в Петербурге.

Писатель и критик В. П. Боткин сообщал супругам Фетам из Парижа о том, что Виардо «...положила также на музыку „Для берегов отчизны дальней“, „О, если правда, что в ночи“, „Узник“ — и все это великолепно. Признаюсь, я сначала сомневался в ее удаче и долго отклонялся прослушать их [...], но, наконец, услышал их и пришел в восторг [...]. Уверяю вас, слышать эти стихи в пении m-me Виардо есть наслаждение особого рода. И выговаривает она хорошо. Все это, разумеется, не без помощи нашего приятеля [И. С. Тургенева], который и указал ей [...] эти стихотворения» («Пушкин. Исследования и материалы». Т. V. М., 1967).

Биографы Тургенева уверяют, что писатель сам учил Виардо русскому языку. Виардо была первой читательницей некоторых романов Тургенева. «[...] Как я был счастлив, — писал ей Тургенев в 1867 году, в период создания „Дыма“, — когда читал вам отрывки из своего романа... Впечатление, производимое на вас моим чтением, находило в моей душе сто-кратный отклик, подобно горному эхо».

Виардо пела романсы, написанные ею на русские стихи, в узком кругу друзей, среди которых большинство было из России.

Сильное впечатление в исполнении на русском языке производил любимый ею романс Чайковского: «Пет только тот, кто знал свиданья жажду».

Современники описывают одно из таких выступлений Виардо. Это было в 1875 году на «утре», организованном Тургеневым по просьбе русских эмигрантов-революционеров для сбора средств на открывавшуюся в Париже русскую читальню. Народоволец Г. А. Лопатин вспоминал: «Она была старухой. Но когда она произносила „Я страдаю“, меня мороз по коже подирал, мурашки бегали по спине. Столько она вкладывала экспрессии. Ее глаза. Эти бледные впалые щеки. Надо было видеть публику!» («Тургенев в воспоминаниях революционеров семидесятых годов». М. — Л., 1930).

А писательница Е. Апрелева (псевдоним Е. Ардов) вспоминала: «Она прекрасно понимала по-русски, отлично выговаривала, когда ей приходилось петь русские музыкальные произведения, но говорить стеснялась» («Русские ведомости», 15 января 1904).

Н. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ

В защиту делового штампа

В наше время широко распространилось крайне неодобрительное отношение к деловому стилю. Языковеды отмечают его «агрессивное» воздействие на современный русский язык, писатели наделяют такими нелестными эпитетами, как «суконный», «уродливый», «писарский», «канцелярит».

«Язык обюрочрачивается сверху донизу, начиная с газет и радио и кончая ежеминутной житейской бытовой речью», — с тревогой писал К. Паустовский в «Литературной газете» (20 мая 1959). Еще более непримирим П. Нилин: «...Наибольший вред нашему языку — и разговорному и литературному — приносит канцелярщина, этакая писарская псевдоученость и официальность» («Новый мир», 1958, № 4). Таких высказываний можно привести много. Справедливость их не подлежит сомнению. Однако в этой статье мы попытаемся доказать целесообразность и необходимость языковых штампов в деловом стиле русского языка.

Для того чтобы преодолеть сложившуюся (и во многих случаях оправданную) предубежденность против деловых штампов, необходимо совершенно четко разграничить два положения:

1. Языковые штампы делового стиля в современном русском языке — результат закономерного развития, объективная языковая необходимость. Деловой стиль имеет преимущественно письменную форму выражения.

2. Употребление деловых штампов вне деловой сферы общения, особенно в устной речи засоряет, искажает и коверкает русский язык — именно об этом с таким справедливым возмущением говорят писатели и лингвисты.

Любой вид человеческой деятельности предполагает использование традиционно выработавшихся навыков, приемов и методов работы, способствующих ее ускорению и облегчению. В основе такой рационализации лежит принцип экономной затраты сил. Основное условие его действия — частое повторение определенного процесса или сходство некоторых этапов в различных процессах. Чем чаще мы сталкиваемся с определенным видом труда, тем больше автоматизированных навыков используем.

Принцип экономной затраты сил присущ и языковой деятельности, особенно тем ее сферам, которые предполагают наибольшее число участников общения и наибольшую повторяемость языковых ситуаций. Одна из таких сфер и есть сфера делового общения. Каждый из нас чуть ли не ежедневно

в той или иной форме принимает участие в деловых отношениях. Ситуации, возникающие в этих отношениях, однотипны, что и определяет их языковую специфику, предполагает стандартность средств выражения.

Деловому стилю присущи точность, лаконизм, в нем отсутствуют экспрессивность, эмоциональность и потребность в оригинальных выражениях; деловое общение протекает почти полностью в письменной форме. Без учета этих обстоятельств нельзя понять основную тенденцию делового стиля — широкое применение технических средств: телетайпа, запрограммированных пишущих аппаратов, разнообразных бланков с текстом, содержащим пропуски для конкретных информативных элементов сообщения и т. п. Все это предполагает интенсивное развитие делового стиля в сторону его стандартизации и даже подчас кодирования отдельных языковых единиц. Такой процесс вызван к жизни потребностью в оперативном обмене деловой информацией, ее массовостью и однотипностью форм.

С этой точки зрения, идеальным деловым языком был бы специальный код, обеспечивающий надежность и оперативность данного вида коммуникации. Образцы такого кодирования нередки в практике деловой переписки: «На Ваш № 19—3.1953 от 17/IV—67 г. сообщаем, что исходящим нашим № 616 от 1/IV—67 г. исполнен Ваш исходящий № 19/8—11 от 16/V—1967 г.» («Крокодил», 1968, № 9). Этот пример представлен в журнале как образец канцелярской абракадабры. Действительно, он и не может быть ничем иным для непосвященных в содержание предшествующей ведомственной переписки. Это письмо, несмотря на кажущуюся запутанность, полностью соответствует своему назначению — дать точную информацию. Если в учреждении, приславшем запрос, правильно поставлена деловая переписка, содержание письма будет легко понято.

Ироническое отношение к подобному виду корреспонденции связано с отсутствием описания делового языка с точки зрения принципа экономной затраты сил. Между тем это определяющий принцип для установления системных отношений в рассматриваемом языковом пласте. Для делового языка он является стилеобразующим признаком. Проявление его весьма разнообразно. Это, например, общепринятые и технически удобные сокращения часто встречающихся слов:

ун-т — университет
гл.— глава
экз.— экземпляры и т. п.

р.— река
тематич.— тематический
о-во — общество
ин-т — институт

Это использование сложносокращенных слов, соответствующих пространственным словосочетаниям:

госбюджет — государственный бюджет
технадзор — технический надзор
госконтроль — государственный контроль
и т. п.

Однако наиболее полно принцип экономии выражается в такой особенности делового стиля, как воспроизводимость — использование в процессе общения таких средств выражения, которые закреплены за определенными

видами деловых отношений. Воспроизводимость как возможность облегчить и ускорить процесс общения присуща всем языковым стилям. В деловом стиле она находит самое широкое применение.

На основе принципа экономной затраты сил и его языкового выражения — воспроизводимости — можно описать наиболее часто повторяющиеся средства и формы выражения делового стиля, которые мы условно называем деловыми стандартами. Будучи нормативными внутри этого стиля, деловые стандарты имеют положительный стилистический эффект. Укажем несколько их разновидностей.

1. Слова, обозначающие человека или учреждение по роли или функции, выполняемой ими в деловых отношениях. Например: работодатель, вкладчик, подрядчик, поставщик, потребитель, арендатор, проектировщик, разработчик и т. п.

2. Слова, употребляющиеся в специфическом значении, например: лице — в значении ‘человек’, реализация — ‘продажа’, предписание — ‘приказ’, сторона — ‘человек или учреждение, вступающие в деловой контакт’, дело — ‘подборка документов’ и т. п.

3. Слова, являющиеся строевыми для делового стиля речи: в целях, с целью, согласно, в связи, по линии, в части, в отношении, в вопросе, в деле, за неимением и т. п.

4. Типичные обороты делового языка (разнообразные по синтаксической структуре словосочетания со строевыми словами): показатель (качества, достижений, экономический), способ (реализации, изготовления), уровень (технический уровень, итоги достигнутого уровня развития), на уровне (главного инженера, треста). Структурно более сложные словосочетания: являться одним из (источников, существенных недостатков); к (виду, категории, группе) относятся (...).

5. Типичные формулы: имея в виду; учитывая сказанное выше; принимая во внимание сказанное выше; как следует из сказанного выше; мы, нижеподписавшиеся; договаривающиеся стороны, которые ниже именуются, и т. п.

Помимо деловых стандартов, широко употребляются деловые шаблоны — традиционно сложившиеся и в настоящее время общепринятые формы ведения деловой записи и переписки, постоянные по лексическому составу и синтаксическому строю. Это словесные рамочные конструкции, служащие для передачи в определенной последовательности делового сообщения.

Предлагаемая классификация, естественно, не исчерпывает всех средств выражения, типичных для делового стиля, однако она позволяет убедиться в действительности принципа экономной затраты сил. Всякая попытка изменить традиционные для этого стиля формы и средства выражения приводит к осложнениям в процессе общения. Замены слов и синтаксических конструкций допустимы лишь в случае архаизации, например:

безотлагательно — немедленно
вышеизложенное — указанное выше
каковой — который
коим — которым
настоящим уведомляем — сообщаем

на предмет — для
препровожаем — направляем
при сем — при этом
и т. п.

(см. статью В. С. Шах-Назаровой «О некоторых особенностях русских и английских служебных писем». — «Русский язык за рубежом», 1968, № 1).

Интересно отметить, что на принципе экономной затраты сил основаны конструкции пишущих аппаратов, ускоряющих и облегчающих общение. Вот газетное сообщение с одним из них:

Каждому из нас приходилось, наверное, замечать, что деловая переписка довольно однообразна по форме. Вводная часть, например, нередко начинается стандартными словами: «на Ваш № ... сообщаем» и т. п. Чаще всего здесь повторяются четыре комбинации текста. Основная часть строится примерно по 50 вариантам, заключительная — по восьми. Инженеры ГДР использовали эти традиционные канцеляризмы для создания оригинального устройства — пишущего автомата — «Оптим-528». Наиболее употребительные обороты здесь запрограммированы на перфоленте. Составитель письма, пользуясь специальным руководством, делает лишь пометки на полях карты выбора. Карта эта вкладывается в считывающее устройство автомата, который соответственно извлекает из своей «памяти» нужные варианты и печатает их, причем, если понадобится, на любом языке. Ошибки в стандартных текстах исключены («Экономическая газета», 10 января 1967).

Принцип экономной затраты сил проявляется и в так называемом отрицательном стилистическом материале деловой речи. Языковеды уже давно отметили, что один из наиболее характерных признаков делового языка — широкое использование отглагольных существительных с суффиксом -ние и значением процессуальности. Нередко к этим словам присоединяются отрицательные частицы **не-**, **недо-**: складирование, затоваривание, осмечивание, обеспыливание, невыявление, непредоставление, ненахождение, невыполнение и т. п.

Неуместное использование этих слов создает впечатление громоздкости, а иногда вызывает и комический эффект. Но при этом понимание смысла не затруднено, речь идет лишь о стилистической дефектности текста. Например: «Банный мочальный пояс предназначен как предмет личного обихода для мытья тела. **При окончании мытья** промывается в воде, а влагу удаляют **путем скручивания в трубку** и вывешивается за ручки для просушки» (из инструкции. — «Крокодил», 1967, № 33).

Попытаемся заменить некоторые типичные для делового языка обороты с этими словами другими конструкциями:

Осмечивание объемов работ — Составление смет на работы, произведенные в определенном объеме.

Невыполнение плана — План не выполнен полностью.

Непредоставление сведений в срок — Сведения не представлены в срок.

Обеспыливание складских помещений — Удаление пыли из складских помещений.

Такие замены наводят на мысль о целесообразности «суконных» оборотов, так как они лаконичны и сохраняют информативную точность. Важно отметить, что здесь мы имеем дело с **н о р м а т и в н о о б р а з о в а н н ы м и с л о в а м и**.

Иное дело, когда для обозначения определенного процесса, понятия или явления из сферы деловых отношений в литературном языке нет нужного слова. В таких случаях зачастую возникают слова-калеки: «...Факт **засф-**

ляживания костюма у него случился при **оступлении** в яму с соляжкой на расстоянии около 100 км от Москвы» («Крокодил», 1968, № 7); «...**За сторожевание** участков на даче каждый владелец дачи обязан платить сторожу по 3 рубля» (там же, 1967, № 36); «Неоднократными санитарными обследованиями предприятия... была установлена высокая **загрязненность** и **затараканенность** столовых и санитарно-бытовых помещений» (там же, 1968, № 7).

Нормативное использование деловых стандартов предполагает логическую четкость изложения.

Языковеды отметили такую особенность делового стиля, типичную для многих языков, как стремление передать все сообщение в одном предложении, хотя и стилистически дефектном (Н. Н. Амосова. К проблеме языковых стилей в английском языке.— «Вестник ЛГУ», 1951, № 5; А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. М., 1953).

Стремление к лаконизму нередко приводит к нарушению логической последовательности изложения, пропуску необходимых смысловых элементов или нагромождению автоматически воспроизводимых средств выражения. В результате содержание такого сообщения утрачивает смысл: «На вашу жалобу от 26 декабря 1967 года сообщаю, что водитель автомашины № 87—05 Гашук Петр Павлович за обрызгивание грязью прохожих разобран на техкомиссии автоколонны, где ему вынесено решение подвергнуть углубленной проверке знаний правил движения» («Крокодил», 1968, № 11); «Игнорируя приказ директора и правила по технике безопасности, бык-производитель бодая на ферме пастуха Аносова Н. Д.» («Крокодил», 1968, № 4).

Мы не касались вопроса об отрицательном влиянии деловой речи на другие языковые стили и вообще на развитие современного русского языка. Русский язык действительно опасно болен «бюрократизмом», если под этой «болезнью» подразумевать нерациональное использование средств делового языка в других речевых стилях.

Причина этого коренится в массовом характере делового общения и отсюда в частоте употребления «деловых» слов и оборотов. Люди, лишенные языкового чутья или небрежно относящиеся к своей речи, предпочитают использовать те слова, которые первыми приходят на ум (слова с наиболее высокой степенью частотности). При этом они обычно не учитывают специфику речевой ситуации.

Приведем характерный пример. В приемной председателя райисполкома происходит такой разговор: «Вам что? — спрашивает председатель районного исполкома... — Я к вам **в отношении** налога... — А у вас что? — Я хотел поговорить **в части** сена... — А вы по какому вопросу? — спрашивает председатель третьего посетителя. — Я **по вопросу** собаки. **В отношении** штрафа за собаку. И тоже **в части** сена» (П. Нилин.— «Новый мир»).

Однако процесс стилистического смещения двусторонен. Можно привести примеры и того, как в деловой язык (по преимуществу письменный) проникает лексика и строй разговорно-просторечного языка. Например: «Я, рабочий СМУ-5 Зотов А. В., имею три прогула ввиду того, что ходил свататься, ну, это все у меня не вышло: не было хозяина, и решил с горя напиться...» (из заявления.— «Крокодил», 1968, № 8); «Потерпевший Сомов С. С. после околесицы признался, что он баловался со „Столичной“ во время служебной командировки вследствие скучных соседей по купейному вагону...

Название конкретной станции у него вылетело из головы» (из протокола. — «Крокодил», 1968, № 7).

Причина такого смешения — «неполное усвоение норм литературного выражения... недостаточно бережное отношение к языковой традиции, и неумение, а иногда и нежелание разобраться в смысловых оттенках и стилистических качествах тех или иных слов» (В. В. Виноградов, Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — Вопросы языкознания, 1961, № 4).

Повышение уровня речевой культуры — единственное средство излечить русский язык от «бюрократизма» и одновременно очистить деловую речь от разговорно-просторечных влияний.

В заключение следует лишь добавить, что процесс стандартизации средств и форм выражения делового стиля отражает естественный ход развития языка, способствует становлению специфики делового стиля и потому ни в коей мере не может рассматриваться как отрицательное явление.

В. М. БОГУСЛАВСКИЙ,
преподаватель Харьковского университета

Читатели о диалектных ошибках

В журнале «Русская речь» (№ 1, 3 и 5, 1967) были помещены анкеты, в которых читателю предлагалось ответить (без обращения к словарям и справочным пособиям) на ряд вопросов, касающихся трудных случаев произношения и правописания отдельных слов.

Читатели журнала проявили большую активность, и в редакцию поступило не только много кратких ответов (до сих пор они еще продолжают приходить), но и больших писем с рассуждениями о языке.

Сейчас материал ответов изучается и систематизируется специалистами-языковедами. В этой заметке речь пойдет о тех ошибках устной речи, происхождение которых связано с диалектными различиями в русском языке.

Нами обработано 1300 ответов на пункт пятый первой анкеты о наиболее распространенных ошибках устной и письменной речи. 289 ответов содержат указание на такие ошибки, которые отражают местные особенности речи. Наибольшую активность в выявлении диалектных ошибок обнаружили учителя средних школ, преподаватели высших учебных заведений. Среди них не последнее место занимают словесники, и в этом случае повышенное внимание к нелитературным формам языкового выражения может быть объяснено чисто профессиональным отношением к речи.

Обычно в ответе на анкету указание на наличие речевых ошибок местного происхождения дается в совокупности с другими (неправильное ударение неточности в словоупотреблении, скудость словарного запаса и т. п.). Перепечатчик со средним образованием (1937 года рождения) из Ленинграда пишет: «Наиболее распространенные ошибки устной речи связаны с местными диалектами и неправильной постановкой ударений, а также частым употреблением слов-паразитов».

Есть и такие ответы, авторы которых отмечают только одни диалектные ошибки.

Учительница русского языка из Тюмени (1922 года рождения) отмечает лишь одно — «диалектизмы». Студентка литфака Рязанского педагогического института (1948 года рождения): «В устной речи ошибки, связанные с диалектным произношением»; жительница г. Абинска Краснодарского края А. Н. Руденко: «В устной речи — смешивание местного диалекта с литературным языком». Журналист с высшим техническим образованием из Москвы: «Привычны областные выражения даже у вполне грамотных». Учительница из Вологодской области отмечает диалектные ошибки в употреблении творительного падежа: «Шли глухим тропам, заинтересовался новым книгам». Учительница из Оренбургской области (1935 года рождения) пишет: «Наша местность отличается странным произношением глагольных форм: пайдётъ, вазьмётъ, пабётъ (побежал) с *т^в* на конце и с [e] вместо [ě]». В заключение наша корреспондентка указывает на тот ущерб, который наносят местные ошибки обучению.

Одни речевые ошибки, отмеченные авторами ответов, имеют точную территориальную характеристику, то есть относятся либо к северному, либо к южному наречию русского языка (совпадение окончаний дательного и творительного падежей множественного числа у существительных и прилагательных — *Шли глухим тропам* — северная черта; мягкое окончание *т* в 3-м лице глагола — *идеть* — южная черта); другие отражают живые тенденции развития народной речи и отмечаются не только в диалектах, но и повсеместно в просторечии (родительный множественного числа: делов, местов; выравнивание основ у некоторых глаголов: хочу, хотим; выравнивание супплетивных форм: ложить, покласть и под.). К этим двум группам следует прибавить речевые ошибки, которые связаны с влиянием украинского языка, и которые в целом отражают южный вариант русского языка: *з* щелевое [y] — южнорусское или [h] — украинское, несмягченные согласные перед *e*: *зэркало, сэрдце, пизнэр*, типично украинское ударение: *прійняла, пбняла, прбдала*; предложные конструкции: *пришел со школы*, лексические — *дети играются* и т. д.

Каков же «набор» диалектно-просторечных особенностей речи, к которым читатели журнала при заполнении анкеты выразили отрицательное отношение?

В фонетике.

Произношение звука *г* фрикативного [ɣ]; неслогового, краткого у [ʏ] на месте звука [в]: *ўдава́, лаўка*; стяжение гласных: *игра́т, зна́т, холо́дну* вместо *играет, знает, холодную*; переход [а] в [е] между мягкими согласными: *гр^Ьес^Ь (грязь), п^Ьет^Ь (пять), з^Ьет^Ь (зять)*; произношение [хв] на месте [ф]: *хва́ртук, Хве́дя*; отсутствие перехода [е] в [о] под ударением: *све́кла, пабе́г, пайдёш; оканье, еканье, цеканье: це́тя; соканье: ку́рися; яканье: няси́* и некоторые другие.

В морфологии.

1. Распространенное в диалектах и в просторечии выравнивание основы у глагола *хоте́ть*; чаще по форме единственного числа: *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят*; реже и не во всех лицах — по форме множественного: *хоти́шь и хоти́т*. Нередко чередование согласного основы (ч/т) в ненормированной речи в литературном языке: *хотишь, хотим, хотите*.

2. Частое употребление окончания *-ов* в родительном падеже множественного числа не только у существительных мужского рода (как это имеет место в литературном языке), но женского и среднего, главным образом таких существительных как: *местов, делов*. Истоки этого явления надо искать в диалектах.

3. Ошибочная утрата среднего рода, возможная в речи тех, кто родился на территории, где распространены акающе-якающие говоры, особенно часто эта утрата отмечена в словах: *яблоко* (неверно произносимом в именительном падеже единственного числа — *ябл(о)к*) и *полотенце* (*полотенец*). Проявляется она также и в нарушении согласований существительного среднего рода с прилагательными: *моя ведро, моя коромысло или новый пальто, красивый платье*.

Кроме этого, наши корреспонденты отмечают употребление формы родительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а* с окончанием *е*: *у сестре* и формы дательного падежа с окончанием *ы*: *скажи Лиды*; *т^Ь* в 3-м лице глагола: *идеть, несут*; южнорусскую форму родительного падежа личного местоимения: *у мене*; форму именительного множественного для слов *мать — дочь*: *матеря, дочеря*; форму творительного множественного существительных на *-амы*: *рукамы*; использование деепричастий прошедшего времени на *-ши, вши* в значении глаголов прошедшего времени и другие особенности диалектной речи.

В лексике.

Лица, ответившие на вопросы, решительно возражают против использования в речи таких диалектно-просторечных слов: *булка хлеба, верта́ть, верта́ться, взáди, взáмуж, вчерáсь, где* (в значении 'куда') *евóный, ёслив, закрýть ('запереть'), задáром, замéсто, зазря́, застегáться, йхий, ка́жный, лóжить, ля́чь, манёнько, мя́со ('говядина'), навáлом, на́вслух, нагинáться, нады́сь, напопола́м, не́боже, оде́жа, отте́да, сама́ ('одна'), сидáть, сколь, сла́зить* (из ав-

тобуса), та́ма, тапе́ря, това́рка, то́жесть, упáнуть, упредíть, хужее, че́, чевóй-та.

Разбирая диалектные ошибки в ответах на анкету, мы обратили внимание на одно типичное и естественное обстоятельство: авторы ответов, высказавшиеся против одной (или ряда) ошибок местного происхождения, живут там, где эти диалектные особенности и распространены.

Приведем отдельные примеры. Присущие многим курским говорам яканье (нясь), непереход [e] в [o], т^в в 3-м лице глагола, южно-русский семантический диалектизм *где* 'куда' отмечены преподавателем немецкого языка из Курска (1924 года рождения) и учительницей русского языка из Щигровского района Курской области; характерное почти для всей территории северного наречия совпадение дательного и творительного падежей существительных во множественном числе (шли глухим тропам, заинтересовался новым книгам) отмечено учительницей из Вологодской области; севернорусскую лексико-семантическую конструкцию *доходил до Шостакова* ('был у Шостакова') отмечает киномеханик из Северодвинска; ленинградское *булка хлеба* вызывает протест у техника-технолога, проживающего в Ленинграде (1925 года рождения); а вот замечание другого ленинградца: «В Ленинграде сплошь и рядом вместо *Уехала в отпуск* говорят *Она уехавши в отпуск*»; стяжение гласных, интенсивно представленное в областях поздней колонизации, например, в Мордовской АССР, Пензенской и Ульяновской областях в разных грамматических категориях, отмечаются учителем (1909 года рождения) из г. Ушкольска Пензенской области: «Укорочение прилагательных: Мы смотрели *хорошу* картину, пили *холодну* воду; Отец *работат* на заводе (укорочение в глаголе)»; указание на это же явление в глаголах *играт*, *читат*, *бегат* и т. п. сделано пенсионеркой (1903 года рождения) из Татарии.

Очень часто речевые ошибки воспринимаются как бы «по контрасту» с собственной речью при условии, если информант не уроженец данной местности.

И, наоборот, узнавание ярко выраженных местных особенностей речи возможно и у самих выходцев из данной диалектной среды. Сознательная и целенаправленная работа по преодолению первичных (наиболее контрастных литературному языку) диалектных признаков в собственной речи вырабатывает у людей, знакомых с диалектом, свсего рода рефлекс повышенного внимания к приемам родной местной речи. Этот рефлекс срабатывает и по отношению к речи другого человека, обладающего теми же языковыми особенностями.

При этом не последнюю роль играет и социально-психологический момент. Обычно процесс преодоления местных особенностей в собственной речи идет параллельно общему росту образования, т. е. является, таким образом, следствием общего изменения социального статуса лица. Приобщаясь к культуре, человек неминуемо порывает со всеми теми «атрибутами» деревни, которые

выступают в его сознании как олицетворение бескультурья. В первую очередь следует назвать именно речь.

Приведенные нами многочисленные примеры сознательного отношения к своей речи и говорят об этом.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что демонстрация речевых ошибок, связанных с влиянием диалектной речи, ошибок, отмеченных самими носителями русского литературного языка, свидетельствует о строгости языкового вкуса и большой требовательности авторов писем к чистоте родного языка.

Т. С. КОГОТКОВА

З

Памятник Минину и Пожарскому — памятник архитектуры

В русском литературном языке употребляются слова *памятник* и *монумент*. В значении 'архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-либо лица или события' они считаются синонимами.

Некоторые словари русского языка подмечают стилистическое различие между этими словами, считая *памятник* нейтральным, а *монумент* книжным (см.: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и «Словарь русского языка АН СССР» в четырех томах). Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», не находя стилистической разницы, тем самым признает *монумент* и *памятник* абсолютными синонимами. С этим согласен и писатель Б. Тимофеев: «Монумент и памятник — это абсолютно одно и то же, только на разных языках» (Правильно ли мы говорим? Л., 1963).

В устной и письменной речи нашего времени для передачи понятия 'сооружение (памятник, монумент) в память или в честь какого-либо лица' обычно употребляются конструкции *памятник, монумент (кому)*; *памятник, монумент (в честь)*, иногда *памятник, монумент (кого, чей)*. Все ли эти конструкции нормативны для современного русского литературного языка?

Обороты со словами *памятник* и *монумент* известны в русском языке давно. Их можно встретить у писателей, деятелей науки и культуры прошлого и у наших современников: «На так называемом длинном мосту, через реку Шпре, стоит из меди вылитый монумент Фридриха Вильгельма великого» (Карамзин. Письма русского путешественника); «У нас был великолепный праздник при открытии монумента, сооруженного в память славному Стихотворцу» («Вестник Европы», 1802); «Отец вспомнил, что в Нижнем Новгороде должен где-то стоять памятник Минину и Пожарскому» (Скиталец. Сквозь строй); «Скульпторы В. Сычев, Н. Новиков и И. Костюхин создают монумент в честь ленинградских пионеров-героев» («Вечерний Ленинград», 10 мая 1961).

Конструкция *памятник* (кого, чей) в современном русском литературном языке считается устаревшей. Об этом свидетельствуют материалы картотеки словарного сектора Института русского языка АН СССР, это же отмечает семнадцатитомный «Словарь»: «Устар[елый оборот], памятник (кого, чей)». Не рекомендуют употреблять эту конструкцию и пособия по культуре речи. (Например: Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов. Правильность русской речи. Словарь-справочник. М., 1965).

Почему же конструкция с родительным перестала отвечать нормам современного русского литературного языка?

Дело в том, что на вопросы: кого, чей? можно получить два ответа: первый — принадлежность лицу как субъекту, автору (создателю); второй — принадлежность лицу как объекту (изображаемому). Сравним два ответа на вопросы: «Кого, чей монумент, памятник?». Первый ответ: «Монумент, памятник И. П. Мартоса»; второй ответ «Монумент, памятник И. П. Мартоса, выполненный А. И. Мельниковым».

В первом ответе, как говорят языковеды, употребляется родительный падеж субъекта, во втором — родительный объекта. Родительный падеж имени (одушевленное существительное) при другом имени в некоторых контекстах может восприниматься и как родительный субъекта, например: «Стоит из меди кованный, точь-в-точь Савелий дедушка, Мужик на площади. Чей памятник? — Сусанина» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Когда я докладывал о разборке памятника Скобелева, Владимир Ильич спросил меня: „Нельзя ли на этом самом месте поставить какой-нибудь революционный монумент?“» («Советская культура», 2 марта 1963).

Следовательно, чтобы сказать о скульптурном сооружении, сделанном в память о каком-либо человеке, и избежать двусмысленности, следует употреблять дателный падеж, так как дателный приименный, имея значение принадлежности, исключает возможность смешения: «Прекрасен памятник А. С. Пушкину работы скульптора А. Опекушина. Исключительно благородное, высокопатриотическое и выразительное произведение русской скульптуры — памятник Минину и Пожарскому, созданный И. Мартосом. Скромен, но убедителен памятник „Первопечатнику“ скульптора С. Волнухина. Но как это обидно мало для такого города, как Москва» (Коненков. Высокое призвание искусства); «В 1804 году Мартос начал работать над созданием памятника Минину и Пожарскому» (Седов. Скульптура).

В качестве управляемого слова могут выступать и неодушевленные существительные. В таких случаях *памятник*, *монумент* (чего) употребляется наряду с *памятник*, *монумент* (чему) и не нарушает литературной нормы: «Нарские ворота были построены к двадцатилетию возвращения русских войск из Парижа, а Московские ворота — как памятник побед русского оружия в Персии и Турции» (Бартенев. Архитектура Петербурга-Ленинграда).

Следует сказать, что существительное *памятник* употребляется еще в одном значении — «произведение архитектуры, искусства, литературы и т. п.», которое дошло до нас из прошлого. В этом значении управляемое слово следует ставить в родительном падеже, т. е. использовать конструкцию *памятник* (чего): «Московский Кремль — свидетель многих славных событий нашей Родины. Глубоким уважением и любовью советского народа окружен

этот драгоценный памятник древнерусского зодчества» («Правда», 14 сентября 1957); «В наши дни [Александровская колонна] воспринимается не только как величайший памятник искусства и истории, но и как удивительное инженерное сооружение» (Пилявский, Русские триумфальные памятники).

Итак, при употреблении существительных *монумент* и *памятник* следует всегда помнить, что падеж управляемого слова зависит от значения этих существительных.

В. Н. СЕРГЕЕВ

4

Сочетание существительных с числительным *полтора*

Дробное числительное *полтора* произошло из словосочетания *полъ вътора* (буквально: половина второго). Так же образовались и другие сложные числительные, обозначающие число «уменьшенное на половину единицы» (формулировка академика А. А. Шахматова): *полътретья* ($2\frac{1}{2}$), *полъчетверта* ($3\frac{1}{2}$), *полъпята* ($4\frac{1}{2}$), *полъшеста* ($5\frac{1}{2}$), *полъсема* ($6\frac{1}{2}$), *полосьма* ($7\frac{1}{2}$) и *полъдевята* ($8\frac{1}{2}$). Все эти дробные числительные были употребительны еще в XVIII веке. В современном литературном языке сохранилось лишь *полтора*.

Так как вторая часть — порядковое числительное, то естественно, что слово имеет родовое различие: *полтора* — мужского и среднего рода, *полторы* — женского. Вот как *полтора* склонялось в древнерусском языке:

*Мужской и средний
род*

И. полтора
Р. полутора
Д. полотору
В. полтора
Т. полоторомъ (ъ)
П. полоторь

Женский род

полторы
полторы
полторь
полотору
полотороу
полторь

Существительные в сочетании со словом *полтора* вплоть до середины XIX века употреблялись в единственном числе. В именительном и винительном падежах они имели форму, одинаково звучащую с формой родительного (как и с числительными *два*, *три* и *четыре*), а в остальных получали обычное для данного падежа окончание, например: *полтора листа*, *полотору листу*; *полторы страницы*, *полоторе странице* и т. д. Например: «Версте в полоторе»; «В полоторе дни» (Крашенинников, Описание земли Камчатки, 1755); «Свыше полотора рубля» (Ежемесячные сочинения, 1756); «Около полоторы тысячи» (Зуев, Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах); «В полоторе версте от города» (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву); «Имеет около полоторы тысячи жителей» (Греч, Путевые письма); «До полоторы тысячи подвод» (Пушкин, История Пугачевского бунта); «Около полотора четверти» (Аксаков, Рассказы и воспоминания охотника); «До полоторы тысячи ассигнациями» (Писем-

ский. Тюфяк); «Около полуторы тысячи рублей» (Гончаров. Обыкновенная история).

В дальнейшем слово *полтора* сохранило лишь три падежные формы: полтора (именительный и винительный мужского и среднего рода), полторы (именительный и винительный женского) и полутора (остальные падежи всех родов).

Существительные в сочетаниях с числительным *полтора* во всех падежах, кроме именительного и винительного, стали употребляться во множественном числе; а в именительном и винительном сохранили прежнюю форму: «Заболотье было очень обширное село, считавшее не менее полутора тысяч душ» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «Даже один из споривших не выдержал более полутора часов, убежал к танцующим» (Чернышевский. Что делать?); «В полутора верстах от шоссе поворота расположился маленький поселок» (Гл. Успенский. На постоялом дворе); «В полутора верстах колхоз» (Грибачев. На пасеке).

Такое употребление нормативно для современного литературного языка.

Оба указанных процесса (изменение склонения слова *полтора* и употребление существительных, входящих в сочетания с *полтора* во множественном числе) протекали длительное время (преимущественно в XIX веке) и не совсем одновременно: утрата падежных форм завершилась раньше. В течение ряда десятилетий старые нормы сосуществовали с новыми. В произведениях некоторых писателей можно встретить примеры такого «сосуществования».

Новая форма *полтора* сочетается с архаической формой существительного (в единственном числе): «Вышина его была больше полутора аршина» (Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1755 г.); «В полутора версте» (Лепехин. Дневные записки путешествия); (Александр I «провел у нас более полтора часа» (Карамзин. Письмо Дмитрию, 17 августа 1824); «Захватывало около полутора градуса южного тропика» (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Полтора сохраняет архаическую форму, а существительное употреблено во множественном числе (встречается реже): «Богатые засевают от одной до полуторы четвертей ржи» («Русская речь», 1880, № 5).

Следует отметить, что у писателей XVIII, XIX и даже XX века можно найти примеры, когда само слово *полтора* употреблено во множественном числе с окончаниями как именного, так и местоименного типа: полторами, полторух, полторухах, полторухи. Разумеется, речь идет об окончаниях, совпадающих с окончаниями множественного числа существительных или прилагательных; как известно, количественные числительные не имеют категории числа: «Верстах в полторухах» (Лепехин. Дневные записки...); «Больше полторух тысяч лет стоит» (Ломоносов); «События последних полторух веков» (Герцен. Письма из Франции и Италии); «Разве „благородному человеку“ можно остаться довольным какими-нибудь полторухами — двумя тысячами рублей, которые предоставляет нищенское земство?» (Салтыков-Щедрин. За рубежом); «Ты пойми, не об полторух там или трех рублях разговор» (Гаршин. Сигнал); «Поселили его по соседству, верстах в полторухах» (Корolenko. История моего современника); «На протяжении полторух лет» (Леонов. Скутаревский). Такие образования были и в древнерусском языке, например: «Ищемъ своея половины, полторухъхъ рублеи» (Грамота, 1571).

Насмотря на наличие формы *полторы* у некоторых современных писателей все эти формы следует считать устаревшими.

В сочетаниях с предлогом *по* числительное *полтора* в современном русском языке употребляется в винительном падеже: *по полтора листа, по полторы страницы*.

Ограниченность материала не дает возможности судить о том, когда установилась такая норма употребления и какие конструкции преобладали в языке XVIII и XIX веков. Судя по примерам из Гончарова и Некрасова, можно предположить, что в XIX веке допускалось *по полтора*: «Что идем? — Нет, ползем по полторы, по две версты в час» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Чтоб скуку разогнать, Рублишка по полтора засели мы играть» (Некрасов. Говорун). Ср. конструкцию *по полтора* в журнале Новикова «Живописец»: «По полтора рубли с души».

Из существительных, употребляющихся только во множественном числе, с числительным *полтора* сочетается, по-видимому, только слово *сутки*. Особый интерес представляют сочетания в именительном и винительном падежах. У писателей XIX века встречаются три конструкции — *полторы сутки, полторы суток и полтора суток*: «Холера, говорят в полторы сутки свернула» (Павла Васильевича) (Писемский. Тюфяк); «Я прожил полторы сутки» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); (Мы) «также пробыви в Парашине полторы суток» (Аксаков. Детские годы Багрова внука); «Я выбрался из каюты, в которой просидел полторы суток» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Там не редкость, что в каком-нибудь номере... играют полтора суток» (Чернышевский. Что делать?); «В Венеции я остался полтора суток» (П. Чайковский. Письмо А. И. Чайковскому, 19 апреля 1874).

Употребление Гончаровым в одном и том же произведении конструкций *полторы сутки и полторы суток* свидетельствует об отсутствии в XIX веке устойчивой нормы.

В современном языке утвердилась конструкция *полтора суток*, например: «— Не на третьи..., а через полтора суток» (Федин. Необыкновенное лето); «Он полтора суток пролежал в будылях» (Леваковская. В добрый путь!).

Как видим, на протяжении длительного времени царил разбой в употреблении сочетаний существительных с числительным *полтора*. Нами был рассмотрен период с XVIII по XX век, но и намного раньше, судя по немногочисленным примерам, помещенным в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, также не было устойчивых норм. Строгая система установилась только в XX веке (в современном литературном языке колебаний не наблюдается).

Чем же объяснить, что в языке в течение ряда веков не было устойчивых норм? Нам кажется, причина этого заключена в значении самого слова *полтора*.

Грамматическая категория числа в русском языке — один из неотъемлемых признаков существительного; сейчас у нас два числа: единственное и множественное; в древности существовало еще двойственное. Но ни одно из грамматических чисел не соответствует значению слова *полтора* «один с половиной». Это что-то промежуточное между единичностью и множественностью (или двойственностью) — отсюда и колебания.

В древнерусском языке *полтора* (речь идет о слове, а не словосочетании *посль вѣтора*, из которого оно произошло) склонялось по именному склонению с основой на *о* или на *а*, в зависимости от рода существительного, входившего в сочетание с ним. Однако иногда это слово употреблялось и во множественном числе. Большое распространение такие формы получили в XVIII и XIX веках, тем не менее в дальнейшем они вышли из употребления.

Существительные, входившие в сочетания с числительным *полтора*, первоначально употреблялись, как и само слово *полтора*, в единственном числе, затем во всех падежах, кроме именительного и винительного, единственное было вытеснено множественным числом, вероятно, под влиянием сочетаний существительных с числительными *два*, *три* и *четыре*: «к двум, трем, четырем листам». Сохранение старой формы единственного числа в именительном и винительном падежах можно объяснить так же: «Прочитал два, три, четыре листа».

Таким образом, современное употребление существительных с дробным числительным *полтора* установилось по модели сочетаний с количественными *два*, *три* и *четыре*. Что касается конструкции *полтора суток* (именительный и винительный падежи), то она могла возникнуть под влиянием сочетаний существительных с собирательными числительными *двое*, *трое* и др.

Примечание: при написании этой работы автор использовал материалы двух словарных картотек Института русского языка АН СССР: картотеки языка XVIII века и картотеки современного русского литературного языка.

Д. И. БУТОРИН

У Д А Р Е Н И Е

● *Острота́ и острóта*

В современном русском литературном языке это два слова. Первое — отвлеченное существительное к прилагательному *острый*, второе имеет предметное значение — ‘остроумное выражение’. Разграничены они и по ударению: за первым закреплено окончательное ударение (*острота́, остроты́*), за вторым — ударение на суффиксальном *-о-* (*острóта, острóты*).

Жанр эпиграмм у вас в почете.
Он (на словах) любезен вам.
Вы только места не даёте
Для персональных эпиграмм.
Вам их печатать нет охоты.
Ведь ваши принципы просты:
Вы очень любите острóты,
Но вы боитесь остроты́.

БЕЗЫМЕНСКИЙ. Литературные эпиграммы

Современное разграничение этих слов по ударению, кажущееся теперь таким естественным, сложилось, однако, не так давно в результате опре-

деленных акцентологических процессов, свойственных группе имен на *-от-а*.

Существительные с суффиксом *-от-а* по словообразованию и значению распадаются на две группы, отличающиеся и ударением: отглагольные — со значением действия, состояния, склонности к какому-либо действию, с обычным ударением на суффиксальном *-о-*: дремóта, зевóта, икóта, ломóта; и существительные, образованные от основ прилагательных со значением качества, свойства, абстрактного признака, состояния. В них ударение на конечном *-а*: быстрóта, глухóта, добротá, красотá, пестротá, полнотá, простотá. (Мы оставляем в стороне несколько существительных с утерянной словопроизводительной связью: *сиротá*, соотносимое в прошлом с *сирый*; *тяготá*, *работá*, *забóта* и др.)

Колебания ударения, наблюдаемые в этой группе часто связаны со смещением разных групп слов. В основном это относится к первой группе имен, отглагольных: под влиянием численно превосходящих образований от прилагательных в них появляется ударение на конечном *-á* вместо закономерного ударения *-óт-а*. Примеры такого смещения можно было наблюдать в литературном языке в разные периоды. Например:

Вдруг снежны облака над полем понесутся,
И снег луга и лес звездчатый обелит,
И мразы бурные ст дремоты проснутя...

ДЕЛЬВИГ. Дщерь хладна льда

Мечтаний тяжких грустный рой
Поэта глас в душе поэта
Возвал из дремоты немой

ОГАРЕВ. На смерть поэта

Во второй группе образований (от прилагательных) к таким отклонениям (их, как сказано, значительно меньше) относится, например, ударение *немóта* вместо закономерного *немотá*:

Да обретут мои уста
Первоначальную немóту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

МАНДЕЛЬШТАМ. Silentium

В большинстве же своем изменение ударения во второй группе имен на *-ст-а* не связано с влиянием имен иного словообразовательного типа и объясняется иными причинами: семантико-акцентологическими. Здесь наряду со словами, имеющими основную для всей группы слов семантику — качество, свойство, абстрактный признак (*чернотá*, *пестротá*) есть слова с собирательным значением (*беднотá*) и слова, обозначающие предмет по качеству. Характерная особенность этих последних — наличие у них множественного числа: *высотá* (как обозначение абстрактного признака) и *высóты* с предметным значением, *широтá*, и *ширóты*, *красотá* и *красóты* и т. п. Эта особенность и определила некоторые изменения в их ударении.

В литературном языке конца XVIII и первой половины XIX века такие существительные имели во всех формах множественного числа како-

нечное ударение, свойственное и большей части имен существительных женского рода на *-а*: *красотá* — множественное *красоты́*, *высотá* — *высоты́*, как и *сестра́* — *сестры́*, *толпа́* — *толпы́* и т. п. (теперь эти формы воспринимаются как родительный единственного). Например:

Когда таланты судишь ты,
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но чувствуя, что в них и сильно и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты́.

КРЫЛОВ. Орел и куры

В тени хранильной темницы
Утаены их красоты́!
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.

ПУШКИН. Бахчисарайский фонтан

Одним из существенных акцентных изменений, происшедших в литературном языке, был переход ударения в ряде двусложных и трехсложных существительных женского рода на *-а* (*-я*) с окончания на основу. Старая акцентовка множественного числа: *сестры́*, *сестра́ми*, *сестра́х*; *толпы́*, *толпа́ми*, *толпа́х* — сменилась современной: *се́стры*, *се́страми*, *се́страх*; *толпы́*, *толпа́ми*, *толпа́х*.

В XVIII веке, как отмечал Л. А. Булаховский в книге «Русский литературный язык первой половины XIX века» (М., 1954), нарушения старых акцентных отношений в этой группе слов еще сравнительно редки. В XIX веке их становится все больше, и к концу первой половины XIX века устанавливается система, принятая в современном литературном языке и отражающая тенденцию отличать именительный — винительный множественного от родительного единственного. Такой переход характерен и для некоторых групп производных слов на *-а*, в частности, с суффиксом *-от-а*. Так, во множественном числе появляются ударения *высо́ты* вместо прежнего *высоты́*, *красо́ты* вместо *красоты́* и т. д., хотя в литературном языке XIX века эти формы встречаются редко. В современном литературном языке они являются единственно возможными. Естественно, что слова, получившие множественное число недавно, имеют уже только такое ударение: *длино́ты*, *частото́ты*, *темя́ты* (в картине) и т. п.

Поскольку тенденция «опредмечивания» существительных на *-от-а* со значением отвлеченного качества стала в современном языке очень живой, естественно появилось и устойчивое противопоставление по ударению в словах с разным значением. Правда, противопоставление это существует в значительной мере только как потенциальная возможность, поскольку имена на *-от-а* с предметным значением чаще употребляются во множественном числе, а имена с абстрактным значением качества имеют только формы единственного.

Однако эта возможность может реализоваться, если существительное с таким «опредмеченным» значением получает устойчивое употребление в единственном числе и если есть потребность в четком смысловом разграничении слов на *-от-а*, ср., например, давнее и устойчивое разграничение

мокротá — отвлеченное существительное к *мокрый* и *мокрóта* 'слизистое выделение'.

Именно в этом плане и идет изменение ударения в слове *острота*. В литературном языке прошлого века оно имело только **наконечное ударение**. Например:

Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж остротá готова...

ГРИБОЕДОВ. Горе от ума

И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротбй?

ЛЕРМОНТОВ. Маскарад

Потихо, вопиют, вотще и остроты́
И град блестящих слов пред ними сыплешь ты.

БЕСТУЖЕВ. Подражание первой сатире Буало

Тарелка, трубка, разговоры
На тысячу ладов, мечты,
Приятельские остроты́,
Философические споры, <...>

Я. ПОЛОНСКИЙ. Свежее преданье

Однако во второй половине XIX века в формах множественного числа можно отметить уже единичные случаи иного ударения:

И мудрые слова все повторяли
С невинными острóтами сестер.

КУРОЧКИН. Попугай

Для литературного языка XX века это ударение во множественном числе становится уже нормой, в то время как в формах единственного числа еще продолжает употребляться **наконечное ударение**. Показательно, что слово *острота* с такой акцентовкой — *остротá*, *-ы́*, множественное *острóты* — приводит «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и некоторые другие современные словари. Судя по материалу, только в 30-х годах появляется ударение *острóта* (в единственном числе) для обозначения остроумного выражения. Один из таких примеров находим у И. Сельвинского:

Острóта, конечно, простая случайность,
Нечаянный блик двупланых идей.
Но эту случайность обычно встречаешь
Только среди остроумных людей.

Путешествие по Камчатке

С закреплением этого ударения и устанавливается четкое разграничение двух слов — *остротá* и *острóта*, которое сейчас хорошо известно и общепринято.

В. Л. ВОРОНЦОВА

● Түтовник или тутóвник?

Закономерно ли начальное ударение в слове *түтовник*, которое указывают многие словари?

Впервые название *тут, тутовое дерево* (русское *шелковица*) встречается в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1794).

Но ни в одном словаре XVIII и XIX веков нет слова *түтовник*. Видимо, оно появилось в русском языке в самом конце XIX или уже в начале XX века, причем несомненно в южных районах, где шелковицу начали широко культивировать именно в этот период.

Так как в прилагательном *түтовый* ударение на первом слоге, то возможно, что оно было закреплено лексикографами в слове *түтовник*, хотя и здесь не обошлось без исключений (например, *тутняк* в Словаре В. И. Даля).

Как известно, существует несколько основных критериев, по которым устанавливают ударение в слове (см.: Л. А. Булаховский. Украинский литературный наголос (характеристика нормы). Київ, 1947):

1) речь авторитетных носителей языка (писатели, дикторы радио, редакторы, учителя, артисты, лучшие ораторы и др.); 2) характер ударения данного слова и родственных образований (в том числе и древних); 3) речевая практика основной массы носителей языка.

Ни один из этих критериев не дает оснований для закрепления начального ударения в слове *түтовник*.

Литературная норма, в том числе и норма ударения, создается в центральных городах, где слово *түтовник* не употребляется. Вместо него, как мы уже указывали, используется слово *шелковица*. Поэтому у лексикографов, закрепивших такое ударение, не было образцов примерного произношения, не мог быть ими использован и другой фактор — большая распространенность варианта с начальным ударением среди основной массы говорящих.

Не дает оснований для начального ударения и словообразовательная характеристика *түтовника*. Если взять все слова с суффиксом *-овник*, обозначающие деревья и кустарники (а именно они должны в этом случае учитываться, так как образцом здесь были уже существовавшие слова), то окажется, что все они имеют ударение на гласном *-о* — начальный звук суффикса *-овник*. Ср.: тернóвник, репóвник, шипóвник, крыжóвник и др. Следовательно, и *түтовник* должен иметь ударение на *-о*: тутóвник.

Наконец, последнее. Наблюдения над русским языком в южных областях СССР, и прежде всего в Средней Азии и Казахстане, показали, что абсолютное большинство говорящих по-русски, делает ударение на *-о*: тутóвник. Попутно замечу, что наблюдения производились над речью представителей самых различных категорий населения (старики, молодежь, рабочие, служащие, колхозники и т. д.). Все опрошенные мною научные работники-ботаники (среди них 78-летний доцент СамГУ И. Г. Фирстов, проживающий в Узбекистане более 45 лет) делают в слове *түтовник* ударение на гласном *о*.

Л. И. РОЙЗЕНЗОН,
доцент Самаркандского университета

«ИЕРИХОН»

ФУТБОЛЬНЫХ ТРИБУН

(Заметки о ситуативном изучении языка)

Русский язык ситуативно почти не описан. Предметом языковедческого исследования, как правило, становятся различные языковые структуры (или какие-то их части): общенациональный язык, литературный, индивидуальный, диалекты территориальные и социальные, «языки» семьи, детей, друзей и т. д. Ситуация пересекает все эти структуры, различным образом выявляя их.

Так, например, язык друзей характеризует диалогическая структура, «своя» лексика, частые эллипсисы (понимают с полуслова) и др. Но этот диалог будет совершенно по-разному строиться в зависимости от ситуации: скажем, рыбная ловля... и захватывающая езда на мотоцикле.

Характер ситуации часто решающим образом определяет выбор языковых средств. Ситуация может быть кратковременной (перепалка при выходе из автобуса) или длительной (путешествующие на плоту «верные друзья»; как элемент ее: «— Макнем? — Макнем!»), ярко выраженной (пожар) или невыраженной (скудная толпа, тусклый разговор), с богатой

словесной аранжировкой (шумный диспут) или бедной (занятия в библиотеке), побуждающей к высказыванию одного человека или сразу нескольких («тятя, тятя, наши сети...»), прерываемой, непрерываемой, заурядной («выяснение отношений»), незаурядной (например, шорты в провинциальном городе), непосредственно данной или пересказываемой и т. д.

Важнейшее требование к ситуации, помимо словесного наполнения, — ее типичность (массу случайных ситуаций описать невозможно, да и нецелесообразно). «Ситуация формирует высказывание, заставляя его звучать так, а не иначе», — писал В. Н. Волошинов в книге «Марксизм и философия языка» (Л., 1929). Она как бы притушает интерес собеседников к содержанию диалога — настолько ситуация сама по себе красноречива. Благодаря повторяемости, типичности возможны такие комические расхождения: «Поехал мужик на базар, встретил кума из другого села, спрашивает: — Как живешь, кум? — Да вот топор купил! — отвечает кум. — Приезжай к нам в гости пиво пить! — Пятьдесят копеек уплатил! — Ты обязательно приезжай! — Топорище сде-

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

лаю из клена! — Ну, до свиданья, кум! — Я его стеклом отшлифую!» («Эттиган и Селиме, чувашские сказки»).

О возможности изучения языка в ситуативном аспекте писали в той или иной связи О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Н. И. Конрад, А. А. Холодович, Н. Ю. Шведова, Л. П. Якубинский. Однако конкретные описания речевых ситуаций, «микроязыков» нам неизвестны. В той или иной мере пробел восполняет художественная литература (описание типических характеров в типических ситуациях), но она не может сделать это так концентрированно, как языковедение (да и не должна).

Предлагаемые заметки — попытка описания в большой степени ситуативно обусловленного «языка» футбольных трибун. Материал собран в Луганске в 1965 году.

●

Как повествует легенда, древний Иерихон рухнул от необычайно сильного трубного звука. Трубы, свалившие город, были наречены иерихонскими. «Иерихон», вынесенный в заголовок заметок, — дальнейшая метафоризация образа. Разваливающийся под необычайный аккомпанемент город — и чудом уцелевший ревущий амфитеатр над футбольным полем.

Сгусток эмоциональной энергии, «поведение не на жизнь, а на смерть» — все это характеризует болельщиков футбола на больших и малых стадионах в Восточном и Западном полушариях.

Поддержка болельщиками своей команды вошла в поговорку. Вспомним, как небольшая Арика, буквально днем и ночью болевшая за свою

команду, в немалой степени способствовала победе чилийской сборной над советской. Неистовое «Бра-зил! Бра-зил!» или знаменитый «хэмиденский рев» сторонников «Рейнджерса», или несущее скандинавское «хэйя!» — скоро рев будет классифицироваться...

Речевое поведение болельщиков и определяется в значительной степени этой обстановкой горячих страстей. Однако, анализируя речь трибун, следует, безусловно, различать в речевых средствах то, что определяется конкретной ситуацией и аудиторией, и то, что поддерживается речевыми навыками говорящего (его языковой системой).

В. Н. Волошинов в указанной книге писал: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют — притом, так сказать, изнутри — структуру высказывания... Эта ближайшая ситуация и ближайшие социальные участники ее определяют окказиональную форму и стиль высказывания. Более глубокие пласты его структуры определяются более длительными и существенными социальными связями, к которым говорящий приобщен».

Из «иерихона» трибун мы, конечно, удаляем все то, что лежит за пределами собственно речи: могучий крик, располагающийся, очевидно, на границе между 1-й и 2-й сигнальными системами, богатую жестикуюляцию, мимику, подбрасывание различных предметов и т. п. Речевое поведение футбольных трибун — это

громкое выражение чувств (радости, огорчения, возмущения, удовлетворения и т. д.) и одновременно «управление» происходящим на поле: призыв, приказ, угроза и проч. Эти две черты — страстность и императивность — и определяют выбор языковых средств. Здесь всё — шумные и сильные эмоции, всё — на высоких регистрах, и затушеваны мягкие, увещательные человеческие чувства.

Несколько наивными на этом фоне кажутся предложения такого рода: «Может быть... исчезнет и не очень приятное слово „болеельщик“, которое по самому своему содержанию предполагает человека неумно преданного, одержимого. Не пора ли нашему зрителю присвоить более высокое звание: любитель, поклонник, ценитель, специалист или даже футболоман?» (Н. Старостин. Иероглифы футбола. — «Наука и жизнь», 1966, № 4).

В речевом поведении болельщиков можно выделить, на наш взгляд, три существенные стороны: управление полем (игроками, судьей), реакцию — выражение чувств по поводу происходящего и, наконец, апелляцию к трибунам («обмен мнениями» относительно игры). Это, конечно, условное подразделение: ведь все поведение болельщиков — по сути реакция. Никто всерьез не рассчитывает на то, что его рекомендации будут приняты к сведению, — лишь общий рев руководит игрой, и только наиболее горячие и крепкоголосые болельщики селятся перекричать всех и «дать указание».

Управление

В управлении ситуацией различаем: а) собственно повеление, призыв к действию или его запрещение, б) сообщение, таящее дополнительно, слабо выраженную или скрытую императивность, в) вопрос, целью которого является не выяснение чего-либо, а «вразумление» игроков и судьи, т. е. управление посредством вопроса.

а) Собственно повеление. В грамматическом плане оно реализуется прежде всего с помощью повелительного наклонения глаголов.

Второе лицо единственного числа:

- Давай, Иванов, жми!
- Отдай сразу!
- Держись, брат!
- Ну, иди, иди, иди!
- Иди ж, не поворачивай!
- Хорошо, давай, давай!
- Луни сам, луни, луни!
- Не выдавай сейчас!
- Волоки, волоки!
- Гви!

Судья:

- Свисти, свисти, свисти! — Научи помощника!

Второе лицо множественного числа:

- Жмите, ребята! Растяните их!
- Ну, все на ворота идите, все!
- Держите «десятку»!

Широко используются экспрессивные модально-побудительные частицы и междометия: давай, давайте, ну.

- Давай бежать!
- Ну, тащи, тащи, тащи сразу!
- Давай!
- Хорошо, давай, давай!
- Ну! (с сильной экспрессией и резко повелительной интонацией, предлагая без промедления пробить по воротам).

В числе других средств повеления назовем глагол в прошедшем времени. Значение его не только в непосредственном побуждении, но и в уверенности говорящего в том, что действие, к которому глагол побуждает, обязательно и незамедлительно.

- Ну, пошли, ребята!
- Волчок, пошел!
- Выброси! Хорошо! сам!
- Понеслась!
- Иди налево, пошел!

В качестве средств побуждения используются различные неполные конструкции: — Через себя! — Еще гол! Здесь, помимо ситуативной «очевидности», решающее значение имеет повелительная интонация.

Именные конструкции в сочетании с интонацией служат для выражения побуждения:

- Удар! (в значении «бей!»; чисто восклицательная интонация сняла бы императивность).
- Левая! («бей с левой!»).
- Судья! (это не только обращение, но и очевидное для всех высказывание: «Судья! Ты должен то-то и то-то сделать! Судья! Ты ошибся, исправь свою ошибку»).
- Рука! (в этой ситуации не просто констатация нарушения правил, а и требование к судье — немедленно вмешаться и присудить «руку»).

Безлично-предикативные слова модально окрашенные (не непосредственное управление): надо, не надо.

- Надо с мячом играть!
- Играть надо!
- Надо бегать!
- Не надо! Не выдавай сейчас!

Особой силы экспрессия достигается при повторении языковой единицы (все равно — знаменательной или нет):

- Иди, иди, иди!
- Вставай, вставай, вставай!
- Ну-ну-ну-ну-ну-ну-ну!
- Во-во-во-во-во-во-во!
- Не-не-не-не-не-не!
- Свисти, свисти, свисти!
- Сам, сам, сам, сам иди!
- Луи сам, луи, луи!
- Поставь, поставь, зачем?
- Шайбу! Шайбу! Шайбу!

б) С о о б щ е н и е.

— Ничего, ничего, ничего... («ничего страшного не произошло, можете продолжать в том же духе»).

— Пойдет, пойдет дело, пойдет... (обращенное не к аудитории, а к футболистам).

в) В о п р о с.

- Куда, ишак, бегишь?
- Чего ты держишь? Чего ты ждешь?
- Ну, чего ты поспешил?
- Зачем?
- Куда?!
- Рука, рука, куда ты смотришь?

Все разновидности управления нередко сочетаются:

- Кому? Вот так.— Вратарю отдай! Ну, что такое?

Близость между болельщиками и управляемыми ими игроками выражается дополнительно именными обращениями:

- Игорь, играй!
- Валерка, не водись!
- Галустов, лучше играй!

Реакция

Как было уже сказано, и управление, и о чем ниже — апелляция — тоже реакции, однако их дополнительный признак — целенаправленность, «внешний» выход; собственно реакция такого выхода не имеет.

Реакция выражается в следующих разновидностях.

Характеристика действующих лиц и игры.

Положительная:

- Молодец! Держись!
- Король!
- Костя — молодец!
- Вот правильно! Хорошо, давай, давай!
- Хорошо!
- Циркач! (восхищение виртуозностью)

— Ударчик хороший.
— Вот бьют все правильно! ('здорово, сильно')
Отрицательная (гораздо более богатая гамма):

- Мазила!
- Труп!
- Вот дубина! Был дубина и есть дубина!
- Сапожники!
- Корявые бараны! (очевидно, просто «бараны» показались здесь недостаточно выразительными)
- Ду-р-а-а-ак!
- Ну, корова!
- Трупы!
- Трупы ходячие!
- Козлы!
- Эй, нахал!
- Идиот!
- Циркач! (негодование по поводу злоупотребления индивидуальной игрой)
- Судью — на мыло!
- Судью — с поля!
- Королев — на мыло!
- Ну, ни в дугу.
- Анекдот.
- Проданец заснул уже там.
- Ни себе, ни людям. Ему, как гусю, разгон нужен.
- Чуть-чуть...
- Такую дуру пропустил...
- В пустые ворота...

Эмоциональный вопрос по поводу происходящего.

- Что он там мажет без конца?
- Зачем он обрабатывает?
- Кто же пропустил нападающего?
- Куда он его?
- Ну, кто будет бить? (этот вопрос может быть адресован также игрокам: «Кто из вас будет бить?»)

Восклицания.

Это своего рода фон, на котором разворачивается собственно речевое действие трибун. Для выражения восклицания служат главным образом эмоционально-оценочные междометия:

- Ох, ты!
- Ух, ты!
- Эх!
- Ай-ай-ай-ай!
- Эх-эх!
- Ой-ой-ой!
- Ух, ты черт!
- Оп-па!

«Нейтральная» характеристика происходящего (без видимых эмоций и экспрессии):

- На мяч наступил.
- Угловой обратно ('опять').
- Ну, заиграли лучше.
- Выбросил хорошо.
- Кто вице б'е, той краще грае (ироническое).
- Не тянет...
- Так они наших вымотают.
- Он не бил по воротам.
- Толкнул, и вдвоем упали.
- Отталкивает Устименко. (Данный в ситуации «он» отталкивает Устименко)
- Балаба сейчас запутает.

Нетрудно заметить, что граница между «нейтральной» и эмоционально-экспрессивной характеристикой происходящего весьма условна. На письме она и вовсе невыразима, для этого понадобился бы определенный набор интонационных знаков. Теряя качество выражения чувств, эти высказывания все более приобретают коммуникативную (сообщительную) функцию (адресат — аудитория). Тем самым они становятся апелляциями.

Апелляция

Это прямой контакт между лицами, входящими в «аудиторию». Апелляция может быть монологом и диалогом.

Монолог:

- Важный момент, братцы!
- А что Игорь сам сделает?

Диалог:

- Угловой.
- Свободный.
- Угловой.
- Свободный.

Или:

- Был офсайд.
- Не было офсайда.

Мы описали главные разновидности ситуативно обусловленного поведения трибун, как они даны в речи. Часть лексики, не вошедшая в показанную, будет предложена ниже. Но прежде следует выяснить, каково отношение этого вида устной речи к разговорному строю общенационального языка (устная речь и разговорный строй языка не совпадающие понятия: писать можно разговорным языком и говорить «но-писанному»).

В рассматриваемом случае устная речь полностью покрывается разговорной системой, помещенной в среду высокого эмоционального накала. Этим определяется своеобразие выбора языковых средств.

Нейтральная лексика

Нейтральная, или общеупотребительная, лексика, составляющая основу любого, сколько-нибудь протяженного высказывания, представлена здесь сравнительно нешироко в сопоставлении с собственно эмоциональной — общеразговорной и просторечной — лексикой.

- Ну, все на ворота идите, все!
- Держите «десятку»!
- Отдай сразу!
- Иди же, не поворачивай!
- Научи помощника!
- Свисти, свисти, свисти!
- Иди налево!
- Играть надо!
- Хорошо!
- В пустые ворота...
- Молодец!

— Кто же пропустил нападающего?

- Зачем он обрабатывает?
- На мяч наступил...
- Игорь, играй!
- Был офсайд!
- Не был.
- Есть! и т. д.

Вся эта лексика создает общий эмоционально-экспрессивный характер высказывания в основном за счет интонации и некоторых грамматических средств. Напротив, исключительно богата лексика разговорно-просторечная (или более дробно: сниженная, жаргонная, грубая), позволяющая вместить всю бездну чувств, которые рождает у болельщиков это захватывающее зрелище.

Так возникают синонимы для нейтральных:

- бежать, атаковать: — Рви! — Жмите, ребята! — Понеслась!
- бить по воротам: — Луни! — Влупил! — Долбанул!
- неточно бить: — Что он там мажет без конца?
- вести мяч: — Волоки, волоки! — Ну, тащи, тащи, тащи сразу.
- Плохо играть или бегать: — Не тянет...

Предмет вождений болельщиков — гол — получает самую разнообразную эмоционально-оценочную интерпретацию:

- Пачка!
- Штука!
- Пуля!
- Банка!
- Баночку!
- Шайбу! Шайбу! Шайбу!
- Такую дуру пропустил!..

Естественно, здесь не могло бы появиться комментаторское:

— Мяч в сетке. (Думается, что «Шайбу! Шай-бу!» так быстро вошло из хоккея в футбол потому, что собственный «го-ол!» — с проглатываемым «л» и нейтральной формой — как побуждение болельщиков явно не удовлетворял.)

Эмоционально-оценочный момент находит яркое выражение в характеристике действующих лиц: корова, трупы, ишак, козлы, корявые бараны, дубина, идиот, гусь, нахал, мазила и т. д.

В этом общем, ситуативно обусловленном языке трибун выделяются те или иные постоянные для их носителей языковые системы: просторечие, диалект, профессиональный жаргон, литературно-разговорный тип и др. Носителя просторечия характеризует:

- Вот бьют правильно! (‘сильно, метко’ и др.)
- Дай ему по мордам!
- Угловой обратно.
- Куда, ишак, бегишь?

А эмоционально-экспрессивные: мазила, трупы, дубина, судью — на мыло! Ух, ты черт! «Девятка» ни к черту! — могут принадлежать как носителям литературного языка, так и просторечия. Н. Старостин пишет: «Владычество футбола над людскими душами простирается иногда, к великому сожалению, за пределы здравого смысла. Почтенные люди теряют свой интеллигентский облик и с пятнами волнения на лице доказывают друг другу прямо противоположные футбольные истины. Что-бы блеснуть эрудицией, они стара-

ются говорить на специфическом (так им кажется) футбольном жаргоне и щеголяют словечками вроде: „припухли, причесали, погорели, вырубил, подковали, смазали“. А чего стоят коллективные вопли с трибун: „Судью на мыло!“».

Фразеология языка трибун — это обороты, обусловленные ситуацией, но не ограничиваемые ею:

- Ну, ни в дугу.
- Ни себе, ни людям...

Чисто местными, устойчивыми и имеющими определенный выход и в другие ситуативные сферы языка являются фразеологизмы:

- Судью (игрока) — на мыло!
- Судью (игрока) — с поля!
- С поля!

И реже:

- На мыло!

В этих оборотах — состоящих из двух частей — лексически не замечен второй компонент (на мыло, с поля) и ограничен первый (судья, игрок; трудно предположить: «Директора — с поля!»).

— Давай играй, давай пробуй!

Синтаксические особенности

Насыщенность ситуации, ее высокая «информативность» делает избыточными многие элементы высказывания, обязательные в другом контексте. Сравните: — В пустые ворота... Лишь обстановка или опыт болельщика подскажет продолжение фразы. Но исключительно ситуативно расширяется: — Чуть-чуть... (чуть не попал в ворота) или: — Кучей-кучей... (практическая тактика многих команд).

Эмоции и представившаяся возможность повелевать ищут для своего выражения кратчайшие пути, но не исключены и развернутые высказывания.

- Ну, «Текстильщик», держись, раз ты так нагло себя ведешь.
- «Девятка», ты был в апсайде! Чего ты там орешь так?

Интонация

Выше говорилось об исключительной роли интонации в оформлении устной, а в данном случае эмоциональной речи. Так, не оформленные интонационно «Удар», «Еще гол», «Голова», «Рука» и вовсе выведенные из ситуации, явно не однозначны. Для описываемой ситуации характерна высокая ударность слога, быстрый темп, богатство тембра («мрачный», «светлый» и проч.). Однако во всем своем многообразии интонация подлежит специальному — безусловно, экспериментальному — изучению.

Наши заметки преследовали прежде всего практическую цель — показать один из ситуативно обусловленных «микроязыков». Полезность составления «ситуативного атласа» русского языка представляется автору очевидной. Данные такого рода помогут лучше представить картину нашего «языкового существования», колоритней выявить механизм проявления в речи языковой системы, решить некоторые стилистические и другие вопросы.

Ю. М. РОСТИНСКИЙ

Хлестаков и курьеры

Как известно, Хлестаков, расхваставшись перед чиновниками, стал описывать, как он однажды управлял департаментом: «После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!» (Гоголь, Ревизор). Это выражение — «тридцать пять тысяч курьеров» — вошло в употребление как символ «чрезмерного преувеличения» (Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1966).

Итак, курьеров было тридцать пять тысяч. Однако уже в XIX веке Хлестакова стали «уточнять». Это дало повод Н. С. и М. Г. Ашукиным отметить: «нередко цитируется как „сорок тысяч курьеров“ или „тридцать тысяч курьеров“» (стр. 668): там же приводится пример из «Мелочей архиерейской жизни» Н. С. Лескова: «Письмо... послано не по почте, а с нарочным, из сорока тысяч курьеров, готовых скакать во все стороны, по манию каждого начальника в России»,

Впрочем, наряду с округлением в большую сторону, возможно исправление и в обратную сторону. Об этом свидетельствует недавний пример: «Осторожно переступил я порог небольшого помещения, где составляются ежедневные сводки выполнения плана, ожидая встретить здесь „одних курьеров двадцать пять тысяч“, о которых восхищено вещал когда-то... Хлестаков»... (Вл. Орлов. Электронный информатор. — «Правда», 25 февраля 1968). Любопытно, что здесь «одних курьеров двадцать пять тысяч» взято автором в кавычки, то есть мыслится как подлинная цитата из комедии Гоголя.

Б. Ш.

Нужно ли менять русскую азбуку?

В Институт русского языка приходит немало писем об усовершенствовании и даже о реформе русской графики. Одни авторы предлагают изменения радикальные, другие — частичные. Так, предлагается заменить современный алфавит латинским (например, писать *molotok*, *vid* и т. п.), вместо букв для обозначения гласных звуков использовать надстрочные (диакритические) знаки (вместо *о* писать над согласной, вместо *е* — \check{e} , вместо *а* — \check{a} и т. п., например: вода — $\check{v}\check{d}$, стекло — $\check{s}\check{t}\check{k}\check{l}$), сократить число знаков алфавита, используя поворот букв на 180 градусов (появятся такие буквы, как *а*, *ш*, *и*, *к* и др.); ввести новые буквы в современный алфавит, например, *h* и *x* (*хе*) и др.

Следует сказать, что попытки изменить состав русского алфавита предпринимались начиная с XVIII века: предлагалось и устранить из алфавита некоторые буквы и ввести новые. Кроме букв *ѳ*, *ѣ*, *ѧ* (в конце слов), которые действительно были лишними, предлагали изъять из алфавита *э*, *щ*, *я*, *е*, *ю*, *й*, *ц*, *ы*, конечный *ь*, заменить существовавшие буквы алфавита новыми, принять новые начертания букв, например, ввести *j*, устранив *я*, *е*, *ё*, *ю*, заменить *ё* — *ѳ*, *ь* — надстрочным знаком, *ъ* — тире, *й* — *ь*, *ы* — *и* и т. д. Предлагали писать не только *й* вместо *ий*, но и *й* вместо *ай*, *ѳ* вместо *ой*, *щ* вместо *уй*: сини, ма, сто, ле, жу — синий, май, стой, лей, жуй. Было предложено ввести букву *ж*: вожи (вожки), дрожи (дрожжи), и оборотные гласные (по аналогии с *э*), *ѳ* для обозначения *е* открытого (мель, но мѣл); ввести буквы для передачи звуков: [дж] в заимствованных словах, английского [th], [l] европейского, французских носовых гласных [ù] и [ó], [h].

На протяжении XVIII и XIX веков в русский алфавит введена лишь одна буква *э*, которая была необходима не только для иноязычных слов и собственных имен, но и ряда русских слов.

Другие буквы для обозначения звуков иностранных языков так и не были включены в нашу азбуку, так как иноязычные слова не могут служить причиной для введения в русский алфавит новых букв. М. В. Ломоносов писал по этому поводу: «...для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело... ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую...».

В одном письме, недавно полученном Институтом русского языка АН СССР, предлагалось ввести особую букву для обозначения звука [h] в иноязычных словах. Это предложение не целесообразно: в русских диалектах есть звук [χ] и введение буквы для его обозначения узаконило бы диалектное, а не литературное произношение. Еще в 1862 году Я. К. Грот писал: «Кажется, дело звука [h] невозвратно проиграно в русском языке; ибо с давних пор уже он в одних словах отвердел в наше обыкновенное [г] (Голландия, госпиталь, гусар), а в других совсем выпал (история, Иракл), в третьих составил с последующей гласной звук [e] (Елена)».

Авторы предложений заботятся об экономии бумаги, о сближении нашего письма с письмом других народов, о точной передаче на письме звуков языка (в том числе и звуков иностранных слов).

Русский алфавит создан на основе кириллицы, одной из самых рациональных азбук. Известный французский лингвист Ж. Вандриес писал в книге «Язык»: «Славянский алфавит Кирилла и Мефодия — настоящий шедевр». Приспособление славянского кириллического алфавита к русскому языку шло постепенно. Первым законодательным актом в истории русского письма была реформа азбуки, осуществленная в начале XVIII века Петром I. Петровская реформа положила начало упорядочению русского алфавита.

Был создан новый, гражданский алфавит (гражданица). Его стали использовать при печатании книг светского содержания. Академик В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1938) пишет: «Введение русской гражданской азбуки обозначало упадок церковно-книжной культуры средневековья, утрату церковнославянским языком господствующего положения в структуре русского литературного языка — и вместе с тем намечало пути дальнейшей борьбы за создание на народной основе национально-русского литературного языка» (стр. 80).

Буквы гражданского алфавита стали проще по начертанию и приблизились по форме к латинским. Из азбуки были исключены знаки ударения, титлы (знаки сокращения). Вместо буквенного обозначения чисел были введены арабские цифры.

К началу XVIII века в алфавите были «лишние» буквы, не обозначающие звуков. Петр I собственноручно вычеркнул из азбуки некоторые из них (сохранился экземпляр этой азбуки, изданной в 1710 году).

В XVIII веке из азбуки были исключены «кси», «пси», обозначающие те же звуки, что и сочетания *кс*, *пс*, «зело» — з, «омега» — о. Тогда же в алфавит введены *й*, *э* и *ё* (вместо сочетания *іо*), *ѣ* была впервые употреблена Н. М. Карамзиным в 1797 году.

Вторая реформа русского алфавита была проведена в 1917—1918 году, когда были изъяты «фита», «ижика», «ять», и «десятеричное».

В современном русском языке 39 фонем: 34 согласных и 5 гласных. Фонемы — это звуки, при помощи которых различаются

слова. Например, *вал, вял, зал, дал, пал* отличаются друг от друга одной фонемой: в, в «мягкой», з, д, п. Иногда разные звуки являются одной фонемой: в словах *голова — голова — головы* одна и та же фонема |о| ($г\wedge\text{л}\text{о}\text{фк}\text{ъ} — г\text{ьл}\wedge\text{в}\text{а} — г\text{о}\text{л}\text{ьв}\text{ы}$).

В современном русском алфавите 33 буквы, считая букву *ё*.

Система русской графики, сложившаяся в течение веков, — фонографическая (фонография — от греческого *phone* 'звучание' и *grapho* 'пишу').

Идеальный фонографический алфавит должен содержать столько букв, сколько фонем в данном языке. И. А. Бодуэн де Куртене в статье «Несколько слов по поводу общеславянской азбуки» предъявлял к алфавиту следующие требования: «Каждый звук языка должен обозначаться особой буквой. Каждое начертание должно во всех случаях обозначать один и тот же звук». Русский алфавит в основном отвечает требованиям, предъявляемым к фонографическому алфавиту, но и в нем есть отступления от этого принципа.

Иногда две фонетические единицы /j + гласный / передаются одной буквой в начале слов и после гласных: j + а = я; j + о = ё; j + у = ю; j + э = е: яблоко, ёлка, юг, поехал. А одна фонетическая единица (мягкая согласная фонема) передается двумя буквами: согласная буква + «мягкий знак» (например, мягкие передаются: /т/ как *ть*, /в/ — *вь*, /л/ — *ль*: писать, соловьи, соль и т. п.) или согласная буква + буквы *я, ю, е, ё, и*: вялый (буква *я* обозначает фонему /а/ и мягкость фонемы /в/), люди (*ю* — фонему /у/ и мягкость фонемы /л/; буква *и* указывает на мягкость фонемы /д/); песня (*е* — фонему /э/ и мягкость фонемы /п/); весла (*ё* — фонему /о/ и мягкость фонемы /в/).

Значение этих букв четко определяется позицией (местом в слове или соседним звуком). В начале слов, после гласных и после *ь* и *ъ* они обозначают две фонемы /j + а, j + э, j + у, j + о/. Этот прием русской графики называют слоговым, или силлабическим, а буквы силлабемами. Употребление силлабем дает русской графике экономию в использовании букв для обозначения мягких—твердых согласных фонем.

Для 24 согласных фонем, парных по твердости—мягкости, используются 12 букв (б, в, д, з, л, м, н, п, р, с, т, ф) + 4 силлабемы (я, ю, е, ё) или буква *ь*. Всего, таким образом, 17 букв вместо 24 (экономию в семь букв не так уж мала). В остальных случаях буквы *я, ю, е, ё* — это фонемы /а, у, э, о/ + мягкость предшествующей согласной.

Буквы русского алфавита или однозначны или их значение определяется позицией. Например, буквы *ц, ш, щ, к, г, х, й* однозначны, так как они обозначают только фонемы (ц, ш, щ, к, г, х, й). Двухзначны *я, ю, е, ё* (о них сказано выше), *б, в, д, з, л, м, н, п, р, с, т, ф* (используются для обозначения и твердых и мягких фонем). Буква *ч* обозначает фонему |ч|: *чистота, чаша, член*, а в сочетании с буквой *с* — иногда и |щ|: *счастье, счет*.

В русском алфавите есть две буквы — ь и ъ, которые не обозначают фонем. Буква ь «ерь» указывает на мягкость предшествующей согласной фонемы: *моль*, *брось*, *пяť*, или на то, что следующая буква — сочетание «йот» + гласная фонема: побьем, вьюга. После приставок на фонему «йот» перед гласной указывает и ъ «ер»: подъем, предъюбилейный, сверхъестественный.

Современный русский алфавит вполне отвечает нуждам письма. Если и возможны какие-то изменения существующего алфавита, то только частные, касающиеся отдельных букв и не затрагивающие систему в целом.

Внося предложения об изменениях графики, прежде всего нужно учитывать соотношение языка и письма.

Кроме лингвистического аспекта, необходимо иметь в виду и психологию чтения, и проблему удобочитаемости, и методику обучения письму и чтению. Нельзя забывать и о том, что культурные традиции складываются веками и нарушение их недопустимо. А оно неизбежно, если ввести принципиально иную систему письма. Для того чтобы читать книги, изданные ранее, надо будет изучать две разные азбуки.

■ Ломка алфавита нежелательна еще и потому, что на основе кириллицы построен алфавит не только русского письма, но и некоторых славянских языков (болгарского, сербского) и алфавиты младописьменных и других народов Советского Союза.

Технико-экономические расчеты могут учитываться лишь в тех случаях, когда они не противоречат лингвистическому, психологическому, педагогическому принципам. Введение надстрочных (диакритических) знаков вместо гласных букв в значительной мере затруднит чтение и восприятие текста. Таким образом, экономия бумаги приведет к неэкономному расходу времени на чтение и понимание написанного. Да и скорость письма снизится при введении надстрочных знаков, так как при написании придется отрывать перо от бумаги. Вряд ли принятие диакритических знаков даст возможность экономить бумагу: ведь их введение заставит отказаться от мелкого шрифта, который часто используется в книгах, журналах и газетах.

Все это доводы против реформы русской азбуки — лингвистического характера. По-видимому, полиграфисты, психологи, педагоги привели бы и другие аргументы.

Введение любого нового знака в алфавит не может остаться частным фактом. Оно повлечет за собой перераспределение функций остальных знаков, видоизменяя при этом всю орфографическую систему. Вот почему нельзя так легко вносить изменения в алфавит. Совершенствование существующей графики должно проводиться в разумных пределах.

Р. В. МАКАРОВА,
научный сотрудник Института русского языка
АН СССР

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В учебных пособиях по русскому языку указано, что первым русским орфографическим словарем был «Справочный указатель», изданный академиком Я. К. Гротом в качестве приложения к его работе «Русское правописание» (1885). Однако еще до выхода этой книги в России издавались не только справочники в качестве приложения ко многим школьным пособиям, но и выпускались самостоятельные орфографические словари. Одним из первых был «Словарь российской орфографии или правописания», изданный в Москве в 1813 году.

Потребность в издании справочных пособий по русскому правописанию диктовалась развитием книгоиздательского дела, распространением грамотности. Строгое единообразие в правописании положительно влияло на культуру русского языка. В 1839 году Н. Греч издает небольшой по объему словарь «Справочное место русского слова», в предисловии к которому читаем: «У нас не одни простолюдины, необразованные и неученые, грешат против правил языка. В „Справочном месте русского слова“ на ошибки простонародья не обращено никакого внимания. Большая часть недомолвок выбрана из разговорного языка хорошего общества и из новейших сочинений писа-

телей, занимающих не последние места в нашей литературе».

Составитель анализирует не только погрешности орфоэпического характера (например: «Должно говорить *Адрианополь*, *Адрианопольский мир*, а не *Адрианонополь* и не *Адрианонопольский мир*»), но указывает и требует соблюдения единого правописания у ряда слов: «*Адресъ* — многие пишут *адрессъ*, *адрессъ-контора*, *адрессованный* и т. п. Должно писать: *адресъ*, *адресованный*. *Илиада* — многие пишут *Иллиада* и *Илияда*; правильно *Илиада*...».

Справочные пособия нужны были прежде всего для проверки правописания наиболее трудных слов. В России издавались часто орфографические словари, включавшие слова с буквой ъ, так как правописание этих слов требовало в большинстве случаев запоминания. Первым таким пособием были изданные в Санкт-Петербурге в 1815 году «Правила о употреблении в письме буквы ъ» П. Соколова. В словник были включены без каких-либо помет только имена нарицательные, которые писались с буквой ъ.

В 1876 году в Одессе М. Марков составил и издал небольшое пособие «Изобретение звука е в русском языке, с прибавлением алфавитного перечня слов, в коих употребляется буква ъ». Список слов с буквой ъ увеличился за счет ввода имен собственных и ряда производных. В 1877 году в Москве выходит «Подробнейшая и необходимая для всех справочная книжка об употреблении в русском языке буквы ъ», составленная В. Коломниним. Справочник содержал 8500 слов. Такое большое количество слов объясняется приведением почти всех орфограмм с буквой ъ (например: *альтъ*, *альгълъ*, *альвший*, *альвшая*, *альвшихъ*).

Справочники слов с буквой ъ продолжали составлять и после издания больших орфографических словарей. После реформы русского правописания в 1918 году потребность в подобных словарях отпала, но пособия на отдельную букву составлялись и в советское время. В 1945 году, например, ОГИЗ издал небольшой справочник «Употребление буквы ѐ», составленный К. И. Былинским, С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым. Рассчитанный на работников печати и преподавателей средних школ справочник включал: 1) слова и их формы, в которых пишется ѐ, 2) те слова и формы с буквой е, в написании которых могут быть сомнения (е или ѐ), 3) слова и их формы, в которых пишется о после шипящих. Иногда в словаре указывались и ошибочные формы с пометой «неправильно»: атлет (атлѐт — неправильно) и проч. В словарь не были включены собственные имена.

В 1881 году в Курске был издан «Русский орфографический словарь» П. Ромашкевича, который можно смело считать «родоначальником» самостоятельно изданных русских орфографических словарей. Первое его издание было далеко несовершенным. «Словарь представляет собою небрежную выписку слов из академического словаря без признаков каких бы то ни было объяснений, — писал один из рецензентов. — В нем множество лишних, несколько не затруднительных для правописания слов, пропущено очень много слов нужных. Устарелое правописание».

При повторном издании словаря П. Ромашкевич значительно увеличил объем словника. Его «Полный русский орфографический словарь» (1894) насчитывал около 70 000 слов. Составитель включил большое количество наиболее употребительных

слов из области науки, искусства, ремесел, были внесены и личные собственные имена. Придерживаясь в принципе правил Я. К. Грота, П. Ромашкевич считал необходимым пояснить, что «составитель русского орфографического словаря, не имеющего специальной цели и исключительного назначения, а имеющего в виду массу публики, должен держаться правописания прочно установившегося, всеми употребляемого, и, во всяком случае, должен держаться больше старины, чем новизны. Только в виде исключения можно указывать и на другую транскрипцию слова, которая стала практиковаться в позднейшее время». Скорее всего, ссылка на старину и следование правилам традиции без критического к ним отношения и породили те ошибки, за которые справедливо критиковали составителя.

Орфографические словари прежде всего нужны были для школы. Первым изданием, которое сочетало требования школьного преподавания и возможности справочного пособия, был «Орфографический словарь с присоединением повторительного курса русской орфографии» А. Спицина, изданный в 1883 году в Вятке.

А. Спицин не только предлагал отделить школьные орфографические словари от словарей общего пользования, но и составлять их в зависимости от уровня общеобразовательной подготовки учащихся.

Издание орфографических словарей требовало разрешения ряда принципиальных вопросов. В частности, очень сложным был вопрос об «эталоне» орфограмм. Хотя составители и ссылались на правила правописания Я. К. Грота, разноречив в написании многих слов был заметен. Дело в том, что сам справочный указатель Я. К. Грота, приложенный

к его «Русскому правописанию», не мог ответить на ряд спорных вопросов.

Отсутствие единообразия в правописании особенно мешало работникам печати, корректорам. В 1898 году И. А. Бенедиктов специально издал «Справочный орфографический указатель спорных слов для руководства типографии при печатании изданий». Автор пишет в предисловии, что особенно заметен разнобой при написании иностранных слов: «Например, слово *комиссия* в одной и той же книге печатается и *комисия* и *коммисия* и *комиссия*; слово *ассесоръ* печатается также произвольно. Кроме того, употребление прописных букв в ином издании настолько разнообразно, что одно и то же слово напечатано с прописной буквы на первой странице, на следующей странице — со строчной и т. д.». Этот орфографический разнобой тогда устранить было невозможно.

Сказывалось отсутствие строгих орфографических правил. Составители, кроме того, должны были определить объем словника и систему подачи слова.

При определении словника орфографических словарей выявились две точки зрения. Первая — вносить все слова литературного языка; вторая — вносить только те из них, которые трудны в орфографическом отношении. Большинство составителей придерживалось первой точки зрения, и словари буквально «пухли» за счет «легких» слов.

В некоторых орфографических словарях приводились и значения слов. В 1888 году был издан «Справочный словарь по русскому правописанию для учащихся», где составитель придерживался гнездового способа. Например, «*Артель* — общество из нескольких человек, имеющих общее

хозяйство или работающих вместе. *Артельный, артельщик*».

Только к началу 90-х годов стали отчетливо вырисовываться принципы составления орфографических словарей. А. Новопашенный в предисловии к своему «Справочному словарю по орфографии» (1890) писал, что «необходимо строго различать справочный словарь по орфографии от общего словаря языка. В последний входит все без исключения слова, какие только в языке существуют. В словарь орфографический должны войти только те слова, начертание которых не вполне соответствует произношению». Так, например, на трудные правила переноса слов были составлены «Карманный орфографический словарь с обозначением переноса слов» А. Русакова (1884); «Краткий орфографический словарь и правила правописания» издательства Вольф (1911); «Орфографический словарь учебный и справочный» И. Сахарова (1914); «Карманный словарь» А. Баштанника (1914) и др. «Подробный орфографический словарь» В. Зелинского (1909), кроме разделения слов на части для правильного переноса, приводит и ударения.

Некоторые составители словарей стремились сочетать орфографические правила с морфолого-фонетическими. В «Орфографическом словаре» С. Г. Руч (1900) даны указания на корни слов, которые или выделялись шрифтом или выносились отдельно. Однако выделение морфем не увеличивало орфографической ценности пособия.

В начале XX века в орфографических словарях стали приводиться грамматические пометы: формы окончаний (родительный падеж единственного числа или именительный множественного). Таковы

«Справочная книжка по русскому правописанию с орфографическим словарем» А. Миронова (1900), «Орфографический словарик» В. Александрова (1916), «Как правильно писать по-русски» С. Басова (1911), «Справочный орфографический словарь с портретами писателей» П. Барышникова (1914) и др.

Выделяется «Словарь русского правописания» С. Н. Алексеева (1909), в котором изложены и принципы отбора слов: «Мы не ограничились сухим перечнем в алфавитном порядке небольшого количества слов, подчас совершенно неупотребительных, но, придерживаясь строгого выбора, поместили при этом сомнительные формы правописания, как, например, глагольные окончания второго и третьего лица изъявительного наклонения, уменьшительные существительные и прилагательные и пр.».

Унификация русского алфавита в 1918 году заметно облегчила отечественное правописание. Первые орфографические словари, изданные при Советской власти, отличались от дореволюционных только в той части, где это касалось графики, а по существу они продолжали старую традицию. Достаточно указать на «Орфографический словарик» Н. Соколова (1927); «Орфографический словарь» Н. Гуднова (1927); «Новый орфографический словарь» М. Вольпер (1923) и др.

Несколько изданий выдержал «Новый орфографический справочник» И. В. Устинова (1922), предназначенный для школ и для самообразования. В пособии И. В. Устинова, кроме орфограмм, приведены значения слов. «Наглядности графической недостаточно, должна быть и наглядность идеографическая, т. е. создание словесного образа с предметными представлениями», — писал автор

в предисловии. Но как можно представить «словесный образ», если приводятся, например, такие толкования: «Азия — страна света, находящаяся в восточном полушарии», «Апельсин — плод апельсинового дерева» и др.

Длительное время в школах пользовались «Орфографическим словарем» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова (1934). Словарь был основательно переработан в 1957 году (11-е издание) после унификации правил русской орфографии 1956 года. Был пересмотрен и значительно расширен словарь, удалено 135 устаревших слов (веред, давеча, епископ, иерей и т. п.), но включено 1144 новых. Общее число слов составило в новом издании 12 700.

В словаре более последовательно, чем раньше, даны грамматические пометы и формы при словах, у многих существительных указаны род, число и некоторые косвенные падежи. Уточнено произношение некоторых слов, обозначено ударение. Некоторые слова снабжены двумя ударениями. Значение дано только в тех случаях, когда оно объясняет написание (*бал* — танцы, *балл* — отметка; *бочок* — от бак, *бочок* — от бок и др.)

В последние годы издано несколько орфографических словарей для начальной школы (С. П. Редозубова, Э. А. Орловой, П. А. Грушниковы). Наиболее совершенным среди этих пособий следует считать «Новый орфографический словарик» П. А. Грушниковы (1964), который повторяет в основном словарь Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, но имеет меньший словарь (3200 затруднительных в орфографическом отношении слов). Автор совершенно верно выделил непроверяемые орфограммы, что улучшает их зрительное восприятие.

Для работников печати необходимы были более полные справочные пособия. Еще в 1927 году Государственное издательство ввело свои «Технико-орфографические правила», которые в ряде случаев (например, применение прописных букв, дефиса, слитность и раздельность начертания слов, выражающих сложные понятия, транскрипция иностранных слов и др.) идут дальше школьных орфографических руководств.

«Новый справочный орфографический словарь для выпускающих, корректоров и литературных работников», составленный Я. С. Хомутовым (1927), ничем не отличался от общих орфографических справочников.

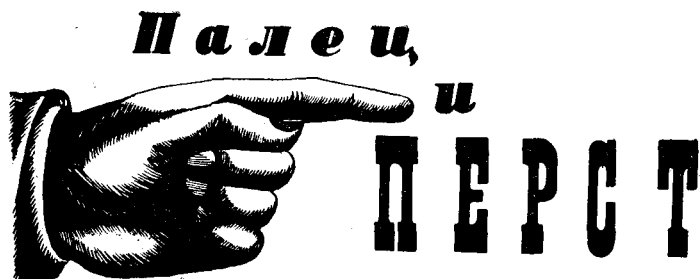
Наиболее полный свод справочного материала, описание основных приемов технической орфографии, важных правил орфографии и пунктуации представлены в «Технико-орфографическом словаре-справочнике» (1933), подготовленном Ленинградским научно-исследовательским институтом книговедения под редакцией Н. Филиппова. Здесь приведен краткий словарь трудных слов со ссылками на соответствующие пункты орфографического справочника, чтобы корректор не только видел, как слово пишется, но и мог распространить способ такого написания на аналогичные случаи.

В 1933 году в Москве был издан «Справочник для работников печати «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова. Если «Технико-орфографический словарь-справочник» под редакцией Н. Филиппова характеризуется большим корректорским «практицизмом» и «методической неискученностью» его создателей, то в справочнике московского издания «чувствуется рука опытного методи-

ста и более широкая установка, имеющая в виду не только корректора, но и всякого литературного работника, а, пожалуй, отчасти и учащегося» («Журналист», 1933, № 8).

На основании новых орфографических правил в 1958 году был издан «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. П. Никольского. Авторы последовательно сопоставляют написание наиболее трудных слов и словосочетаний (причастия и прилагательные с суффиксом *и*; слова с частицей *не* и без нее и др.). В орфографическом словаре дано значение омонимов, омоформ, омофонов, некоторые орфограммы объяснены со стороны словообразования. Имеющиеся грамматические пояснения позволяют довольно быстро обратиться к соответствующему параграфу «Правил русской орфографии». Впервые к «Справочнику» был приложен не только орфографический словарь (около 50 000 слов), но и «Орфографический словарь географических наименований СССР» (около 10 000 слов).

Значительным событием было издание в 1956 году «Орфографического словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. Эта книга дает одно, признанное правильным, написание слова и не допускает вариантов. В то же время словарь включает варианты производительные, словообразовательные, лексические, которые отражаются на письме (есть и *воробышек* и *воробушек* — слова, образованные при помощи разных суффиксов). Подчеркнув, что данное пособие представляет собственно орфографический словарь, составители объясняют значение только в том случае, когда слова при одинаковом произношении имеют различное написание, например:

Слова *палец* и *перст* в современном русском языке обозначают одно понятие — ‘палец на руке’. Перст — устаревшее слово, но оно встречается в языке художественной литературы. Например, у Пушкина: «Перстами, легкими, как сон, Моих зениц коснулся он»; или у Грибоедова: «Наш ментор — помните? колпак его, халат, Перст указательный — все признаки ученья...». Сохранились производные от этого слова: перстень, наперсток, перчатки.

Каковы же взаимоотношения слов *перст* и *палец* в истории языка? Оказывается, в древнерусском языке эти слова имели разные значения. *Перстом* можно было назвать любой палец на руке, а *пальцем* только один, а именно — большой. Слово *пърстъ* в древнерусском языке было очень употребительным, в картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV веков Института русского языка оно встречается 102 раза. Например: «Старец показа пръстомъ ручнымъ уношю» (Старик показал пальцем руки юноше) — Синайский патерик XI века; «Омочить пърсть свои въ воде» (Он намочил свой палец в воде) — Надпись XII—XIII века; «Писаше перстомъ на пѣсцѣ» (Он писал пальцем на песке) — Юрьевский пролог XIV века.

Слово *палец*, наоборот, в древнерусских памятниках употреблялось очень редко, в той же картотеке оно отмечено лишь два раза: «Он же испивъ половину, а половину дал князю пити. дотиснувся пальцем в чашу. бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенье смртное» (Он же, выпив половину, половину дал выпить князю, окунув большой палец в чашу, так как под ногтем был смертоносный порошок) — Лаврентьевская летопись, 1377; «Пятью перъстьъ ...блгословляють. и послѣди палцемъ лице прѣкрцають» (Пятью пальцами благословляют, а после большим пальцем крестят лицо) — Рязанская кормчая, 1284. В последнем примере слова *пальць* и *пърстъ* взаимно противопоставлены.

То, что слово *пальць* первоначально обозначало только ‘большой палец’, подтверждают данные этимологии, материалы родственных

славянских языков и русских говоров. Этимологические словари указывают на связь русского *палец* с латинским *pollex* 'большой палец'. А в письменных памятниках XVI—XVII веков отмечается слово *напалок*. Так назывался перстень, надеваемый на большой палец руки, в отличие от остальных колец, которые назывались перстнями. В ряде славянских языков сохранилось положение, которое когда-то было в древнерусском языке: пальцем называется только большой палец на руке, а все остальные словами, родственными русскому *перст*: болгарское *прѣст*, македонское *прст*, чешское *prst*, словенское и сербскохорватское *prst*.

Но в другой группе славянских языков, как и в современном русском литературном языке, любой палец на руке называется словом *палец*: украинское — палець, белорусское — палец, польское — palec.

В то же время в некоторых современных русских говорах (пермских, архангельских, вологодских, костромских, вятских, псковских) слово *перст* до сих пор обозначает любой палец на руке, а *палец* — 'большой палец'.

Специальные слова для обозначения других пальцев (кроме большого) в древнерусских письменных памятниках не встречаются. Только в более поздних памятниках встречаем: «Мелетий... первые три персты десницы своея показа разлучены друг от друга: си есть палець, указательный и великосредний» (Мелетий показал по отдельности три первых пальца своей правой руки: это большой палец, указательный, средний) — Скрижаль Арсения Грека, 1656; «Три персты равно имѣти вкупе, великий, иже глаголется палець, да два последних» (Следует иметь вместе сложенными три пальца: большой, который называется палец, и два следующих) — Челобитная Никиты Пустосвята, 1658; «Палець точно два состава имать» (Большой палец имеет только две фаланги) — Сочинения Максима Грека.

В отличие от большого пальца, для которого существовало специальное слово, другие пальцы на руке обозначались в древнерусском языке сочетанием *пърсть* с различными прилагательными: *малыи пърсть* 'мизинец': «Да малыимъ пърстѣмъ съвлажити ми устьнѣ» (Пусть он увлажнит мне уста мизинцем) — Троицкий сборник, XII—XIII вв.; «Зубы своими укуси малыи пърсть» (Своими зубами он укусил мизинец) — Лобковский пролог, XIII в.

Слово *мизиньць* (мѣзиньць, мезиньць) приведено в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского в значении 'палец', 'мизинец', которое отмечено как вторично. Первым, основным значением для *мѣзиньць* И. И. Срезневский считает значение 'младший сын'. Это значение выделяется и в прилагательном *мѣзиньши* 'младший, меньший'.

Довольно распространенным в этот период является сочетание *казаги* (показати) *пърстѣмъ*. Вероятно, в этом сочетании слово *пърсть* выступает не в обычном значении 'палец', а 'указательный палец'.

В памятниках XVIII века отмечается сочетание *большой перст*, которое противопоставляется сочетанию *большой палец*: «Когда на караул солдат мушкет держать, чтобъ большой палецъ на куркъ, а большой персть позадь язычка» (Когда солдат держит мушкет на караул, нужно, чтоб большой палец был на курке, а средний сзади язычка) — Письма и бумаги Петра Великого. Можно предположить, что большим перстом здесь называется средний палец. Интересно отметить, что в онежских говорах диалектными словарями отмечено сочетание *большой палец* в значении 'средний палец на руке'.

В истории развития языка по мере того, как *палец* начинает обозначать любой палец на руке, а *перст* становится принадлежностью книжно-поэтического языка, в сочетаниях (названиях пальцев) слово *перст* заменяется *палец*.

Для обозначения мизинца появляется сочетание *мизиньи палец*: «А когда зубы будут выше десенъ на мизинной палец» — Рукопись о конских заводах, XVIII век.

В языке произведений XVII века встречаются сочетания *средний палец*, *великосредний палец* в значении 'средний палец', *указательный палец* и в том же значении *вышний палец*.

Как видно из приведенного материала, названия пальцев, за исключением большого, установились в русском языке довольно поздно. Так было и в других славянских языках, при этом все славянские названия пальцев очень близки.

В значении названий мизинца всюду присутствует элементарный смысл 'маленький'. Это относится и к описательным названиям, в состав которых входит прилагательное со значением 'маленький', например, польское — *mały palec*, сербскохорватское — *мали прст*, болгарское — *малкият прѣст*; и к существительным, образованным от корня *mal-*, чешское — *malík*, словацкое — *malíček*, верхнелужицкое — *małušk*. В словах, родственных русскому *мизинец* — белорусское *меженец*, украинское *мизинець*, словенское *mezenc*, также заключено это значение, если учесть, что корень этих слов имеет значение 'маленький', 'младший, меньший'. Например, по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, *мизинец* значит 'меньшой сын; младший брат; вообще малый, малейший, меньшой' (ср. также украинское *мизинець* 'самый младший сын в семье', болгарское *мизинец* 'младший сын', *мизинка* 'младшая дочь', сербскохорватское *мезимац*, *мезинек* 'младший сын'). Значение 'маленький' присутствует и в названиях мизинца, являющихся уменьшительными образованиями от существительных со значением 'палец' — в верхнелужицком *poršcik* (*porst* 'палец') и в нижнелужицком *palack* (*palc* 'палец').

Прозрачны по смыслу названия трех остальных пальцев — указательного, среднего и безымянного. Названия указательного пальца во всех славянских языках связаны со значением 'указание' и глагольным корнем *kaz-* (ср. русские глаголы *указать*, *показать*): русское — указательный палец, белорусское — указальны палец,

украинское — вказівний палець, словацкое — ukazovák, сербскохорватское — кажипрст, болгарское — показалец и т. д.

Палец, следующий за указательным, в славянских языках называется *средний, срединный палец*, ср.: русское — средний палец, белорусское — сярэдні палец, украинское — середний палець, польское — śródkowy palec, чешское — středníček, сербскохорватское — средњак, средњи прст, болгарское — среден прст.

Все названия безымянного пальца можно разделить по смыслу на три типа: 1) 'не имеющий специального названия' (русское *безымянный палец* и такие же названия в белорусском, болгарском языках); 2) 'предшествующий мизинцу' (украинское — підмізинний палець, сербскохорватское — домали прст); 3) 'палец, на котором носят кольцо' (чешское — prsteník, словенское — prstanec). К последней группе можно отнести и польское serdeczny palec — название, объясняющееся тем, что на этом пальце носят обручальное кольцо. Особым образованием является нижнелужицкое stwórtu palc 'четвертый палец'.

По внешней форме названия пальцев в славянских языках делятся на описательные, состоящие из сочетания существительного *палец* и прилагательного, — в русском, белорусском, украинском и польском языках, и на специальные существительные — в словацком, чешском, верхнелужицком. В остальных славянских языках сосуществуют названия обоих типов.

В.К.Л.

Орган, организм, организация, органический

Хотя перед нами, несомненно, однокоренные слова, трудно на первый взгляд представить себе их смысловую связь и лексикопроизводные отношения. Сравним: ¹*орган* 'часть организма' (и другие значения), ²*оргán* 'музыкальный инструмент', *организация* — действие по глаголу *организовать* и 'объединение людей, учреждение', *организм* 'живое существо' и т. д. История этих слов в русском литературном языке XVIII—

XIX веков также отличается сложностью, обилием переходных форм и оттенков. Лишь некоторые современные значения слов напоминают о былой соотносительности, синонимии их. Например, как отмечает «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, слово *организация* в разговорном стиле речи может означать то же, что 'организм'; говорят: «У него слабая организация», т. е. его организм, сложение не крепки.

Слово *оргán* (от греческого *organon* 'орудие, инструмент') — давнее в русском языке, оно встречается, например, в памятниках XV—XVI веков в значении 'музыкальный инструмент'. Однако уже в это время широко распространены образно-переносные и иные смежные значения слова. Оно употреблялось при указа-

нии средства, орудия вещания — о предметах и о человеке. В старых церковно-книжных текстах читаем: «Лука [проповедник], благоухновенный орган, вещая словеса...». Чаще всего при этом подразумевалось словесное «вещание» и *орган* мог служить наименованием голосового, словесного аппарата человека, например, в сочетании *словесный орган* или в таком поэтическом отрывке: «Сего ради не оскудеет от внутрь сердца моего любовь, ниже [— как и] от орган гласа хвала». Эти прямые и переносные осмысления сохраняются в русской книжной традиции и позже.

Читатель «Северного вестника» (1805) встречал это слово в значении ‘голосовой аппарат’ (о росте ребенка): «Скоро распространится орган в груди твоей, скоро станешь ты говорить внятнее...». В одной из статей А. С. Пушкина можно отметить слово *орган* в смысле ‘голос, вокальные данные’ (о певце): «...Благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный». В следующем пассаже из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» *орган* означает ‘звучание (голоса), вообще звук (в искусстве)’:

...Не их вина, пойми, коль может,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!

До наших дней такое употребление не дошло, и новое время (XVIII—XIX вв.) ознаменовалось в истории слова *орган* возникновением современного значения — ‘орган чувства’ (не только говорения). «Словарь Академии Российской» именно так определяет его: «Чувствилище, орудие чувств в животных». Русский мыслитель второй половины XVIII века П. А. Словцов употребляет слово в данном качестве в фило-

софском стихотворении «Материя»: «...[Существа имеют] может статься, чувственный орган, Кто испытал, не дышит ли тюльпан?».

Тогда же слово получает дальнейшее смысловое расширение и означает ‘часть организма, выполняющая определенные функции’ — в «Письмах о природе и человеке» известного писателя и просветителя XVIII века А. Д. Кантемира, в работах естествоиспытателя-материалиста первой половины XIX века М. А. Максимовича и др. Хотя эти новые свойства были продолжением прежних, но обусловлены они и новыми факторами — сближением с иноязычными терминами, прежде всего с французским *organe*, который в XVIII веке, по определению «Словаря Французской Академии» того времени, имеет аналогичные значения — ‘части тела, служащие к восприятию ощущений или действию животного’.

Именно таким путем — на основе собственных исходных качеств слова и в результате своеобразного «напластования» значений сходно звучащего иноязычного слова — происходит в первой половине XIX века формирование еще одного современного нам значения: *орган* ‘средство выражения мнения, сведений’. Вначале оно приложимо и к человеку и к печатному изданию. Вот типичные примеры из публицистики того времени: «...[Это делает автора] органом рассудка и всемирной истины»; «сделаться органом просвещенных русских») («Московский телеграф», 1832) «Итак, я решаюсь быть органом нового общественного мнения» (Белинский. Литературные мечтания); «Она [газета] ... служит для некоторых правительств полуофициальным органом» («Энциклопедический лексикон» Плюшара, 1837).

Скоро это употребление замыкается применением слова преимущественно к печатным периодическим изданиям.

С конца XVIII века в русской словарной и литературной практике начинает осознаться и омонимичность: ¹*орган* 'музыкальный инструмент' и ²*орган* 'часть организма'. Такое разделение проведено, например, в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского 1804 года, там же предпринята попытка разделить слова по ударению: ¹ *орга́н* и ² *орган*. (Ударение на первый слог отмечается и в «Словаре Академии Российской».) Однако четкого разграничения этих двух слов по ударению не удается достичь еще долго: во втором случае сплошь и рядом встречается ударение *орга́н* (ср. в приведенных выше стихотворных примерах: тюльпа́н — орга́н, органа́ жизнь).

Любопытно, что сейчас старое значение слова *орга́н* настолько забыто, что встречающееся похожее (или такое же) современное употребление слова воспринимается как совершенно новый образ: сравнение с органом — музыкальным инструментом. В статье искусствоведа Л. Ройзмана «Могучий пленник» («Неделя», 26 мая 1968) приводятся слова М. Рылского — «Здоров будь, Пушкин мой, земли орган могучий». Сравнение ли это творчества поэта с торжественным звучанием музыкального инструмента или здесь поэт — выразитель, «певец» земли (человечества)?

Такое же рельефное, осложненное переходными ступенями развитие обнаруживает и прилагательное *органический*. Возникнув во второй половине XVIII века, оно вначале непосредственно связано по смыслу со словом *орган* 'орудие чувства' и в словарях того времени определяет-

ся — 'снабженный чувствами'. Наиболее распространенное сочетание — *органическое тело* 'живой организм, обладающий способностью к ощущениям'. Однако уже к концу XVIII века смысл таких сочетаний меняется вместе с развитием слова *орган* 'орудие чувств' — 'часть организма'. Сочетание начинает означать вообще 'живое (животное) тело'; в упомянутом «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского слово *органический* определяется так: «Членосоставный, говорится о телах, в состав которых входят мясные, сухожильные и другие части и сосуды». По соотносительности со словом *организация* оно также характеризует предмет как относящийся к органу или организму в целом, например: органические жилки, органические частицы.

И лишь на следующем этапе *органический* получает вполне современный нам смысл 'относящийся к живому миру — растениям, животным, человеку'. В журнально-публицистической литературе уже в 20—40-х годах XIX века находим такие примеры: изучение органических форм, сфера явлений мира органического. Но в словарях это значение появляется гораздо позже, лишь в Словаре В. И. Даля: «*Органический*... принадлежащий к какому-нибудь из двух высших царств природы, животному или растительному».

Другое употребительное в наши дни переносное значение — 'целостный, внутренне связанный' тоже представлено в журналистике 20-х годов XIX века, например: «Некоторое органическое целое, полный круг явлений» (альманах «Мнемозина», 1825). «Органическое развитие» («Московский вестник», 1827). С установлением новых значений прежние, промежуточные свойства и оттенки слов, как правило, отпадали.

Во второй половине XVIII века в обиход входит существительное *организация*. Источники этого заимствованного слова — французское *organisation* и латинское *organisatio*. Его основное значение в это время — ‘совокупность частей живого тела, организм’. В одной из статей «Ежемесячных сочинений» (1759), издававшихся Академией наук, указывалось, например, на зависимость психического склада человека от свойств организма и окружающей среды; в значении ‘организм’ автор употребляет новое слово *организация*: «Наш нрав... и все, что ни есть в нас, имеет основание свое на организации и на находящихся около нас обстоятельствах». Использует это слово и А. П. Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии»: «От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают».

В книжном языке в том же значении, что и *организация*, употреблялись в XVIII веке слова и сочетания *членовое составление* (Тредиаковский), *членосоставление* («Северный вестник»), *строение*: «...познавать строение всех существ», *органическое устройство* и др. В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского: «*Организация*. Лат. Членосоставление, образ, коим тело организовано, устроено, одарено чувствами, чувственными орудиями».

Важнейшим сдвигом в дальнейшей истории слова *организация* в первой половине XIX века стало употребление его с дополнениями в родительном падеже: организация (чего?) и определениями, характеризующими строение, состав чего-либо. Круг лексики при этом расширяется, включая слова конкретно-предметного и отвлеченного содержания (последнее отмечается в словарях того вре-

мени как употребление «в иносказательном смысле»). Вот примеры из журналов и научно-литературных текстов первой половины XIX века, некоторые из них близки к словопотреблению наших дней: «Организация моего сердца» (имеется в виду, конечно, не анатомическое «строение» органа, а склонности, настроения человека); «Организация человеческого ума»; «Духовная наша организация»; «Организация общественная»; «Организация промышленности» (*промышленность* еще не в теперешнем смысле, а вообще ‘хозяйство, экономика, добывание средств существования в разных отраслях’); «Растения простейшей организации» и др.

В этих сочетаниях нет еще «глагольного» значения, оно возникает только во второй половине XIX—XX веков, — *организация* как действие по глаголу *организовывать* (*организовывать* — что? — *организация* — чего?). Поэтому современные нам «отглагольные» сочетания «*организация* + дополнение в родительном падеже» резко отличны от тех, которые можно встретить в текстах, например пушкинского времени, именно тем, что сейчас дополнение в них указывает по существу объект действия (*организация* — чего? — *школы, вечера, помощи* и др.), тогда как в первых десятилетиях XIX века оно лишь указывало предмет, о свойствах, строении которого шла речь (*организация сердца, ума, души* и др.).

Позднее других, в первые десятилетия XIX века, входит в употребление слово *организм*. Оно появляется в ту пору, когда другие однокоренные слова (*органический, организация*) имеют уже сложившиеся и складывающиеся новые значения. Поэтому смысл его сразу сложнее и

«современное»; оно выступает в том же значении, что и сейчас, — «совокупность частей живого тела» и переносно — «единое целое».

Так к середине XIX века оформляется все гнездо слов: ¹ оргán, ² орган, органический, организация, организм, организовать. Некоторые современные нам значения этих слов формируются в литературно-публицистическом языке позднего времени — во второй половине XIX и в XX веках. Это, например, *organ* 'ору-

дие, средство' (в «Письмах об изучении природы» А. И. Герцена и др.), *организация* 'союз людей, общественное и государственное учреждение' (в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР — только примеры XX века), прилагательное *организационный* и т. д. Они складываются в иных условиях, наполняющих старые слова новым содержанием.

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

НЕБО В АЛМАЗАХ

Это выражение впервые появилось в финале пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», в словах Соли: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка».

Именно как символ справедливости и красоты, надежд на светлое будущее это выражение стало крылатым и употребляется в современной литературной речи, например: «Тогда на новогодних вечерах плакали и цеди, произносили нудные, как осенний дождь, речи, одни ораторы называли себя лишними, другие мечтали увидеть через тысячу лет небо в алмазах» (Рябов. Год мицунший; приведено в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова». М., 1966). Ср. также нарочито неточное: «Борис Львович, хирург из Старой Каменки, заключил свою телефонную беседу так: — Не знаю, не знаю, друг мой, но я — старый идеалист, верю, мы увидим на небе звезды, или что-то в этом роде, как сказал Чехов. Будем на-

деяться на лучшее...» (Герман. Я отвечаю за все).

Иногда, впрочем, это выражение может употребляться в разговорной речи не в установившемся значении, а просто как своеобразное «украшение», как дань привычной ассоциации, связи слов *небо* и *алмазы*: «...Сергей Сергеевич скажет: — А не полубоваться ли нам небом в алмазах? Это значило, что сейчас мы всплывем на поверхность, чтобы пополнить запасы воздуха и поговорить по радио с „Богатырем“» (Голубев. Гость из моря). Уже такое «разговорно-интеллигентское» употребление выражения *небо в алмазах* свидетельствует о возможности его «девальвации», о том, что, употребляясь в разговорной речи, оно может отойти от значения, сформировавшегося на базе чеховского текста и ставшего традиционным в литературном языке.

По-видимому, уже в дореволюционную пору — из-за слишком частого употребления (ср. в приведенном примере из фельетона И. Рябова) — выражение начало восприниматься как стертое. Об этом свидетельствует его характеристика в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается»:

Символика приторной
Лишняя патоса,
О небе в алмазах
Беспильная грусть...

Правда, с этим восприятием как бы полемизирует З. Паперный: «Пер-

сонаж юмористической пьесы восклицает, перефразируя Чехова: „Мы увидим небо в тех или иных алмазах!“. Возмущенное восклицание героини „Дяди Вани“, ее возвышенно-томительная мечта сдвинута одним только добавлением — „тех или иных“. В музыкальную тираду вдруг вкрапились какие-то слова-паразиты — и вся возвышенность разлетелась» (Человек, похожий на самого себя. М., 1967). Однако нам кажется, что самый выбор выражения для (пусть даже неудачного) комического обыгрывания уже говорит о возможности восприятия его как банального (над такими выражениями охотно иронизируют).

Вероятно, в результате иронического переосмысления в разговорной речи появилось выражение, имеющее своей базой *небо в алмазах*; но и значение его и стилистический характер резко отличны от крылатого выражения: «— Ша! Чтоб тихо было! — шагнул Штуха к юридическому и поднес к его носу кулак. — Чуешь? Увидишь небо в алмазах!» (Зуев-Ордынец. Сказание о граде Ново-Китеже); «...думал Ленька... Глупо, милый, очень глупо. Скорее тебе покажут небо в алмазах» (Гладилин. История одной компании); «Ох, — сказала она (Аська)

с яростью, — мне бы хотя бы одного фашиста вот сюда в руки, я бы показала ему небо в алмазах» (Уварова. Мытная улица, 7).

Это разговорное выражение, не зная его, иногда воспринимают как импровизацию в речи: «Он (Шергин) вспоминает комический инцидент, происшедший недавно на его московской квартире. Пришли в гости два паренька, вместе слушали радиопостановку чеховского „Дяди Вани“. Закончилась передача. Стали ребята делиться впечатлениями, не сошлись в чем-то и повздорили. И тут один другому пригрозил полшутя: „Ты у меня увидишь небо в алмазах!“». Шергину доставляет видимое удовольствие рассказывать об этом случае: — Остроумный народ, эти мальчишки, на лету хватают!» («Литературная газета», 6 августа 1966).

Очевидно, что выражение *увидеть—показать небо в алмазах* имеет значение угрозы; его разговорно-непринужденный характер противопоставлен той возвышенной «книжности», которая характерна для употребляющего в литературе крылатого выражения *Мы увидим небо в алмазах*.

Б. Ш.

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Найдите ошибки и исправьте текст (из газеты «Ленинец», 31 июля 1968, г. Видное Московской области).

Как прошлым, так и нынешним летом в колхозе имени Горького применен групповой метод уборки. Он позволяет облегчить техническое обслуживание техники, быстрее завершить жатву на тех полях, где хлеба созрели раньше. Темпы и качество — главный критерий страдной поры. Проводить ее поручено лучшим механизаторам Н. Рогачеву, С. Кузнечикову, В. Федотову, Н. Копаву. Не первый год работают они на хлебных нивах. Каждому присущи большое трудолюбие, мастерство. Вот и нынче они уверенно ведут степные корабли. Техника не подводит. Механизаторы прилежно отремонтировали ее. На все агрегаты поставили уплотнители, что позволяет не допускать потерь зерна.

В хозяйстве предприняты все меры, чтобы сберечь урожай.

(Ответы на стр. 102)

ТУЗЕМЕЦ

История этого слова уходит в глубь веков. Оно существовало еще в эпоху общеславянского единства, и поэтому известно не только русскому, но и некоторым другим славянским языкам: болгарскому, польскому, словенскому, чешскому, встречается в памятниках старославянского языка (тоуземьць).

Слово *туземец* в древнерусском языке имело значение 'местный житель', например: «Сказаша си туземци» (Повесть временных лет); встречаются и другие варианты: тоземьць, тоземльць, тзьемльць, а также: тоземьцинь. Этимология этого слова прозрачна. Оно образовалось путем сложения местоимения *ту*, корня слова *земля* и суффикса *-ьць*.

Одним из первых словарей, который отметил слово в значении 'тамошний обыватель', был «Лексикон славенороссийский» Памвы Берынды (1627). В языке XVIII века это значение сохраняется. В «Словаре Академии Российской» (1792) оно определено так: туземец — 'тутошнего места уроженец', т. е. местный житель.

Формирование современного значения начинается в первой половине XIX века. «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) дает, еще не разделяя, в одном определении два близких, но не тождественных значения: 'природный житель какой-либо земли или страны, тутошний уроженец'. В Словаре Даля они отгены более отчетливо: 'здесьний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь'.

С течением времени основным значением становится 'коренной, местный житель какой-либо отдаленной отсталой страны'. Такой укрепившийся за этим словом смысловой акцент отмечен Толковым словарем русского языка Д. Н. Ушакова: туземец — 'уроженец и коренной житель какой-нибудь местности или страны, в противоположность приезжему или иностранцу'. Академические словари (1961 и 1965) уточнили некоторые детали, подчеркнув, что имеется в виду местный житель «отдаленной от центров цивилизации», «колониальной» страны.

Первоначальное значение 'коренной, местный житель любой области', которое было еще в древнерусском языке, воспринимается как устарелое, например: «Здесь я встретил одного из туземцев, старого Гаврилу, бывшего когда-то моим дядькой» (Достоевский). Так постепенно сложившееся новое значение вытеснило старое, исконное.

Однако история слова на этом не закончилась. До последнего времени *туземец* было безразлично к литературным жанрам, но в

языке современной литературы можно заметить зависимость его употребления от стиля произведения, от изображаемой ситуации и т. п. Чем это можно объяснить?

Как уже было отмечено, в XIX веке сложилось новое значение, противопоставлявшее европейцев народам нецивилизованных стран. Оно вобрало в себя не только стилистически нейтральное 'коренной житель', но и представление о дикости, невежестве.

В качестве синонимов нередко подбирались слова *дикарь*, *дикие люди*. Вот несколько примеров: «Мариан попробовал было взять туземца за руку, но тотчас же раскаялся в своем намерении. Дикарь громко вскрикнул и скрылся в кустах, откуда поглядывал по временам, не решаясь покинуть свое убежище»; «После оказалось, что схватка случилась только потому, что французы не поняли дикарей» (Опочинина. Самые дикие люди на земле); «Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми» (Миклухо-Маклай. Путешествия).

Однако в последние десятилетия во многих, ранее отсталых, колониальных странах произошли изменения в культуре, общественной и экономической жизни. Изменилась их роль в отношениях с другими государствами. В новых условиях слово *туземец*, имеющее отрицательный оттенок в значении, оказалось не всегда подходящим для современной литературы.

Наиболее чувствительным к происходящим изменениям стал язык научных изданий, словарей и справочников, исключаящий возможность какой-либо двусмысленности. Вместо *туземец* здесь используются такие слова и словосочетания: *коренные жители*, *местные жители*, *местное население*, *островитяне*, названия жителей по принадлежности к племени или народности (маори, меланезийцы, яванцы и др.). Сравним, например, описание жителей островов Ява и Суматра в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1901—1904) и в современных описаниях этих островов.

Около 99 процентов (Яв.— И. П.) составляют *туземцы*, все малайской расы, говорящие на малайских языках, и мусульмане суниты.

С тех пор С[уматра] находится во владении голландцев, за исключением Ачина, где ими ведется постоянная борьба с *туземцами* (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

Подавляющую часть почти 63-миллионного населения острова (Ява.— И. П.) составляют *яванцы*, насчитывающие более 42 млн человек и заселяющие его почти целиком, за исключением западной оконечности, где обитает народ сунда (13,3 млн человек).

В последние десятилетия колониального режима европейские предприниматели интенсивно занимались на острове разведением плантаций, на которых, как и в промышленности, беспощадно эксплуатировался труд местного населения (Г. Е. Марков. Народы Индонезии. М., 1963).

В научной, прежде всего этнографической, литературе вместо *туземец* употребляются стилистически нейтральные однозначные термины *aborigen* и реже *автохтон*. Например: «Если Маклай был пионером антропологического и этнографического изучения Новой Гвинеи, то начало лингвистического ее изучения, классификации аборигенов по языковым группам было положено лингвистом Фридрихом Мюллером» («Народы Австралии и Океании». М., 1965).

Абориген появилось в русском языке на рубеже XVIII—XIX веков, в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1803) имеется, по-видимому, одна из самых ранних фиксаций. Это слово имеет широкое распространение в других языках, являясь интернациональным термином.

Происходит оно от латинского *aborigenes*. Сначала в латинском языке этим словом назывались предки латинян — древнее племя, заселявшее среднюю Италию до вторжения троянцев, а затем коренные жители вообще. Другой синоним слова *туземец* — *автохтон* (от греческого *autochtones*) не получил в русском языке широкого распространения.

Туземец потеснилось, но не исчезло из языка. В научно-популярной литературе о путешественниках прошлого, изучавших народы отдаленных стран, оно сохраняется. Например, в книгах и брошюрах о Н. Н. Миклухо-Маклае, опубликованных в 50-е и 60-е годы, *туземец*, *туземный* встречаются очень часто, как и в работах самого ученого.

В художественных произведениях, переведенных на русский язык, наблюдается разная степень употребительности *туземец* и производных от него — *туземка*, *туземный*. Например, в книге Э. Лундквиста «Дикари живут на западе» (М., 1958) эти слова встречаются довольно часто, а в книге Д. Хантера «Охотник» (М., 1965) случаи их употребления единичны.

Изредка *туземец* встречается и в языке политической литературы, когда речь идет о населении зависимых стран: «В январе 1948 года в Могадисио во время пребывания там комиссии четырех держав произошли серьезные беспорядки, во время которых было убито до сотни итальянцев и туземцев» (речь А. А. Громыко. — В кн.: Внешняя политика СССР. М., 1949).

Таким образом, изменения в жизни слова *туземец* продолжают-ся. Этим и объясняется не всегда одинаковая оценка его в словарях: в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» в своем основном значении оно приведено без каких-либо ограничительных помет, а в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова сопровождается пометой «устарелое». Однако, как показывают наблюдения, слово вышло из активного употребления только в языке научной литературы.

И. А. ПОПОВ
Ленинград

Д Ы М О Т Е Ч Е С Т В А

Долгое время принадлежность выражения «И дым отечества нам сладок и приятен» А. С. Грибоедову считалась бесспорной. И в самом деле, именно благодаря ему оно стало крылатым, хотя в других вариантах было известно задолго до Грибоедова, написавшего комедию «Горе от ума» в 1824 году. Комментируя строки

Когда ж постранствуешь, воротисья домой,—
И дым отечества нам сладок и приятен,

Я. К. Грот писал: «Встречая этот стих в „Горе от ума“, многие считают самого Грибоедова автором его. Так, в фельетоне „Санкт-Петербургских ведомостей“ 22 октября 1860 года (№ 20) оба приведенных стиха без всяких оговорок приписаны Грибоедову» (Сочинения Державина. СПб., 1865).

В примечании к державинскому стихотворению «Арфа» Я. К. Грот писал, что еще у Гомера о тоске Одиссея по родному дому говорится: «Но, напрасно желая Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий, Смерти единой он молит».

Эта же мысль повторяется римским поэтом Овидием в «Посланиях с Понта». Находясь в изгнании, Овидий вспоминает Одиссея (по-римски — Улисса), который так же, как и он, тосковал по родине: «Никто не станет сомневаться в мудрости Улисса. Но и он желал иметь возможность видеть дым, поднимающийся от его очага. Каким-то сладостным чувством охватывает и влечет нас родная земля и не позволяет нам забыть о ней».

М. И. Михельсон в книге «Русская мысль и речь» (1912) приводит не только цитаты из русской классической литературы с крылатым выражением о сладости отечественного дыма (из Державина, Вяземского, Батюшкова, Лескова и др.), но и пословицы: древнегреческую — «Дым отечества лучше, чем огонь на чужбине» и латинскую — «Et fumus patriae dulcis» — (И дым отечества сладок), на основе которых оно было создано. Авторы книги «Крылатые слова» Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в дополнении к объяснениям Я. К. Грота и М. И. Михельсона приводят примеры более позднего его употребления В. Маяковским и Л. Никулиным.

Таковы истоки грибоедовского стиха.

Выражение о дыме отечества в русском языке появляется, по-видимому, уже в 70-е годы XVIII века. Именно в эти годы в России заметно усиливается интерес к античности и в особенности к Гомеру. В 1766 году выходит в свет «Тилемахида» В. К. Тредиаковского, написанная в традиции гомеровских поэм.

Тредиаковский предпослал своей поэме обширное предисловие, в котором с восторгом пишет об «Илиаде» и «Одиссее». В 1776 году П. Екимов переводит «Омировы творения».

Расцвет классицизма в русской литературе XVIII века также был связан с усилением интереса русских образованных людей к античности.

Одним из ранних предшественников Грибоедова, употребивших сходное выражение, был ныне забытый русский поэт XVIII века Ф. Я. Козельский.

В стихотворении «Размышление о любви отечества» (1778) он пишет:

О коль согласие в фамилии полезно?
О коль отечество всем должно быть любезно!
Оно вам жизнь дает, оно питает нас,
Покоит, веселит, блюдет на всякий час:
Кто будет злом хотя от оног отвратен?
Скажу с творцом: и дым отечества приятен.

Из приведенных строк видно, что не Ф. Я. Козельскому принадлежат слова «И дым отечества приятен». Он ссылается на некоего «творца» (так в XVIII веке называли писателя, поэта, автора вообще), не называя его имени. Можно предположить, что поэт имеет в виду великого Гомера.

О широком распространении в русской литературе XVIII — начала XIX веков этого крылатого выражения и о его возможном источнике свидетельствует еще один из ранних примеров его употребления.

Известный русский поэт В. В. Капнист, превосходный знаток древнегреческой литературы, в предисловии к неизданному сборнику своих статей, посвященных гипотезе о происхождении славян от гиперборейцев (народа, упоминаемого в античной мифологии), приводит слова «И дым отечества приятен», прямо ссылаясь на Гомера. Огорченный тем, что его гипотеза не встретила поддержки, он пишет: «Толь важное открытие сообщил я некоторым просвещенным приятелям моим, и они сочли оное бредом! Сколь ни прискорбно было мне слышать таковое их о новоотысканной мною вероподобности заключение, но как, по словам Гомера, и дым отечества приятен, то продолжал я заниматься на досуге бредом о славе родоначалия нашего».

.....

Не раз обращался к этому выражению и Г. Р. Державин. В стихотворении «Арфа» (1798) слова о сладости дыма отечества почти полностью совпадают с грибоедовскими:

Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

В патриотической драме «Пожарский, или освобождение Москвы» (1806) эта мысль выражена несколько иначе:

Отечество! когда твой дух днесь слаб и нравы,
А мне любезен прах, приятен твой и дым:
То с чем сравню я ту радость, восхищенье,
Как естли вокруг тебя увижу свой народ
И в лаврах средь торжеств и пальм во отененье?
Благ смертных выше сих и небо не дает.

Отзвуки державинской «Арфы» мы встречаем у К. Н. Батюшкова в «Послании к Муравьеву-Апостолу» (1816):

В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,
Отчизны сладкий дым и древний град отцов.

Итак, непрерывность традиции, устойчивое бытование крылатых слов о дыме отечества в русском языке с 70-х годов XVIII века вплоть до Грибоедова очевидны. Но со времени создания комедии «Горе от ума» они, облеченные в знаменитый грибоедовский стих, получили широкую известность и стали употребляться как пословица. До 40-х годов XIX века не был забыт и стих Державина:

Отечества и дым нам сладок и приятен!
Не самоваром ли — сомненья в этом нет —
Был вдохновен тогда великий наш поэт?
И тень Державина, здесь сетуя со мною,
К вам обращается с упреком и мольбою
И просит, в честь ему и православию в честь:
Конфорку бросить прочь и — самовар завезть.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Самовар. 1840

Но с 60-х годов XIX века, как уже указывалось выше, традиция употребления этого выражения до Грибоедова была забыта. Грибоедовский стих «И дым отечества нам сладок и приятен» стал единственной формой существования старинного крылатого выражения.

З. М. ПЕТРОВА
Ленинград

.....

ЛЕГЕНДА О ТОПОРЕ

«Мое влияние на туземцев оказалось так сильно, что мне удалось совсем прекратить междоусобные войны... — говорил Николай Николаевич Миклухо-Маклай 28 сентября 1882 года. — Я застал их на самой низкой ступени развития: металлов они совсем не знали и все их орудия были сделаны из камня, кости и дерева... Они не умели добывать огонь... многое должно было измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними. Так, они познакомились с употреблением железа и целого ряда других предметов, которых прежде совершенно не знали, и ряд новых идей явился в их уме». Более двух десятилетий спустя немецкий ученый Хаген сказал о том же более точно, энергично, без преувеличения: «Прибытие Миклухо-Маклая в бухту Астролябии явилось для тамошних папуасов фактом такого значения, крупнее которого трудно и представить себе в жизни народа».

На берегу Ириана (Новой Гвинеи), еще при жизни ученого получившем имя Берег Маклая, он побывал три раза: в 1871—1873 годах провел 15 с половиной месяцев, во второй раз в 1876—1877 годах — около 15 месяцев и шесть дней он пробыл в последний раз в марте 1883 года. Казалось бы,

срок невелик. Но, когда на Ириане в 1884—1885 годах побывал Отто Финш, этот видный немецкий ученый и путешественник был поражен, обнаружив отчетливое влияние своего великого предшественника на лексикон папуасов: «Никогда бы я не поверил, что немногие русские слова, которые я выучил во время моего сибирского путешествия, могут мне пригодиться среди так называемых дикарей Новой Гвинеи, но это было так! Gleba (хлеб), Tarog (топор), Schiray (секира), Noscha (нож) были здесь постоянно повторяющимися словами в языке папуасов». Эти русские слова, пришедшие с новыми предметами, свидетельствовали, что в хозяйстве народа из каменного века совершен поистине революционный переворот.

Капитан корвета «Витязь», доставившего Маклая в 1871 году к Новой Гвинее, писал в рапорте: «Железо им не было известно. Когда я им показал два железных прута, то они смотрели равнодушно, но увидя его (!) гибкость, а потом услыша звук при ударе железа о железо, они были удивлены таким материалом и приняли этот подарок с удовольствием». Хаген, по поручению которого миссионер Гофман выявлял сохранившуюся у туземцев память о Маклае, писал более трех десятилетий спустя после первого визита Маклая: «Каково было впечатление, произведенное железным топором и его преимуществами сравнительно с соответственными жалкими орудиями из камня, видно из того, что русское слово „топор“ сохранилось еще до настоящего времени в языке селения Бангу». В язык папуасов проникло еще одно слово, обозначавшее металлический инструмент, — пила. Вооруженные новыми для них орудиями труда, жители Ириана могли более

успешно и с меньшей затратой энергии обрабатывать плантации, возводить постройки, сооружать лодки и мастерить предметы обихода.

Дюмон-Дюрвиль, открывший залив и присвоивший ему название своего корабля «Астролябия», близко к берегу не подходил и не высаживался, так как потерял якоря. Поэтому в памяти папуасов не сохранилось воспоминаний об этом первом визите белых людей. Не то было с Маклаем, первым белым, пришедшим к папуасам и жившим с ними, — он стал героем многих легенд, преданий и песен. А главной стала легенда о топоре, о железных орудиях. Ее в начале нашего века записал Демпвольф и опубликовал в статье о языке туземцев Били-Били, островка в заливе Астролябии, на котором побывал Маклай во втором и третьем путешествии. Жители островка славятся и славятся сейчас как искусные гончары и в прошлом земледелием не занимались. Легенду приводим без сокращений:

Наши предки раньше не работали (т. е. не занимались земледелием. — С. В.). Они выменивали пищу у людей Снар и Грагер (островки севернее Били-Били. — С. В.). Теперь мы сами работаем, но раньше наши предки не работали, они жили доходами от гончарства. Тогда пришел Маклай и дал им — дал нам — железо; теперь мы работаем с помощью ножей и топоров. Маклай говорил: «О, люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на плантации, и обрабатывайте поля, работайте и ешьте, ваши каменные топоры не острые, они тупы. Бросьте их в лес, они плохие, не годятся, они тупы. Так говорил Маклай, а также Кубари» (более поздний немецкий путешественник — С. В.).

В эффективности железных топо-

ров туземцы могли убедиться в первые дни прибытия русских, когда матросы расчищали площадку под хижину Маклая. В дневнике ученого читаем: «Своими каменными топорами они не порубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы за несколько дней». Естественно, это не могло остаться незамеченным.

Начало «железного века» у папуасов залива Астролябии ознаменовалось также значительным расширением круга культурных растений и знакомством с животноводством. Это также обогатило словарь папуасов русскими словами. Помимо упомянутых в их лексикон вошло еще четыре слова.

Финш писал, что с введением такого полезного для туземцев дела, как животноводство, крупный рогатый скот папуасы стали называть *Вика*. Но слово *бык* было известно до того, как Маклай помог папуасам обзавестись домашним скотом. Офицер Ракович в отчете о плавании клипера «Изумруд» писал: «Спустя год после того, как мы расстались с Маклаем, разнесся слух по китайским и японским берегам, что Маклай умер. Об этом сообщено было в Петербург, откуда наше морское ведомство немедленно распорядилось послать на поиски Маклая другое судно, клипер „Изумруд“...». Основанием для слухов было сообщение в австралийской газете о том, что одно торговое судно нашло в живых только слугу Маклая — шведа Ульсена. Было неясным: умер ли Маклай от естественных причин, например от тропической лихорадки, или был съеден каннибалами, что не являлось невозможным. Два дня спустя после того, как клипер вошел в залив Астролябии, Маклай с группой туземцев поднялся на борт «Изумруда», в трюме которого как непортящаяся «живая провизия» находились два быч-

на, привлечших внимание папуасов.

Миклухо-Маклай так описал это первое знакомство папуасов с русским словом *бык*: «Они не могли взглянуть на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя „бик“, „бик“, „бик“... На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но забыв название „бык“ стал спрашивать о „большой русской свинье“. Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет, тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть „большую русскую свинью с зубами на голове“. Один из товарищей подсказал ему: „бик“, и они все хором затянули: „бик“, „бик“...». До сих пор они не видели крупного рогатого скота и потребность в животных белках удовлетворяли мясом диких свиней, клыки которых по форме напоминали рога быков.

Но слово *бык* оставалось только словом в языке папуасов до третьего визита Маклая в 1883 году. На пути из Европы в Австралию после ознакомления научных кругов Берлина, Парижа и Лондона с результатами своих исследований Маклай встретил в Батавии корвет «Скобелев» и вновь направился к друзьям-папуасам. При заходе на Манассар и Амбоину он попросил командира корвета адмирала Копытова приобрести там бычка индийской породы — зебу, двух телок (доставлена была только одна) и коз местной породы, акклиматизировавшихся на Малайском архипелаге, чтобы подарить их папуасам. Привезенный скот вызвал большой интерес. Когда Маклай называл русские имена животных, присутствующие хором повторяли их. Матросы показали, как

доят коров, но никто из туземцев не отважился попробовать неведомый напиток — молоко. При водворении животных в специально сооруженный загон бычок перескочил через изгородь, а за ним последовала и телка, и, как шутливо писал Маклай, «интересная парочка» скрылась в лесу.

Но это не значило, что попытка введения животноводства окончилась неудачей. Когда в следующем году прибыл Финц, он писал: «Что больше всего возбудило мое внимание, это то, что мы меньше всего ожидали, а именно рогатый скот! Бык и корова индийской разновидности зебу, тарачили на нас удивленные глаза одно мгновение, а затем удрали». Оказалось, что «интересная парочка» жива и к «рогатым бестиям» папуасы привыкли!

Возможно, что у папуасов могли сохраниться русские названия козы и молока, но русские исследователи больше не посещали Берег Маклая, а иностранные за малым исключением не интересовались наследием русского ученого. Часто даже в трудах по Ириану имя Миклухо-Маклая не упоминалось в числе его исследователей!

Благодаря деятельности Маклая на берегу его имени было введено множество видов культурных растений и некоторые из них вошли в обиход с русскими названиями, например: *тыква*, *арбуз* и *кукуруза*. В 1871 и 1876 годах Маклай привез папуасам семена разных сортов тыквы, арбуза, маиса, папайи (дынное дерево) и многих других. Он писал, что туземцы были очень довольны семенами и с большим интересом следили за тем, как прорастали эти новые для них растения. Особенно понравились им папайя, арбузы и маис, которые скоро стали их люби-

мым лакомством. Туземцы из отдаленных деревень, прослышав о новых растениях, приходили к Маклаю за семенами. И в последнюю свою поездку в 1883 году Маклай из Макассара и Амбоины привез семена и даже саженцы большого числа растений.

Дынное дерево очень быстро акклиматизировалось на Ириане. Позднее, в 1889 году, ботаник Варбург писал, что «ни одно недавно введенное плодое растение не распространилось с такой быстротой, как папайя, которая была привезена Миклухо-Маклаем в бухту Астролябии, и которую и ныне называют бананом Миклухи». Попутно сообщим, что хотя кокосовая пальма росла в районе залива Астролябии задолго до Маклая, но туземцам не были известны ни способы добычи, ни само употребление кокосового масла — копры, и Николай Николаевич научил их получению этого важного пищевого продукта.

На глазах Маклая распространялись растения, привезенные им, и входили в обиходный язык их русские названия. 2 мая 1872 года он делает в дневнике любопытную запись: «Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца два или три назад, принесли первые плоды. Туй и Лалу пришли утром пригласить меня прийти вечером „поесть тыквы“. Я был удивлен, что они запомнили это слово, и нашел, что оно вошло в общее употребление... Туй пригласил меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась... Новое кушанье показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом и в этом ви-

де скоро уничтожили всю тыкву». Однако слово *тыква* могло не закрепиться в языке папуасов. Финш заметил, что плоды папайи, сладкой дыни и тыквы в районе залива Астролябии часто называли одним словом *arbus*. Многие авторы забывают об этом указании Финша, считая, что словом *арбуз* папуасы называли соответствующий род бахчевых растений семейства тыквенных. Возможно, что все плоды аналогичной формы независимо от генетического родства папуасы предпочитали называть этим именем. Но не исключено и другое: Маклай, наверное, частенько в разговоре называл тыкву хорошо известным ему украинским словом *гарбуз*, и папуасы восприняли его, опустив гортанное *г*. Так слово *арбуз* могло вытеснить первоначально введенное слово *тыква*. Попутно отметим, что за маисом закрепилось почти в неизменной форме его русское название — *kukurus*. Последующие путешественники отмечали, что к названиям всех предметов или растений, введенных Маклаем, туземцы добавляли его имя, отдавая дань уважения и благодарности памяти их друга.

В языке папуасов закрепилось еще одно слово, введение которого было результатом первого путешествия Маклая. Когда в декабре 1872 года клипер «Изумруд» подходил к Берегу Маклая, путешественники были разбужены криками папуасов. Показывая на море, они кричали: «Маклай! О, Маклай! Корвета русс гена!» (Русский корвет идет). Это название типа корабля запомнилось им со времени кратковременного пребывания здесь корвета «Витязь», доставившего «человека с луны». Более 10 лет спустя Финш нашел в дикте туземцев слово *korvette*.

После визитов Миклухо-Маклая

папуасы всех европейцев называли «макляями», прибавляя к этому уже нарицательному имени их государственную принадлежность. Так. Финн для них стал «Маклай-Германия», Ромильи — «Маклай-Англия». Но легенд и преданий об этих «макляях» народная память не сохранила. Это были колонизаторы, дельцы, работоторговцы. Прощаясь с папуасами в ноябре 1877 года, Маклай предупреждал, что «вероятно, другие люди, такие же белые, как и я..., придут... на таких же кораблях... Но очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай». Так оно и было! Хаген, сознавая разницу между Маклаем и более поздними пришельцами, писал: «Этому хорошему впечатлению, которое оставил по себе первый белый посетитель бухты Астролябии, надо приписать, по-видимому, по преимуществу то мягкое, дружественное, предупредительное отношение тамошнего населения к поздним пришельцам, которым мы, преемники Миклухо-Маклая, впоследствии воспользовались в своих интересах. Ах, если бы все мы взяли в пример поведение этого человека в отношении к добродушным детям природы!».

Под сенью стройных, величественных пальм, в ярко зеленеющей мозаике плантаций, в деревнях и в гуще подступающего к побережью тропического леса, как и в каждой хижине туземцев залива Астролябии, на далеком Ириане запечатлен труд русского ученого и путешественника. Это был путешественник особого типа: другие открывали неведомые земли, хребты, острова, озера — Миклухо-Маклай открывал Человека! 25 сентября 1886 года Лев Толстой писал Николаю Николаевичу:

«Умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его не понимают». Миклухо-Маклай пришел к «первобытным» людям не для того, чтобы торговать и покорять. Он не относится с пренебрежением к отсталому народу Новой Гвинеи и потому, как писал Финн, ему «удалось больше, чем кому-либо рассказать о земле и людях того берега, который носит его имя... Как немногие русские слова, так особенно память о первом белом человеке Маклае.. еще долго будет жить среди туземцев порта Константин».

Хотелось бы узнать: живет ли сейчас, 85 лет спустя после последнего визита Маклая, память о нем и сохранились ли русские слова в языке папуасов? Этот вопрос, вероятно, заинтересует и наших читателей. Новый «Витязь» бороздит воды Тихого океана. И он мог бы доставить на Берег Маклая группу «следопытов»: этнографов, антропологов и языковедов, которые, продолжив исследования Маклая, пройдут по его следам и доставят нам ответ на этот вопрос. Вне зависимости от того — с каким знаком будет ответ, он важен для науки и интересен для советского читателя.

С. Р. ВАРШАВСКИЙ,
действительный член
Географического общества СССР

**Федор
Иванович
БУСЛАЕВ**

Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 года в городе Керенске бывшей Пензенской губернии. Его отец — мелкий чиновник, секретарь уездного суда — умер, когда мальчику исполнилось пять лет. Вся забота о ребенке легла на плечи матери, женщины умной, образованной, настойчивой; она целиком посвятила себя воспитанию и образованию сына.

Федор Иванович до конца жизни сохранил о ней самые нежные воспоминания.

Десяти лет Буслаев поступил в Пензенскую гимназию, которую окончил в 1833 году (курс обучения продолжался четыре года). Среди учителей Ф. И. Буслаева был В. Г. Белинский, преподававший в первом классе русский язык. В 1834 году Буслаев был зачислен казеннокоштным студентом на словесный факуль-

тет Московского университета. Здесь читали лекции выдающиеся ученые и общественные деятели того времени И. И. Давыдов, М. Т. Каченовский, Н. И. Надеждин, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, оказавшие на Буслаева большое влияние (особенно С. П. Шевырев и И. И. Давыдов).

Будучи студентом, Буслаев, по предложению профессора И. И. Давыдова, перевел «Общую грамматику» известного французского филолога Дю-Саси с немецкого перевода, сделанного Фатером. Впоследствии ученый вспоминал: «Эту книгу я перевел всю сполна и добавил грамматические подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковнославянскими» (Мои воспоминания. М., 1897, стр. 131). Для Шевырева он составил систематический свод грамматик: Смотрицкого, Ломоносова, академической, больших или полных грамматик

Греча и Востокова, церковнославянской Добровского.

По окончании университета, в 1838 году, Буслаев получает назначение — преподавателем русского языка во Вторую московскую гимназию, а в 1839 году вместе с семьей известного мецената графа С. Г. Строганова отправляется в качестве воспитателя его детей на два года за границу — в Германию, Францию и Италию. Эта поездка не прошла для молодого ученого бесследно: он хорошо изучил памятники античного искусства, что в большой степени определило его дальнейшие научные интересы.

По возвращении в Москву Буслаев возобновляет преподавательскую деятельность, работая в Третьей московской гимназии, а в 1843 году он переходит в Университет в качестве адъюнкта (помощника) профессоров русской словесности И. И. Давыдова и С. П. Шевырева для разбора и исправления письменных работ студентов. К этому периоду относятся его первые печатные работы: статьи, рецензии, обзоры в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки». Тогда же он приступает к созданию своего обширного труда «О преподавании отечественного языка», известного методического и филологического произведения.

В этом же году Буслаев сдал магистерский экзамен и начал вести в Московском университете свои первые самостоятельные курсы по русскому языку и словесности. Буслаев впоследствии любил говорить, что он был первым приват-доцентом в русском университете. В 1848 году он защищает магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию». Это исследование — один из замечательных образцов плодотворного соединения

собственно лингвистического материала с данными истории народа-носителя языка и его культуры. Буслаев привнес в исследование словарные и грамматические извлечения из малоизвестных рукописей. К тому же времени относится опубликованный им ряд трудов по истории литературы.

В 1861 году Буслаев получил степень доктора русской словесности и был назначен ординарным профессором. Он занимал кафедру в течение двадцати лет — до 1881 года. С 60-х годов и до конца своей жизни Буслаев основное внимание уделял древнерусскому и византийскому искусству, древнерусской литературе. Результатом его научных изысканий в этой области было немало ценных исследований, среди которых знаменитая публикация «Толкового Апокалипсиса по рукописям VI—XVII веков с атласом в 400 рисунков»; изданием этого памятника Буслаев сделал серьезный вклад в историческое изучение древнерусских рукописей и русских лицевых изображений.

В 1880 году Ф. И. Буслаев был избран в действительные члены Академии наук.

Он скончался 31 июля 1897 года. Ф. И. Буслаев — филолог в лучшем значении этого слова. Его научные интересы были многообразны: языкознание, история древнерусской литературы, древнерусское и византийское искусство, фольклор, педагогика (главным образом методика преподавания русского языка в средней школе). В каждую из этих наук он внес много ценного и полезного. Труды Ф. И. Буслаева можно было бы разделить на две группы: филологические, лингвистические, педагогические — с одной стороны, и исследования по истории русской литературы, устного народного творчества и искусства — с другой.

К первой группе относятся: «О преподавании отечественного языка» (1844), «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языка» (1861), «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской» (1869), «Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности» (1870) и некоторые другие.

Ко второй группе: «История русской словесности в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа» («Старина и новизна». 1904, № VIII, X), «Общие понятия о русской иконописи» («Сборник общества древнерусского искусства», 1866), уже упоминавшийся «Русский лицевой Апокалипсис» (1884), сборники статей и исследований: «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. I—II, 1861), «Мои досуги» (т. I—II, 1886), «Народная поэзия. Исторические очерки» (1887).

Список научных трудов Федора Ивановича, приведенный нами, далеко не полный. Работы Ф. И. Буслаева по древнерусской литературе и искусству представляют значительный интерес, а для своего времени были выдающимся событием в истории науки.

Труды Федора Ивановича по русскому языкознанию, можно сказать без преувеличения, составляют целую эпоху. Еще на студенческой скамье Буслаев тщательно изучал лингвистическую литературу — отечественную и западноевропейскую. Некоторые из ученых-филологов прилежали его пристальное внимание и оказали влияние. О своем впечатлении о работах Ф. Боппа, В. Гумбольдта и особенно Я. Гримма он писал в книге «Мои воспоминания»:

«Вместе с капитальным исследованием Вильгельма Гумбольдта о родстве и различии индо-германских языков я изучал тогда сравнительную грамматику Боппа... Но особенно увлекся я сочинениями Якова Гримма и с пылкой восторженностью молодых сил читал и зачитывался его исторической грамматикой немецких наречий, его немецкой мифологией, его немецкими юридическими древностями. Этот великий ученый был мне вполне по душе. Для своих неясных, смутных помыслов, для искания осязья и для загадочных ожиданий я нашел в его произведениях настоящее откровение» (стр. 281).

В то время начинает заметно развиваться сравнительно-исторический метод, который особенно увлекает Буслаева. Во всех филологических и лингвистических работах при анализе языковых явлений он мастерски пользуется этим методом. «Исторический метод,— писал он в работе «О преподавании отечественного языка», — обыкновенно идет рука об руку со сравнительным; притом исторический есть уже вместе с тем и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языков в различных периодах времени; и сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен».

Буслаев широко использовал для сравнительно-исторических исследований данные русских народных говоров. Огромный фактический материал, извлеченный из редких рукописных памятников и художественной литературы, церковнославянского, древнерусского и прочих славянских языков, а иногда и относящийся к индоевропейским языкам, Буслаев связывал с историческим развитием народов. В этом отношении Буслаев был достойным продолжателем основоположников сравнительно-

исторического метода Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма. Ф. И. Буслаев первым в русских университетах стал читать курс сравнительной грамматики индоевропейских языков и курс исторической грамматики русского языка; читал он эти курсы с большим мастерством и увлечением, как об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания.

Лингвист, по мнению Буслаева, не должен ограничиваться описанием только структуры языка, перечислением «букв, приставок, окончаний». Исследователь должен «изучать духовную жизнь народа» и с ней соединять собственно языковый материал. Он ценил усилия Якоба Гримма проникнуть в отдаленное прошлое и связать историю народа с историей исследуемого языка. Буслаев полагал, что такой подход к исследованию языковых явлений расширяет возможности проникнуть в сущность самого языка как носителя «духа народа» и глубже познать тайны его развития.

«...Весь состав русского языка,— писал Буслаев,— представлялся мне громадным зданием, которое слагалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетий... Гуляя по берегам Бискайского залива, я любил реставрировать в своем воображении развалины античных храмов и других зданий; теперь с таким же любопытством я реставрировал себе переименованные временем формы русского языка. Современная книжная речь была главным предметом моих наблюдений. В ней видел я итог постепенного исторического развития русского народа, а вместе с тем и центральный пункт, окруженный необозримой массой областных говоров» (Мои воспоминания, стр. 282).

Ф. И. Буслаев занимался также палеографическим описанием древнерусских и старославянских рукописей, их изданием и лингвистическим анализом, исследованием архаичных явлений в рукописях для объяснения современного состояния русского языка. Свою любовь к русскому языку он соединял с трезвым анализом языковых фактов. «Не меньше Константина Сергеевича Аксакова,— писал он,— я любил русский язык, но изучал его не по методу мечтательных умозрений, заодно с ним, а всегда пользовался точным микроскопическим анализом сравнительной и исторической грамматики» (Мои воспоминания, стр. 293).

Явления русского языка Буслаев широко сопоставлял с данными других славянских языков, материалы которых были введены в научный обиход крупнейшими славистами начала прошлого века: И. Добровским, А. Х. Востоковым, В. Копитаром, Н. И. Шафариком и другими. До Буслаева в этой области применительно к русскому языку было сделано очень мало. Историческое изучение русского языка начинается лишь с 40-х и 50-х годов прошлого столетия, и Буслаев занимает одно из самых первых и почетных мест среди таких крупных ученых, как М. Н. Котков, И. И. Срезневский, П. А. Лавровский. Буслаев и ученые-слависты, его современники, особый интерес проявляли к крупным и актуальным проблемам славяноведения: происхождению русского языка, его месту среди других славянских языков, периодизации истории русского языка, роли старославянского языка в формировании всех славянских языков, и русского в частности. Разрабатывались и отдельные вопросы фонетического и грамматического строя славянских языков на исторической основе.

Ф. И. Буслаеву не были чужды проблемы общего языкознания, по которым он высказал ряд интересных мыслей; частично напоминают они идеи Вильгельма Гумбольдта. Буслаева особенно привлекала мысль, что язык представляет собою цельный организм, который находится в процессе непрерывного развития; он связывал развитие языка с развитием мышления, не раз выдвигал положение о том, что язык не представляет собой замкнутую монаду, «язык служит нам для взаимной передачи мыслей. Потому должны знать: 1) что есть представление, понятие, суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими» (Историческая грамматика, § 106) и т. п. Но следует сказать, что общезыковедческие вопросы не были все же в центре научных интересов Ф. И. Буслаева.

Очень большое значение имеет его синтетический труд — «Историческая грамматика», которая, по замыслу автора, должна была представлять собой учебник для средних учебных заведений (составлена она по просьбе военного министерства); но из-за сложности содержания она не была использована в школе. Однако это несколько не умаляет ее больших научных достоинств. В данной работе мы не находим систематической исторической грамматики русского языка, так как автор и не ставил перед собой такой цели. Грамматика названа исторической только по использованному автором методу.

«Историческая грамматика» — это грамматика современного русского литературного языка с историческими экскурсами в целях объяснения явлений современного строя русского языка. Несмотря на некоторые недостатки, отмеченные еще современ-

никами-учеными, «Историческая грамматика» в свое время имела первостепенное значение, оказала большое влияние на последующее поколение исследователей. Этот труд поражает богатством фактического материала, извлеченного автором из большого числа малоизвестных рукописных памятников и собранного в ходе наблюдений над живыми русскими говорами. Буслаев широко использует также образцы русской речи из литературных художественных произведений от Ломоносова до Пушкина. Значительный интерес вызывает раздел, посвященный историческому синтаксису; синтаксис в работах русских грамматистов, опубликованных до Буслаева, почти не находил себе места.

Академик И. В. Ягич дает такую характеристику «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева: «...Это своеобразное сочинение изобилует действительно множеством метких наблюдений в области старинного языка по древним памятникам и также указаний на различные современные особенности в русских наречиях, но систематического анализа всех явлений русской грамматики... напрасно искали бы вы в сочинениях Буслаева. Оно стремилось в духе гриммовских идей только к тому, чтобы в глазах читающего и изучающего это сочинение поднять значение языка как народной святыни, богатого сокровища многих дорогих и важных воспоминаний, уцелевших в течение столетий. В доказательство собраны Буслаевым цветки по полю древнерусской письменности или произведений народного творчества не систематически, а с тонким подбором. Сочинение Буслаева написано так, что оно возбуждает уважение к автору и к предмету. Он поднял, так сказать, нравственное значение рус-

ской грамматики» (История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 537).

Тесную связь с «Исторической грамматикой» имеет «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языка» (1861), которая также предназначалась для средних учебных заведений; она содержала не только обычные хрестоматийные тексты. Наряду с публикацией памятников, уже известных и введенных в научный оборот, Буславев напечатал в ней некоторые рукописи в первый раз. Тексты снабжены подстрочными историко-литературными и лингвистическими примечаниями. Большой популярностью пользовался также «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской» (1869); многие поколения гимназистов и реалистов воспитывались на этих двух буславевских пособиях. (Этот учебник в методологическом отношении не отличается от «Исторической грамматики».)

Некоторые ученые склонны утверждать, что в грамматической системе Ф. И. Буславева лишь подводились итоги логико-грамматического направления. Но позиция Ф. И. Буславева была в действительности сложнее, чем простое следование традициям логистического направления. Буславев прекрасно сознавал и правильно оценивал слабые стороны этого направления и стремился их преодолеть. В работе «О преподавании отечественного языка» он подверг критике логистическую грамматику, которая механически использует «логические начала» и принципы, «ищет сущность вещей не в самом языке». Давая определение различных грамматических категорий, Буславев использует не только логические, но и морфолого-синтаксические критерии. Ему принадлежат многочисленные высказыва-

ния, что язык подчиняется не столько законам логики, сколько законам самого выражения». Буславев называл их «внутренними законами развития языка» (Историческая грамматика русского языка. М., 1858, стр. 506).

Буславев не смог до конца преодолеть противоречие между логистическим и грамматическим подходом к явлениям языка. Но именно на языковой основе он выделил такие грамматические категории, как числительное и местоимение, разделил все части речи на знаменательные и служебные. Таким образом, если до него части речи выделялись преимущественно по семантическим основаниям (Ломоносов, Греч, Давыдов, Востоков и др.), то он стал учитывать морфолого-грамматические признаки.

В грамматической системе Буславева центральное место занимает учение о предложении. «Предложение, — пишет он, — есть суждение, выраженное словами». Определение, как мы видим, чисто логическое, здесь ставится знак равенства между логикой и грамматикой. Сам Буславев не был удовлетворен таким определением и не раз делал попытки внести в него грамматическую основу, но это ему не удалось.

Буславеву принадлежит учение о сокращении и слиянии предложений; особое внимание он уделял структуре сложноподчиненных предложений, форме и функции второстепенных членов. Буславев впервые предложил систему классификации, использующую и морфолого-синтаксический принцип. Буславевская классификация придаточных предложений, его учение о второстепенных членах предложения быстро и надолго нашли свое место в научных и практических грамматиках.

Теоретические позиции Буслаева в области грамматики сейчас сильно устарели, в ряде основных положений грамматическая система его уже не может в настоящее время выдерживать научной критики. Вряд ли кто-либо из современников — грамматистов может разделять учение Ф. И. Буслаева о предложении как суждении, о сокращении, слитном предложении, о сложноподчиненном предложении и второстепенных членах. Но для своего времени система Буслаева была прогрессивной и полезной. Она далеко назад отбросила философскую грамматику XVIII века.

Нельзя забывать и того, что деятельность Ф. И. Буслаева проходила в исключительно реакционное и тяжелое время, в эпоху мертвающей атмосферы николаевского режима, когда царствовала схоластическая грамматика, пребывавшая на службе голлой эмпирики и правописания. Буслаев в ряде лингвистических, литературоведческих и педагогических вопросов взял на себя всю тяжесть пионерского подвига.

Имя Буслаева занимает в истории русского языкознания видное и почетное место.

Ф. И. Буслаев был выдающимся педагогом. Он по справедливости считается основоположником методики

преподавания русского языка в средних и высшей школе. Ему принадлежит ряд статей по методике, методических инструкций, учебников, монографий. Как педагог и воспитатель он пользовался огромным авторитетом.

Буслаев не только излагал методические принципы, он умел и сам превращать их в жизнь. По воспоминаниям своих многочисленных учеников, он был замечательным, образцовым педагогом-воспитателем. Ф. И. Буслаев отличался скромностью, внимательностью, большой подлинной культурой, честностью, прямоотой и независимостью суждений. Он был Учителем с большой буквы. Драгоценными чертами его как исследователя были научная добросовестность, огромное прилежание и трудолюбие, критическое отношение к изучаемому материалу, строгое обращение с фактами, аргументированность и логическая стройность выводов. Он жил наукой и для науки.

Отмечая 150-летие со дня рождения Федора Ивановича Буслаева, мы чтим память одного из лучших представителей отечественной филологии отдаем должное его огромным научным и педагогическим заслугам.

Профессор
Л. И. БАЗИЛЕВИЧ

В следующем номере
читайте статью А. А. Леонтьева
О психоллингвистике

Любители русской словесности

В середине прошлого столетия в России началось всеобщее увлечение русской стариной, народными обрядами и обычаями, народным искусством, языком. «Исследовать свой народ, его прошедшее и настоящее, его силы физические и нравственные, его значение и назначение» — к этому горячо призывал в своей речи на ежегодном торжественном акте в Петербургском университете молодой доктор славяно-русской филологии И. И. Срезневский. «Ум и деятельность народа отражаются в языке его» — так говорил и думал не только И. И. Срезневский: в языке видели истинно народные, национальные черты, в нем сохранились отзвуки далекого прошлого. Этим объясняется интерес к русскому языку, особенно к его диалектам.

В те годы развернулись широкие исследования в области языкознания. Одно за другим следовали блестящие выступления Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова, Г. П. Павского... Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество приступили к систематическому собиранию диалектной лексики, а в 1852 году был издан первый словарь русских народных говоров — «Опыт областного великорусского словаря».

Совершенно очевидно, что такая обширная программа исследований по диалектологии не смогла бы осуществиться без тех сведений, которые получала Академия наук от своих добровольных корреспондентов из различных губерний России.

Кто они были — эти любители и искатели русского слова, люди, которым многим обязана отечественная наука о языке?

Сельский учитель и церковный псаломщик, земский врач и армейский поручик, студент-биолог и ученый-ботаник, коллежский секретарь и смотритель училищ, помещик и профессор духовной академии, контр-адмирал и сенатор... Их руками собраны сведения о языке и быте русского народа, составлены рукописные словари. Все эти материалы стекались в единый центр, направлявший деятельность энтузиастов, помощников большой науки — в Академию наук.

Сибиряк Семен Черепанов был скромным титулярным советником. Обратиться к занятиям языком его заставил случай: местная знать, шокированная «грубой», «мужицкой» речью молодого чиновника, с презрением отвернулась от него. Это обстоятельство привело С. Черепанова в другое общество: здесь его «редко преследовали... иностранные слова, но их

место заняли областные». Сибирский чиновник оказался как бы между двумя полюсами: с одной стороны — дворянское общество, чужая, нерусская речь, с другой — язык простого народа, где областные слова режут слух образованного человека.

Где та «золотая середина», тот подлинно русский язык, на котором только и следует говорить русскому человеку? К тому времени, когда эти вопросы встали перед Черепановым, он уже написал целую книгу небольших бытовых зарисовок, которые свидетельствовали о способностях и наблюдательности автора. Свои сочинения он посылает во Второе отделение Академии наук. Ответ пришел незамедлительно. Ученые советовали своему сибирскому корреспонденту заняться собиранием местной лексики и посылали ему в качестве образца экземпляр изданного уже «Опыта областного великорусского словаря». Смутные, неосознанные стремления молодого чиновника приобретают четкую направленность: он с жаром принимается за изучение местной лексики «...уже с прямой целью: служить по силам своим для разработки этих сокровищ русского слова». «Этим собранием я занимался более десяти лет и не могу умолчать, — признавался позднее С. Черепанов, — об удовольствии, которое доставило мне это занятие». В результате упорной многолетней работы появился рукописный «Словарь сибирских слов и выражений», переданный автором Второму отделению Академии наук.

Завершая работу над этим словарем, С. Черепанов мечтал о новом, который мог бы дополнить и уточнить «Опыт областного великорусского словаря». Он отчетливо понимал всю сложность задачи: ведь надо «обозреть... всю Россию». Кто может составить такой словарь? Это должен быть человек, «проводивший целые осени со звероловами, целые лета в ла-

гере между рядовыми казаками, или с работниками на золотых приисках, сопровождающий партии ссыльных.., толкавшийся на рынках, этих притонах говорящего народа...». Иными словами, решить поставленную задачу под силу лишь тем, кто сможет и захочет окунуться в самую гущу народной жизни.

А в это время Академия наук уже приступала к работе над «Дополнением к Опыту областного великорусского словаря». Корреспонденты Академии, любители русской словесности, становились авторами статей, членами научных обществ.

Почетным званием члена-сотрудника Русского географического общества был отмечен за свою деятельность уральский священник Александр Луканин. Он собрал в Пермской губернии около четырех тысяч слов и составил большой рукописный словарь, который по богатству иллюстративного материала вряд ли сравнится с любым из словарей подобного типа.

К концу XIX — началу XX века диалектология окончательно утвердилась как самостоятельная научная дисциплина. В Академию наук пришла новая блестящая плеяда ученых во главе с А. А. Шахматовым. Деятельность Академии по собиранию диалектной лексики получила дальнейшее развитие. В 1903 году была создана московская диалектологическая комиссия, которая разработала программу для собирания сведений по диалектологии. По-прежнему приходили во Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество записи диалектной лексики из разных губерний России.

Раскром одну из книг журнала «Живая старина». С его страниц смотрят на читателя внимательные глаза большелобого человека с окладистой черной бородой. Это вологжанин Прокопий Александрович Дилакторский. Некрологи о его преждевременной смерти были помещены в газете «Санкт-Петербургские ведомости», в журналах «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Исторический вестник». Имя П. А. Дилакторского упоминает известный историк русской литературы С. А. Венгеров.

За свою недолгую жизнь, тяжело больной, П. А. Дилакторский успел написать около пятнадцати статей по этнографии, книгу «Вологжане писатели», издать литературно-научный сборник «Вологжанин», опубликовать старинную рукопись XVIII века. Он отыскал и приобрел две рукописные комедии XVIII века, опубликованные затем В. Ф. Миллером. П. А. Дилакторский содержал в Вологде публичную библиотеку, заведовал отделом народного образования в Кадниковском уездном земстве, принимал участие в создании исторического музея в Вологде.

Деятельность П. А. Дилакторского богата и многообразна. До последних дней жизни он выполнял различные поручения Академии наук, много лет сотрудничал в словаре Академии, составил рукописный словарь вологодской народной лексики.

Материалы для словаря П. А. Дилакторский собирал сам, а также организовал работу по собиранию диалектной лексики в пределах Вологодской губернии. В работе над словарем он использовал большое количество печатных и рукописных источников — всего более шестидесяти (напомним, что «Опыт» имел в своем распоряжении немногим более ста источников). Словарь П. А. Дилакторского включает около пяти тысяч слов. Такой вклад в науку трудно переоценить.

В 1883 году начал собирать вологодскую лексику ботаник Николай Иваницкий. Первые записи были сделаны им со слов вологодского крестьянина, жившего у него в услужении. Потом появились новые помощники: учитель М. М. Ку克林, «знарок вологодской народной жизни» А. Е. Мерцалов, вологжанка С. П. Брянцева... К записям присоединились сведения из печатных источников. Большой, добросовестно составленный словарь Н. Иваницкого был использован затем П. А. Дилакторским.

В 1900 году Академия наук получила еще один севернорусский рукописный словарь, опубликованный в том же году в сборнике Отделения русского языка и словесности. Составил его земский фельдшер Михаил Константинович Герасимов. Воспитанник Петербургской фельдшерской школы, участник русско-турецкой войны, М. К. Герасимов с 1882 года становится помощником врача в Череповецком земстве. С этого времени начинается его активный интерес к истории, языку и быту местного населения. «О народной медицине и акушерстве в Череповецком уезде» — так называлась его первая статья, опубликованная в 1889 году газетой «Земский врач». А три года спустя Русское географическое общество присудило М. К. Герасимову серебряную медаль «За полезные труды». Так Академия наук отметила его деятельность в области этнографии. Вскоре М. К. Герасимов стал членом-сотрудником Географического общества. 1899 год принес ему сразу две награды: вторую серебряную медаль Географического общества и звание члена-сотрудника Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Словарь М. К. Герасимова содержит около двух тысяч слов и снабжен кратким очерком Череповецкого говора.

В марте 1914 года А. А. Шахматов передал в рукописный отдел библиотеки Академии наук «Образцы говора и мировоззрения крестьян деревень Масловки и Хитровки Курской губернии». Рукопись эту он получил от учительницы Е. И. Резановой, которая прислала ее в качестве ответа на вопросы «Программы для собирания особенностей великорусских говоров».

Е. И. Резанова записывала сведения, сообщаемые ей учениками, местными крестьянами, возницами в дальних поездках. Ее интересовала лексика свадебных обрядов, названия домаш-

них животных и птиц, местные поверья... Крестьянин Василий Квасков, взрослый ученик вечерней школы, сообщил названия частей избы, телеги, сохи, много местных поверий. В своих записях Е. И. Резанова стремилась отметить особенности произношения. Словарь курской учительницы по праву занимает достойное место среди источников исследования русских народных говоров.

Более ста лет прошло со времени выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения». Между тем материалы по диалектной лексике продолжали накапливаться. Они требовали нового исследования и систематизации.

Недавно Институт русского языка Академии наук СССР приступил к изданию нового Словаря русских народных говоров, который должен стать самым полным по охвату материала в истории отечественной лексикографии (Словарь русских народных говоров. Главный редактор Ф. П. Филин. М. — Л. Вып. 1 — 1965; Вып. 2 — 1966; Вып. 3 — 1968).

Не приходится и говорить о том, каких больших усилий потребует это издание. Вот почему теперь особенно уместно вспомнить о замечательных традициях русской Академии наук, сумевшей сплотить целую армию энтузиастов, собирателей народной лексики.

Традиции эти сохранились и в наши дни: в адрес «Словаря русских народных говоров» приходят материалы из разных областей Советского Союза, собранные в основном преподавателями и студентами языковых факультетов. Присылают материалы и люди, не имеющие специального филологического образования: С. Д. Мастепанов из Ставрополя, В. Н. Саранцева из Пензы, П. А. Амосов из Ленинградской области и многие другие. Список любителей родного русского слова, материалами которых с благодарностью пользуются составители словаря, достаточно велик. Однако словарь требует все новых и новых записей.

Дело в том, что в распоряжении его составителей преобладают сведения, собранные в прошлом столетии, а современных материалов гораздо меньше. Понятно, что старые материалы нуждаются в проверке и уточнении.

Вот почему хочется закончить эти краткие заметки так, как кончил когда-то В. И. Даль «Напутное слово» к «Толковому словарю»:

«...Составитель словаря еще раз благодарит от души всех любителей слова, доставивших ему запасы или заметки, и усердно просит всякого сообщать ему и впредь, на пользу дела, пополнения к словарю, замечания и поправки, насколько что кому доступно».

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ,
научный сотрудник словарного
сектора Института русского языка АН СССР

(Ответы)

Во втором предложении ошибка в употреблении однокоренных слов: *техническое обслуживание техники*. Здесь можно опустить прилагательное *техническое* или заменить последнее слово: *техническое обслуживание механизмов* (агрегатов или комбайнов), — если нельзя обойтись без специального выражения *техническое обслуживание*. В корреспонденции на производственную тему использование словосочетаний терминологического характера естественно.

В третьем предложении неправильно употреблено слово *критерий* по отношению к сочетанию *страдная пора*. Критерий — это 'признак, на основании которого производится оценка, определение, классификация чего-нибудь, мерило'. Автор статьи пишет о работе механизаторов в страдную пору, а в сочетании с этим (или синонимичным ему) словом употребляется фразеологическое сочетание *критерий оценки* (чего-либо) или *критерий для оценки*. В данном предложении меняется и число у слова *критерий*. Исправленный вариант: *Темпы и качество — главные критерии оценки (или для оценки) работы в страдную пору*.

В следующем предложении местоимение *ее* формально заменяет словосочетание *страдную пору*, в результате получается неверное в смысловом отношении: «проводить страдную пору поручено... механизаторам». Следует поставить слово *жатву*, желательно изменить также вид глагола: *Провести жатву поручено лучшим механизаторам...*

В пятом предложении к сочетанию *на хлебных нивах*, употребляемому обыкновенно с оттенком стилистической приподнятости, больше подходит глагол *трудиться*, чем *работать*. Это случай факультативной (необязательной) правки.

В девятом предложении неправильно употреблено слово *прилежно*. Оно означает 'усердно, старательно': *прилежно трудиться, работать, учиться* и т. п.

В последнем предложении неверно употреблено причастие *предприняты* вместо *приняты* (меры). *Предпринять* значит 'приступить к осуществлению чего-нибудь, решиться на исполнение чего-нибудь'. Ошибка состоит в смешении паронимов — близких по звучанию, но различных по значению слов.

Словарь русских народных говоров составляется в словарном секторе Института русского языка АН СССР Адрес: Ленинград, В — 164, Университетская наб., 5.

Нумерация склонений существительных

Читательница А. С. Коротаяевская из Киева обращает внимание на то, что нумерация склонений в школьных учебниках, в научных грамматиках (например, в академической «Грамматике русского языка». М., 1952) и в некоторых вузовских учебных пособиях не совпадает.

«Каким образом переставлены местами типы склонений имен существительных, почему существуют разные трактовки? Если дети сейчас заучивают неправильно, то к чему это приведет в дальнейшем?» — спрашивает А. С. Коротаяевская.

Нумерация основных типов склонения имен существительных, принятая в научных грамматиках русского языка, методических руководствах и учебных пособиях, в том числе в школьных учебниках, различна. Например, в академической «Грамматике русского языка» (М., 1952) и в грамматиках русского языка, изданных Московским университетом (1952, 1957, 1964), существительные мужского рода, не имеющие окончания в именительном падеже единственного числа, и существительные среднего рода на *-о*, *-е* отнесены к первому склонению, а существительные женского рода на *-а* (*-я*) — ко второму. С другой стороны, в «Очерке грамматики русского языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (М., 1945), в «Курсе современного русского литературного языка» А. М. Финкеля и Н. М. Баженова (Киев, 1951), в «Морфологии современного русского языка» И. Г. Голанова (М., 1967) и в школьных учебниках принята противоположная нумерация этих же типов склонения, т. е. существительные на *-а* (*-я*) отнесены к первому склонению, а существительные мужского и среднего рода — ко второму.

Это противоречие объясняется условностью нумерации типов склонения существительных. Авторы и составители грамматик и учебных пособий всегда стремились к выяснению и установлению признаков, характеризующих отдельные склонения. Это прежде всего принадлежность существительного к мужскому, женскому или среднему роду. Порядковый номер не имел принципиального значения. Об этом наглядно свидетельствует описание именного склонения в научных грамматиках русского языка на протяжении двух последних столетий.

М. В. Ломоносов в «Русской грамматике» (СПб., 1755) назвал четыре склонения существительных: первое — имена мужского и женского рода: *слуга, изба, дядя, доля*; второе — имена мужского и среднего рода: *сокол, злодей, якорь, спасение, солнце, слово*; третье — имена среднего рода: *время, семья, жеребь*; четвертое — имена женского рода на *ь*: *добродетель*.

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова (СПб., 1844) все существительные по склонению разделены на правильные (или одинаково

склоняемые) и неправильные (или разносклоняемые). Правильные существительные на основании сходства падежных окончаний в единственном числе распределены в двух склонениях. К первому относятся существительные со следующими окончаниями: Р.— *-а, -я*, Д.— *-у, -ю*, Тв.— *-ом, -ем* (мужской и средний род). Ко второму — существительные с окончаниями: Р.— *-ы, -и, -у, -ю*, Д.— *-е, -и*, Тв.— *-ою, -ею, -ью* (все существительные женского рода).

Современник Востокова Н. И. Греч в «Краткой русской грамматике» (СПб., 1847) выделял три склонения: «Первое — для имен существительных окончания мужского; второе — для имен существительных окончания среднего и третье — для имен существительных окончания женского».

И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1854) выделял пять склонений. «Имена существительные с явными родовыми окончаниями, — писал Давыдов, — имеют три склонения, по числу родов, а имена без явных родовых окончаний — два склонения». К первому склонению относятся имена мужского рода — *стол, конь, обычай*. Ко второму склонению относятся женские имена с явными родовыми окончаниями и мужские — без явных родовых окончаний — *волна, пуля, шея, мужчина*. Третье содержит имена среднего рода — *число, море, собрание*. Четвертое — слова *тьма, церковь, дочь*. Пятое — слова на *-мя* и на *-я* — *время, темя*.

В. А. Богородицкий в «Общем курсе русской грамматики» (М.— Л., 1935) отмечал: «Что касается распределения склонений по различию окончаний, то самые крупные группы соответствуют различию родов — мужского, женского и среднего».

Каждая из этих групп имеет основное склонение (*стол, ларь; рыба, земля; окно, поле*) и побочное (муж.— *путь*, женск.— *дверь*, ср.— *имя* и т. п.), отличающееся от основного склонения известными особенностями в окончаниях».

Академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (М., 1947) выделял три основных склонения: 1) склонение имен существительных мужского рода с нулевым окончанием именительного падежа (*топор, стол, дом, фонарь, зверь, зять* и т. п.) и примакающее к нему склонение слов среднего рода на *-о, -е* (*село, зеркало, окно, поле, личико* и т. п.); 2) контрастирующее с первым типом женское склонение с нулевым окончанием именительного падежа (*кость, глубь, рысь, неожиданность* и т. п.); 3) противопоставленное среднему роду мужское — женское (в основе своей — женское) склонение существительных на *-а* (*сестра, вода, похвала, неряха, громила* и т. п.). «Не подлежит сомнению, — подчеркнул В. В. Виноградов, — что грамматической базой всей системы именного склонения является тип имен существительных мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже».

Как видно из обзора, авторы грамматик и грамматических исследований выделяли сходные по склонению группы существительных, но приводили их в разной последовательности, тем самым сообщая выделенным группам разные порядковые номера в общем перечне типов склонения.

В последнем по времени исследовании, посвященном склонению русских имен (Русское именное словоизменение. М., 1967), А. А. Зализняк приводит данные об изменении существительных, по которым можно составить представление о распространенности того или иного склонения. Так, по типу существительных мужского и среднего рода *завод, студент, столик, летчик; болото, здание* изменяется 18 800 имен существительных; по типу существитель-

ных женского рода *карта, сказка, точка, линия* — 11 500 и по типу существительных женского рода *радость* — 3 200. Если исходить из распространенности склонений, то следовало бы придерживаться нумерации, принятой в академической грамматике.

Но, во-первых, признавая условность нумерации и, во-вторых, учитывая длительную традицию принятого в школьных учебниках порядка, по которому слова женского рода на *а-* (*-я*) относятся к первому склонению, мы не считаем целесообразным обязательно вводить единую нумерацию склонений, тем более, что она не играет существенной роли в процессе изучения русской грамматики.

В. А. ПЛОТНИКОВА-РОБИНСОН

Р Е П Л И К А

Половцы и поле

Многолетние споры вокруг «Слова о полку Игореве» то затухают, то разгораются вновь. «Комсомольская правда» (6 июля 1968) опубликовала статью О. Сулейменова «Невидимые слова». К сожалению, не все ее положения соответствуют данным современного языкознания.

Так, название *половец* (древнерусское *половьць, половьчичь*) автор возводит к слову *поле* и ошибочно восстанавливает для древнерусского языка форму *полъвец* (?). Однако в корне *полъ-*е согласный *л* всегда мягкий и производное от него существительное со значением «обитатель поля» могло бы звучать только как **полевьць* → **полсевец*.

На самом деле слово *половцы* образовано от прилагательного *половый* «желтый» и представляет собой дословный перевод *половецкого* самоназвания *куман* «желтый».

Излагая как свое открытие высказанное ранее в науке отождествление загадочного эпитета «Слова» *харалужный* с прилагательным *каролингский, карлязский* (чему препятствуют не только звуковые отличия, но и разные суффиксы), О. Сулейменов высказывает не подкрепленные никакими фактами предположения:

«Французов древние славяне назвали „королями“ или „королевичами“, порой употребляя для этого книжное латинское (?) слово *caralus* („каралус“) — король».

Забыв, что «Слово о полку Игореве» — поэтическое произведение, образы которого не всегда укладываются в привычные каноны традиционной поэтики, О. Сулейменов на основе того, что чит часто противопоставляется мечу, пытается доказать, что «дети бесовы (половцы) переродили поле клинками», а не клинками, как читается в «Слове». В слове *кличь* он видит «типичный пример невидимого тюркизма» — тюркское название меча или сабли *кылыч, кылыш, кылыс, килич* (причем последняя форма сравнительно новая). Правда, эти тюркские названия приведены неточно: *кличь, кылыш*, а приведенный в статье вариант *кыль* вообще никакому тюркскому языку не известен.

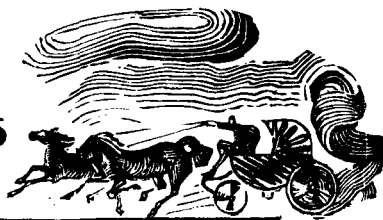
В другом месте *засапожники* и стоящее рядом слово *кличь* читается вольно: как *засапожные клики*.

В статью вкрались досадные опечатки, которые превращают реку *Немигу* в *Немичу*, а загадочные *хиновские стрелы* в еще более загадочные *хиновские*.

Очень жаль, что важная и серьезная тема о восточных словах в языке «Слова о полку Игореве» получила на страницах «Комсомольской правды» недостаточно квалифицированное освещение.

И. Г. ДОБРОДОНОВ

поэма «Русской рези»

Как зовут Горького?

«Известно, что псевдоним А. М. Пешкова — Максим Горький. — Чем же объяснить употребление такого сочетания, как Алексей Максимович Горький? Допустимо ли оно?» — пишет И. Дробняк из Омской области.

Вопрос этот не случаен. Многие читатели М. Горького считают, что широко употребляемая форма имени великого писателя — Алексей Максимович Горький — неправомерна. При этом подчеркивается, что сам писатель никогда себя так не называл и под своими письмами, телеграммами ставил подпись: А. Пешков или М. Горький.

На первый взгляд подобные объяснения звучат убедительно. Однако здесь не учитывается такое немаловажное обстоятельство, что у нас принято называть уважаемого человека по имени и отчеству. Таким образом, широко известный псевдоним *Максим Горький* не всегда оказывается уместным. С другой стороны, полное имя писателя *Алексей Максимович Пешков* явно не подходит для таких текстов, где говорится о Горьком как великом писателе, борце против фашизма, воспитателе молодежи. Иначе говоря, фактом общественной, литературной, культурной жизни страны и всего мира стала фамилия *Горький*, а не *Пешков*. Весьма характерно, в частности, что подпись *А. Пешков* писатель ставил, как правило, под теми письмами, которые адресовались близким друзьям, писателям, журналистам, редакторам из числа соотечественников. Если письмо отправлялось зарубежному писателю или советскому человеку, который не относился к числу литераторов-профессионалов, театральных деятелей, лично знакомых Горькому, то здесь почти всегда ставилась подпись *М. Горький*.

Из сказанного становятся понятными причины соединения, в результате которого рядом с именем и отчеством *Алексей Максимович* стала употребляться фамилия *Горький*.

Сам писатель себя так не называл, но он и не выступал с возражениями против «искажения» своего имени (сочетание *Алексей Максимович Горький* появилось еще при жизни писателя).

В течение нескольких десятилетий это сочетание стало не менее употребительным, чем псевдоним *Максим Горький*. Многие предприятия, организации, учреждения носят имя А. М. Горького. Так, например, Институт мировой литературы АН СССР называется Институтом мировой литературы имени А. М. Горького.

Таким образом, сочетание *Алексей Максимович Горький* правомерно.

Добавим, что подлинный псевдоним писателя *М. Горький* устойчиво сохраняется в изданиях его сочинений и на театральных афишах.

А. К. ПАНФИЛОВ

● АНИЧКОВ МОСТ

В. П. Захаров из Свердловска пишет нам: «Как следует говорить: Аничков мост, Аничков мост, Аничкин мост или Аничкий мост? Мы, старые ленинградцы, всегда говорили: Аничков. А современные ленинградцы (по крайней мере, очень многие) говорят: Аничкин, предполагая и даже объясняя, что название мост получил от какой-то Анички».

Перекинутый через Фонтанку на Невском проспекте Аничков мост — один из достопримечательных архитектурных памятников Ленинграда. Его украшают скульптурные группы, вылепленные и отлитые П. К. Клодтом.

Аничков мост неоднократно перестраивался. На этом месте в 1715 году был построен деревянный мост. Близ моста находилось тогда здание кордегардии, где проверялись паспорта въезжавших в столицу. В нынешнем виде он существует с середины прошлого века.

Название моста произошло от примыкавшей к нему Аничковой слободы, построенной рабочим батальоном, которым руководил подполковник Михаил Осипович Аничков. Он же был строителем и первого Аничкова моста.

Фамилия Аничков произошла от сокращенного личного имени Аничко (Аничка), которое в свою очередь восходит к славянскому имени Аника (известное Аника-воин). Правильно поэтому говорить: Аничков мост, а не Аничков, и уж ни в коем случае не Аничкин мост — никакой Анички здесь не было. Вот пример правильного ударения в стихах Льва Ошанина:

Копыта забирают круче,
Бьют по Аничкову мосту.
И вот дворец, огни. И кучер
С вожжами замер на лету.

Два вечера

Замечу, кстати, что в 1739 году «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» постановила назвать этот мост Невским. Однако новое наименование не привилось. Около 250 лет он сохраняет свое первоначальное название: Аничков мост.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

● «Плетется рысью...»

«У Пушкина сказано:

Зима!... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

Плетется рысью... Но ведь рысью лошадь бежит. А тут плетется. Как это понимать?»

В. М. СИДЕЛЬНИКОВ (Москва)

Все меньше и меньше становится людей, понимающих толк в лошадях. Особенно в городах, среди молодежи, забывшей о конном спорте. Естественно, что выходят из всеобщего употребления и становятся узко специальными словами-терминами названия аллюров, то есть способов передвижения лошади. Поэтому в бытовой (неспециальной) речи выражения *бежать рысью, галопом*, даже просто *аллюром* означают 'очень быстро, бегом, спешно' — первоначально это переносные значения.

Виды аллюра (во времена Пушкина они были известны, конечно, не одним лишь специалистам) различаются не только по скорости, но и по способу движения. Так, при движении шагом лошадь поочередно поднимает каждую из четырех ног (четыре такта); на рыси — одновременно отрывает от земли и ставит на землю ноги, расположенные по диагонали (два такта). По скорости различны тихий и ускоренный шаг, укороченная (тихая) и ускоренная рысь. Скорость при передвижении шагом может быть от 3,5 до 7 километров в час, в войсках — 6, рысью — 6,5—7, уставная рысь — 12, а ускоренная, при испытаниях на коротких дистанциях — до 50.

Мелкая рысь, которою, по-видимому, и плелась крестьянская лошадка у Пушкина, называется еще рысцой, например: «Кобылка напрягает все свои силы и, фыркая, бежит мелкой рысцой» (Чехов).

В. Д.

Оставляет желать лучшего...

В. К. Котов из Улан-Удэ спрашивает: «Как правильно: *Заставляет желать лучшего* или *Оставляет желать лучшего*?».

В современном русском литературном языке есть фразеологическое выражение со значением 'недостаточно хорошо, неудовлетворительно, не соответствует определенным требованиям' — *оставляет желать лучшего* (варианты — много лучшего или многого).

В толковых словарях не отмечается, что это выражение может употребляться с отрицанием *не* — и тогда оно означает 'превосходно, отвечает всем требованиям', например: «А вот люди, составлявшие костяк дивизии, были отличные, и их политико-моральное состояние не оставляло желать лучшего» (Катуков. Поднявший меч от меча и погибнет).

«*Заставляет желать лучшего*» — ошибка, типичная для разговорной речи с ее небрежностью к языковым средствам. Эта ошибка проникает иногда в художественную литературу и в печать, так: «...физическое же его состояние заставляло желать лучшего» (Кожевников. Щит и меч); «Характеристика Виктора Петровича не заставляла желать лучшего: человек спокойный, уравновешенный, непьющий...» (Розен. Последние две недели); «А вот организация работы в наших научных институтах, подбор кадров, расстановка сил, экономическое и моральное стимулирование зачастую заставляют желать лучшего» (Асанов. Богиня победы).

Произвольная замена приставки (*за-* вместо *о-*) — отступление от литературной нормы. При употреблении фразеологизма необходимо точно воспроизводить лексический состав и грамматическую организацию выражения.

Б. С. ШВАРЦКОПФ

● Дипломант и дипломник

Как следует называть студента или вообще учащегося, выполняющего дипломную работу, готовящего дипломный проект или сдающего дипломный экзамен: *дипломант* или *дипломник*? — спрашивают нас читатели А. Б. Пилявский (г. Тушино) и И. В. Капустин (г. Темиртау).

Еще 20—30 лет назад официальным названием студентов-выпускников было слово *дипломант*. В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова *дипломант* 'в технических учебных заведениях — студент, выполняющий дипломную работу' сопровождается пометой «специальное». Слов *дипломник* и *дипломница* ушаковский словарь вообще не приводит. Появившиеся в конце 30-х годов *дипломник* и *дипломница*, по-видимому, воспринимались на фоне *дипломант* и *дипломантка* как их разговорные варианты.

В литературной норме последнего десятилетия *дипломник* и *дипломница* потеряли всякий оттенок разговорности и стали общелитературным обозначением учащегося в период защиты им дипломной работы и получения диплома. Утверждению этих слов в качестве литературной нормы в значительной степени способствовало новое употребление слова *дипломант*: дипломант Всероссийского конкурса чтецов, дипломант Международного конкурса скрипачей, дипломант Всесоюзной технической выставки и т. п. Здесь *дипломант* — ‘участник творческого конкурса, выставки и т. п., удостоенный диплома победителя; призер’. В современном литературном языке это единственное значение слова *дипломант*. Употребление его по отношению к студенту — выпускнику вуза, техникума и т. п. — следует рассматривать как архаичное, устарелое.

В одностомном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, начиная с 4-го издания (М., 1960), в которое автор внес много специальных нормативных рекомендаций, слово *дипломник* (ж. *дипломница*) объясняется как ‘студент, выполняющий дипломную работу’ и имеет при себе запретительную помету: «не рекомендуется говорить „дипломант“».

Л. И. СКВОРЦОВ

● Завод и фабрика

М. С. Мутьев (Днепропетровск) спрашивает о смысловой разнице между словами *завод* и *фабрика*: «Есть ли какие-либо принципы, которыми руководствуются при наименовании одних предприятий заводами, а других фабриками?».

Многие языки мира (например, испанский, сербскохорватский и др.) не разграничивают понятий ‘завод’ и ‘фабрика’. По-сербскохорватски ‘автомобильный завод’ — *фабрика аутомобила*, ‘металлургический завод’ — *фабрика железара*, ‘машиностроительный завод’ — *фабрика машина*, ‘швейная фабрика’ — *фабрика конфекције* и т. д. В некоторых языках есть слова, разграничивающие эти понятия с большей или меньшей последовательностью. В результате получается, что предприятие, где изготавливается обувь, русские называют *обувной фабрикой*, а болгары и французы — *заводом* (болгарское — *обувен завод*; французское — *usine de chaussures*). Предприятие, на котором изготавливают пиво, болгары называют *фабрикой* (бирена фабрика или пивоварна фабрика), а русские — *пивоваренным заводом*.

В некоторых языках одно и то же предприятие можно назвать и фабрикой и заводом. Так, в немецком языке для обозначения автомобильного завода употребляется и слово *Automobilfabrik* и *Automobilwerk*.

Все это говорит о том, что нет строго логичных оснований для разграничения понятий 'завод' и 'фабрика'. Не случайно в политической экономии они считаются тождественными.

В русском языке каждое из рассматриваемых слов употреблялось еще в начале XIX века, причем уже тогда не было четких критериев для их разграничения. В «Толковом словаре» В. И. Даля есть два объяснения: первое — «завод... различается от фабрики тем, что на последней работа идет более руками», второе — «фабриками зовут такие заводы, где огонь (накалка, плавка, варка) не занимает первого места...». Точнее, по-видимому, второе толкование, поскольку и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года сказано примерно то же: «фабрика... — завод, или место, где в значительном количестве производится какое-нибудь изделие, и притом без существенного пособия огня, т. е. не употребляя для выработки изделия плавильных, обжигательных, калильных или выпаривательных печей, либо горнов».

Близкое к этому объяснение находим и в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Здесь говорится, что в разговорной речи понятия 'завод' и 'фабрика' не различаются, однако между ними есть разница: на фабриках производится механическое изменение сырья, а на заводах — химическое. Материалы этого словаря, к сожалению, не всегда отличались должной точностью. Так, в числе различных видов фабричной промышленности отмечается «превращение металлов в машины и приборы», а между тем и в то время, то есть в конце прошлого века, предприятия, на которых изготовлялись машины, обычно называли заводами. Например, в очерке М. Горького «Машинный отдел» читаем: «...Каждому из машиностроительных заводов приходится исполнять у нас самые разнообразные работы...».

С развитием промышленности содержание понятий 'фабрика' и 'завод' менялось. В 90-е годы прошлого века кожевенное предприятие можно было назвать и заводом и фабрикой: «...По милости вышеназванного завода, пивного завода Петцольд, кожевенных заводов и завода газового, расположенных по берегам Кабана, воду его пить нельзя...» (Горький. С Всероссийской выставки. 1896); «От кожевенной фабрики вода в речке стала вонючей...» (Чехов. В овраге). В дальнейшем словосочетание *кожевенная фабрика* вышло из употребления.

В говорах между словами *фабрика* и *завод* наблюдались и иные смысловые отношения. На Урале заводом называли промышленное предприятие вместе со всеми относящимися к нему постройками, в том числе и жилыми зданиями: «Эти заводы — числом десять — занимают собой площадь в шестьсот тысяч десятин... Кайгородов сам никогда не жил в своих заводах и даже едва ли бывал в них...» (Мамин-Сибиряк. Сестры). Фабрикой именовали основное производственное помещение вместе со всем оборудованием, поэтому было возможно название *заводская фабрика*: «Вид Пеньковского завода был очень красив, хотя завод был

расположен не в горах... Небольшая горная речка Пеньковка образовала большой заводский пруд, по берегам которого и сгруппировались в длинные правильные улицы заводские домики, сопровождающая реку далеко по ее течению вниз; прежде всего в глаза бросались две хороших каменных церкви, черневшие издали здания заводской фабрики и еще несколько больших каменных домов, построенных в городском вкусе» (Мамин-Сибиряк. Сестры).

Как указано в Словаре С. И. Ожегова (М., 1964), «наименования предприятия заимствованным словом *фабрика* или русским *завод* связано с историей развития в России отдельных отраслей промышленности». С. И. Ожегов дает такие примеры употребления этих слов: бумажная фабрика, суконная фабрика, кондитерская фабрика, ткацкая фабрика, швейная фабрика, но: металлургический завод, маслобойный завод.

В настоящее время название предприятий определяется сложившейся традицией: «Первоначально имелись некоторые различия между заводом и фабрикой в отношении применяемой техники и технологии производства. С развитием техники эти различия исчезли, и название того или иного предприятия заводом или фабрикой объясняются только сложившейся традицией» (Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. М., 1962). В этой же энциклопедии понятие 'фабрика' определяется следующим образом: «Термин „фабрика“ употребляется преимущественно в легкой промышленности и при первоначальной переработке сырья в добывающих отраслях (обогащительные фабрики в угольной и горнорудной промышленности, а также агломерационные фабрики в горнорудной промышленности, либо при металлургических заводах)».

А. К. ПАНФИЛОВ

● ЛОКОМОТИВНОЕ ДЕПО

Дебальцево-Сортировочное

Какие слова в этом сочетании должны начинаться с прописной буквы? — спрашивает В. П. Катин из Дебальцево.

Первая часть сочетания *локомотивное депо* — нарицательное название предприятия, слова, его составляющие, пишутся со строчной буквы. Сравните: автомобильный завод, кондитерская фабрика.

Дебальцево-Сортировочное — сложное географическое название, образованное из сочетания существительного и прилагательного, соединенных на письме дефисом. В таких названиях обе части пишутся с прописных букв. Сравните еще: Москва-Товарная, Ленинград-Пассажирский.

Б. З. БУКЧИНА

● Ригели и штабеля

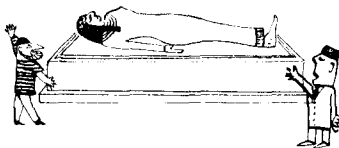
«Объясните причину разных окончаний у некоторых существительных в именительном падеже множественного числа, — просит А. Матковский (Тульская обл.). ... — Написано „складировать ригели и одноярусные колонны в штабеля общей высотой до двух метров“. Почему во множественном числе окончания у этих слов различаются, тогда как в именительном единственного слова *ригель* и *штабель* совпадают? То же и в других случаях — *ходы*, но *электропровода*, почему не *хода* и *провода* или не *ходы* и *проводы*?».

Желание иметь твердое грамматическое правило, которому без исключения подчинялись бы все существительные, вполне понятно: вряд ли нужно в повседневном общении, припоминая правило, думать и об отклонениях от него. Казалось бы, проще установить единый грамматический закон и всегда соблюдать его. Однако при первом же столкновении с фактами языка иллюзия возможного закона без исключений пропадает. Некогда, рассуждая о разном и колебаниях в грамматике, Н. М. Карамзин писал: «Российская Грамматика есть донныне богиня Изида в пеленах: никто не обнажил всех ее тайностей. Мой друг! Гораздо легче иметь полную, ясную, мудрую систему гражданского законодательства, нежели языка».

Историческое развитие формы именительного множественного у существительных мужского рода на твердый и мягкий согласный привело к тому, что примерно к XIII веку большинство этих существительных имели окончание *-и* и *-ы*: волки, соседи, орлы, сады и т. п.; со II половины XVII века распространилась новая форма на *-á* и *-я́*. Эту форму принимали существительные с подвижным ударением, которое использовалось для различия единственного и множественного числа (родительный единственного: берега, леса, глаза; именительный множественного: берега́, леса́, глаза́ и под.).

Существование двух форм привело к тому, что в современном литературном языке многие существительные колеблются в именительном множественного: реда́кторы и редакторá, го́ды и годá, се́кторы и секторá, це́хи и цехá, шта́бели и штабеля́ и мн. др. Это живое развивающееся грамматическое явление. Формы на *-а* (*-я*): токаря́, слесаря́, пекаря́, торта́, якоря́, тенора́, штабеля́ — чаще используются в профессиональной речи. Некоторые из них широко распространились и получили права литературных, а некоторые пока сохраняют оттенок просторечности и нормативными пособиями не рекомендуются. Словарь-справочник «Русское литературное произношение» (М., 1960) рекомендует *тенора́*, *штабеля́*, но только *торты́* (не *торта́*).

Часто существительные имеют разные формы в зависимости от значения слова: *кондукторá*, если речь идет о работнике поезда,

и *кондукторы* — название детали машины. *Табели* — расписание, список чего-нибудь, расположенный в определенной последовательности, и *табеля*, если названы жетоны. В эту группу входят и те пары существительных, о которых спрашивает А. Матковский: *провода* — *проводá* и *ходы* — *ходá*. *Проводá* — когда обозначается металлический шнур, проволока для передачи электрического тока, отсюда и *электропроводá*, и *прóводы* — если речь идет о прощании с отъезжающим или уходящим. *Хóды* и *ходы́* — когда называется место прохода куда-нибудь, и *ходá* — в специальном употреблении для обозначения расстояния между передней и задней осью повозки. Таким образом, существующие формы *хóды* и *прóводы* имеют одно значение, *ходá* и *проводá* — другое. Здесь различия в окончании слов служат приметой для их смыслового разграничения, унификация в таких случаях невозможна.

Л. К. ГРАУДИНА

● Применительно к...

М. Кривошеев из Москвы спрашивает, нужен ли предлог в сочетании «Конструкция принята применительно к типовому проекту».

Наречие *применительно* означает 'в применении, по отношению к чему-либо' и всегда употребляется с предлогом *к*: применительно к кому-чему-либо (применительно к человеку; применительно к проекту).

Б. З. БУКЧИНА

● Могут ли овцы котиться?

«Ведь *котиться* — это значит родить котят. А какие же котята у овцы?..».

Подобные недоумения и протесты, встречающиеся во многих письмах читателей, не имеют достаточных оснований. И вот почему.

Глагол *котиться* этимологически (по происхождению) не связан с названием домашнего животного *кот*, *кошка*. Общеславянское слово, послужившее основой для образования глагола *котиться* — *kotiti se* — значило 'рожать детенышей' и восходит к *котить* (*катить*) — 'бросать, метать' (ср. *помёт* 'единовременный приплод у мелких животных'). Впоследствии связь глагола *котиться* со словом *котить* (*катить*) была утрачена, и в сознании говорящих глагол *котиться* сблизился со словами *кот*, *котёнок*

(ср.: телиться — телёнок, жеребиться — жеребёнок, пороситься — поросёнок и т. п.). Это вторичное осмысление слова нашло отражение даже в некоторых старых словарях.

Например, в известном «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского глагол *котиться* помещен в гнезде *кот*.

В южнорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках (как и в ряде других славянских языков) глагол *(о)котить(-ся)* сохранил старое значение 'рождать (рождаться)'. Это народное употребление отражено в произведениях русских и советских писателей. Например: «Ягнят у нас окотилось четыре, но корм скудный» (Н. Успенский. Бурсацкие нравы); «На полу, на мокрой и грязной соломе, несколько овец с только что окотившимися ягнятами» (Бунин. Последняя весна); «К Михайлову дню овцы окотили по двойне» (Шолохов. Тихий Дон).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *котиться* имеет помету «тамбовское». Интересно, что говоря об *окоге овец*, В. И. Даль вносит оценку и как бы исправление: «вернее, объягниение». Очевидно, в то время это выражение в общей речи воспринималось как сугубо местное, диалектное. По данным современной русской диалектологии слова *котиться* и *ягниться* (и производные от них) принадлежат разным говорам русского языка; одно из них северное (ягниться, ягниение и т. п. — об овце), другое — южное (котиться, окот — также об овце, овцах). По территории среднерусских говоров, являющихся переходом от северных к южным, проходит граница населенных пунктов, где эти слова сосуществуют. К северу от этой границы говорят *ягниться* и *объягниение*, к югу от нее — *котиться* и *окот*.

С 30-х годов нашего века слова *котиться* и *окот* (об овцах и некоторых других животных) начинают активно входить в общее употребление, перестают быть собственно диалектными (ср. разноречием «областное», «специальное», «сельскохозяйственное» при словах *котиться*, *окот*, *отёл*, *опорос* и им подобных в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова). Современные толковые словари дают их без всяких помет как слова вполне литературные.

По-видимому, в наши дни появилась потребность в общем, унифицированном названии для периода родов в животноводстве. Ведь в текстах официальных документов невозможно (да и ненужно!) перечислять все наименования родов для разных животных, например: *отёл*, *опорос*, *ожерёб*, *объягниение* и т. п. В качестве такого общего термина и были взяты слова *котиться* и *окот*, пришедшие в официальную и профессиональную речь из диалектного, южнорусского употребления.

Л. И. СКВОРЦОВ

Загадки «Вечерней Москвы»

Работают ли механизмы?

28 мая 1968 года

ЭТОГО молодого человека хорошо знают механизаторы Южного порта столицы. Ведь механизмы, которые обслуживает механик Анатолий Грачев, всегда работают бесперебойно, срок службы между ремонтами сокращен до минимума. Сам Анатолий активный рационализатор, из года в год вносит новшества в портовые механизмы.

Рубленый

или

рубленный?

12 июня 1968 года

Продаем

● срочно **ДЕРЕВЯННЫЙ, РУБЛЕННЫЙ, ЗИМНИЙ ОДНОЭТАЖНЫЙ ДОМ** в хорошем состоянии (60 кв. м). Дом подлежит сносу. Звонить по тел. 148-62-00.

● срочно недорого на слом **ДОМ** деревянный, **рубленый**, двухэтажный с террасой. Ком-плектной водяной см-

Склонять или не склонять?

ПРЕМЬЕРА МХАТ

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА** 3 стр

13 июня 1968 года

НА СЦЕНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА ПЕРВЫЙ РАЗ в съ-
емочном театре подго-
товил специальное
оформление. Спек-
такль **МТЮЗа** увидят
также зрители Бел-
града и Загреба.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ

В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ РЕЧЬ»

ЗА 1968 год (№ 1—6)

Абдуллаев А. А. Москвич — москвичи	1	Валгина Н. С. Знаки препина-ния... зачем они?	5
Авилова Н. С. Чтут или чтят?	4	Варбот Ж. Ж. Этимология	4
Агафонова Н. П., Ройзензон Л. И. «По Петровке пачками нэпачи с нэпачками...»	5	Варшавский С. Р. Неизгладимый след	3
Акулова-Богородска я Е. А. Как вас зовут?	5	Варшавский С. Р. Легенда о тополе	6
Аранов М. В. «Отставной козы барабанщик»	3	В. Б. «Юности честное зеркало»	2
Ауэрбах Т. Д. История одного изречения. Сжечь корабль. У жены под башмаком. Хобби учителя Майера	1	В. Д. «Poradnik językowy»	2
Базилевич Л. И. Федор Иванович Буслаев	6	Веселитский В. В. Революция	3
Бельчиков Ю. А. Общество любителей российской словесности	2	Веселитский В. В. Орган, организм, организация, органический	6
Бирюков Ф. Г. По поводу «лимонада» в оде «Фелица»	5	Виноградов В. В. О серии выражений: <i>муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой</i>	1
Бирюков Ф. Г. Настоящая русская речь	6	Виноградова Л. И., Дурьгина Э. М. Стоит ли игра свеч?	4
Богуславский В. М. В защиту делового штампа	6	В. К. Л. Палец и перст	6
Борисова М. Б. Стиль Горького-драматурга	2	В. Л. «В эмпиреях»	3
Борисова М. Б. Слово в драматургии Тургенева	6	Владимиров С. В. Терминология научной фантастики	4
Борковский В. И. Грамоты на бересте	3	В. О. Кольбель или кузница? «На небе их видимо-невидимо»	3
Борковский В. И. Леонид Арсеньевич Булаховский	4	В. О. Еще о красности. Любовь к образу. Наследство классиков	2
Борковский В. И. Русский азбуковник XVII века	5	В. О. Честь мастера	4
Брагина А. А. Кемпинг — кемпинговый	3	Волкова Н. М. Международный съезд славистов	4
Брагина А. А. Сервис	4	Вомперский В. П. Слово <i>шуршать</i> в рассказе «Бежин луг»	6
Букчина Б. З., Золотова Г. А. Слово на вывеске	3	Боронцова В. Л. Острота или острота?	6
Булаховский Л. А. О прогрессе в языке	4	Вялкина Л. В. Зима и лето	4
Булохов В. Я. Звуки и буквы в школьном учебнике	2	Гимпелевич В. С. Кирзовый или кирзобый?	5
Бутрин Д. И. Сочетания существительных с числительным <i>полтора</i>	6	Гольдинер В. Д. Искусство судебной речи	3
Б. Ш. Язык в «Детской энциклопедии»	3	Горбачевич К. С. Васильевский остров	1
Б. Ш. «Иль на щите иль со щитом...»	4	Граудина Л. К. На дорогах	4
Б. Ш. Небо в алмазах. Хлестаков и курьеры	6	Григорьев В. П. Год поэзии 1967	3
		Громова Н. М.— Я держу...— Держишь или держишь?	5
		Гукович Н. П. П/ст, на В/№	4
		Гуревич В. В. Есть ли артикли в русском языке?	3
		Гурсева М. С. Не обряд прощания, а формула духовного возрождения	6

Даниленко В. П. Заглавные персонажи. Романы Жюль Верна	2	Левашов Е. А. Футбол и футболить	3
Дерягин В. Я. Обличать или обучать?	2	Левин Ю. Д. Язык родных осин	1
Дерягин В. Я. Лингвистическая география	3	Левин Ю. Д. «За человека страшно»	5
Добродомов И. Г. Старинный русский календарь	1, 2	Леонтьевский Н. Русский язык Полины Виардо	6
Добродомов И. Г. Хазары и русское правописание	3	Логинова К. А. Хобби и хоббисты	5
Добродомов И. Г. Дрофа — дудак	4	Лопатин В. В., Шварцкопф В. С. Кънигъчи — книгочей	2
Добродомов И. Г. Почему убегают гласные?	5	Лопатина Л. Е. Тмутараканскому камню 900 лет	3
Добродомов И. Г. Половцы и поле	6	Лукина Г. Н. Драгоценные камни в Древней Руси	5
Долгопольский А. Б. Древние корни и древние люди	2	Львов А. С. Заметки о словах	1
Елагина К. И. Дмитрий Николаевич Ушаков	2	Львов А. С. Невдомек, нет, опрятный, приятный	3
Зиндер Л. Р., Матусевич М. И. Лев Владимирович Щерба	5	Львов А. С. Первая русская книга	4
Зинин С. И. Орфографические словари русского языка	6	Львов А. С. Восхитительный. Хитрый. Опасный	5
Иванова В. Ф. Основы русской орфографии	4	Магазанник Э. Б. Имена собственные в художественной литературе	3
Иссерлин Е. М. Борис Александрович Ларин	1	Макарова Р. В. Нужно ли менять русскую азбуку?	6
Каргин Н. А. Поэзия и развитие речи	1	Мамаев Г. А. Ударение в сложносокращенных словах	5
Качевская Г. А. Собираемые числительные	1	Миськевич Г. И. Океанавт, гидронавт, акванавт	2
Князева Л. Э. Об одном полемическом средстве в публицистике В. И. Ленина	5	Михайлов М. М. О благозвучии русской речи	2
Ковтун Л. С. Словарь А. М. Горького	2	Моисеев А. И. Вы и ваша профессия	1
Коготкова Т. С. Читатели о диалектных ошибках	6	Мокленко В. М. Каламбуры у Горького	2
Кожевников П. П. Заметки редактора научной медицинской литературы	1	Морозова С. Е. «Мовознавство»	5
Кожина М. Н. Речь или не речь?	3	Мсерьян А. Г. Благодаря оплошности	5
Коннова В. Ф. Общеславянский лингвистический атлас	5	Мучник Б. С. Первоначальное и окончательное восприятие текста	4
Костинский Ю. М. Иерихон футбольных трибун	6	Мызина В. А. Все и каждый	5
Критенко А. П. Этимологические заметки	5	Мыркин В. Я. «Sprachpflege»	5
Кручинина И. Н. Синтаксис разговорной речи	1	Наумов К. В. Сатирические неологизмы в публицистике В. И. Ленина	2
Кудрявцев С. Д. Письмо в редакцию	5	Невзглядова Е. В. В поисках верности стихотворного перевода	3
К читателю	1	Нестеров М. Н. Особенности стиля Ю. Тынянова	5
Лавина М. С. Из истории БУСов	5	Николаев И. Л. Русский и таджикский	1
Лаптева О. А. Фотография ли?	4	Панкратова Н. П. «Письмовник» Курганова	3
Ларин Б. А. Заметки о поэтическом языке Некрасова	1	Панфилов В. М. Деепричастные обороты в безличных конструкциях	1

Петров А. П. Опять мокроступы	2	его рукописная «Русская грамматика»	1
Петрова З. М. Дым отечества	6	Трифонов П. Д. Не все то золото, что блестит	4
Плотников-Робинсон В. А. Нумерация склонений существительных	6	Улуханов И. С. Славянизмы в русском языке	1
Попов А. И. Арзамас	1	Улуханов И. С. Предыдущий	3
Попов А. И. Арск. Торонец. Великие Луки	4	Улуханов И. С. Превзойти. Превознести. Преставиться	5
Попов И. А. Туземец	6	Ушаков А. А. Язык советского закона	1
Попова З. Д. Чай — чаю, сахара — сахару	4	Ушаков Д. Н. Московское произношение	2
Попова Н. В. Диалектологические заметки Н. А. Добролюбова	1	Филин Ф. П. У истоков русского языка	2
Пустовойт П. Г. Великий художник слова	6	Филиппов В. С. Скоморох, комедиант, лицедей, актер, артист	3
Рисс О. В. Письмо в редакцию	5	Филиппов В. С. Опера	5
Ройзензон Л. И. Тутовник или тутóвник?	6	Черкасова Е. Т. Здравый смысл и языковая норма	2
Романова Г. Я. «Kultura slova»	2	Чуковский К. И. Поэт прилагательных	1
Ромашков Е. Г. Вывески, этикетки и знаки препинания	1	Чурмаева Н. В. Что ели русские люди в древности?	5
«Русская речь» отчитывается	3	Ханпира Эр. «ТАСС уполномочен заявить...»	3
Сатуновский Я. А. Ритмы считалки в стихах Маяковского	4	Шарапова М. К. Собственные имена или нарицательные?	3
Сергеев В. Н. Памятник Минину и Пожарскому — памятник архитектуры	6	Шварцкопф Б. С. О культуре деловой речи	3
Сиротина В. А. Слово в сатире Горького	2	Шварцкопф Б. С. Лебединая песня. «Есть мужкетеры, есть!»	5
Скворцов Л. И. В жанре дамской повести	1	Шмидт В. и Шерцберг И. Профессиональные языки и общепрофессиональный язык	5
Скворцов Л. И. Уроки одной дискуссии	2	Щерба Л. В. Словарь академический и словарь-справочник	5
Солганик Г. Я. Многотиражные газеты геологов	2	Этерлей Е. Н. Любители русской словесности	6
Солоницын Ю. В. Как расставить слова?	5	Ю. Л. Об одном сравнении в романе «Накануне»	6
Тарабрин Л. А. Об одном эпитете в романе «Мать»	2	Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи	4
Творогов О. В. Литературные стили Киевской Руси	4	Янко-Триницкая Н. А. Вольности устной речи	5
Тоболова М. П. А. А. Барсов и			

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Ответы на вопросы читателей

Актер или артист?	2	Внештатный — нештатный — общественный	2
Аничков мост	6	«Вожатый удивился...»	4
Басурманин	5	Волнительный	1
Бедный Макар и др.	2	Глухонемота преодолима	1
Безабзадный набор	1	Дебетовать	2
Белых, Красных	3	Детский сад	3
Большинство товарищей согласилось (согласилось)	1	Дипломант и дипломник	6
Вичугский или вичужский?	3	Дом культуры стройматериалов	4

Дубина стоеросовая	5	«Плетется рысью...»	6
Еще о яслях	3	Полтина, алтын	4
Завод и фабрика	6	Полю дощатые, брусчатые	2
Заводская газета или многотиражка? ка?	4	Попёрчи или поперчи?	3
Звуковик	1	Прасол	2
Кавычки	4	Призвание	3
Как зовут Горького?	6	Применительно к	6
Как написать адрес?	4	Принадлежит к	4
Клала или клалá?	3	Промозглый, безмозглый	2
Локомотивное депо Дебальцево- Сортировочное	6	Психология	3
Могут ли овцы котиться?	6	Пятерка	1
Мусоргский или Мусóргский?	4	Ригели и птабеля	6
Начнем сначала	3	Склонение иностранных имен	3
<i>Неосторожный</i> в юридических терминах	4	Склоняются ли <i>Пушкино, Тушино,</i> <i>Шувалово?</i>	4
Неспокойно, но выдержанно	4	С мнением или со мнением?	5
«Ночи безумны...»	1	Собственные имена и правописа- ние	1
Обеспечить, пекусь, беспечный, печаль	2	Сопел или сопл?	3
Обилетить, обрить	2	Трудные случаи ударения	1
Оставляет желать лучшего	6	Туннель или тоннель	5
Откуда слово <i>офеня</i> ?	4	Уважаемый товарищ!	5
Охтинский или охтенский?	3	Угольный и угóльный?	3
Плато	3	Хочется поблагодарить — благода- рите!	4
По грибы или за грибами	1	Яго, Конго	3
		Ялтичатъ	2